

НЕМНОЖКО

ЧОКНУТАЯ

vk.com/stagedive

А. Э. Мерфи

Annotation

Я сильная, страстная, свободная. По крайней мере я была такой, пока отец не попросил меня выйти замуж за своего красивого, очаровательного и абсолютно невероятного, верного помощника, который был мне кем-то вроде близкого друга. Конечно, я согласилась, главным образом потому, что это было его последнее желание. Он хотел видеть меня с тем, кого он хорошо знал, и кто бы достойно заботился обо мне. Буду ли я любить его? Или я буду его ненавидеть? Возможны оба варианта, и они немного безумные. Я знаю, что провалюсь, ведь я эгоистичная, самовлюбленная и жалкая. Я просто надеюсь, что он уже заранее готов к такому моему поведению. Это - наша история, и в нее входят: плакат Ченнинга Татума, давно пропавший брат, костлявая блондинка и неразборчивые подруги, плюс горячая цыпочка, и только одна смягчающая последствия Сильвия. Теперь сведите вместе сумасшедшую особу женского пола и мужчину, который готов на все ради нее (то есть меня и Джеймса), и получите нашу историю. Или точнее ее первую часть.

А.Э. Мерфи

Немножко чокнутая

ПРОЛОГ

Ловкость — явно не самая лучшая моя черта. На самом деле, то, чего я боюсь — не существует. Вот почему, будучи подростком, я была поймана за мелкие кражи. Это еще и потому, что я была поймана моим отцом именно в тот самый момент, когда пыталась взять одну из его любимых машин. И это потому, что мой отец всякий раз ловил меня и именно тогда, когда я хотела провернуть очередные черные делишки... Так что да... ловкость. Это точно не мое.

Я могу привести вам один пример, который, по правде сказать, до сих пор заставляет меня смеяться до колик в животе. Итак, мне позвонил человек, имя которого я даже не запомнила, и сообщил о пожаре, который произошел недалеко от речушки. Если честно — это был довольно-таки маленький лесной пожар, но, как и все пожары, он оставил после себя большое разрушение на сожженном участке. Это было место, на котором, по всей вероятности, «крутые» и «стильные» людишки проводили свой выходной. Однако мой папа был категорически против того, чтобы и мои выходные проходили таким образом. Поэтому он посадил меня под замок. Так что прошлые выходные я просидела взаперти.

Я чувствовала себя «маленьким чертенком» и была очень удивлена, когда добралась до подвальной автостоянки и забралась в любимую «БМВ» своего отца, которую, между прочим, он никогда не использовал. Но прежде, чем я успела повернуть ключ зажигания, я увидела, как в гараже внезапно загорелся свет. Затем я услышала шаги (а через некоторое мгновение и увидела) своего отца, который спустился по лестнице, приводящей к подвальной автостоянке, где, к сожалению, находилась я. Вот дерьмо.

Из всех предыдущих ночей именно сегодня он выбрал «БМВ». Именно в эту ночь. Таким образом, я торопливо перелезла на заднее сидение машины. А затем, едва я успела опуститься вниз, мой отец открыл дверь злосчастной машины. Теперь это «дерьмо» в двойном формате. К счастью, он сделал музыку погромче. Заиграла песня под названием «Оружие и Розы». Таким образом, он не смог услышать моего дыхания. Наверное, мы ехали целую вечность. Но внезапно он остановился возле кафешки, в которой продавали гамбургеры. И, конечно же, заказал парочку.

Пока отец смотрел в другую сторону, я осторожно потянулась и украдкой стащила половину его недоеденного бутерброда.

Спросите, что я могу сказать в свое оправдание? Я просто была очень голодна. Он «туманно» заметил отсутствие гамбургера, и, по всей вероятности, предположил, что он съел его сам. Как говорится, съел и не заметил. Ах, да. Ведь все так и произошло. Мой отец был очень забывчивым. А потом я очень сильно захотела пить. Действительно очень-очень сильно. Отец включил обогрев на максимум для спины и ног. Мне стало жарко, и я была готова выпрыгнуть из окна, когда он переключил на холодный воздух и в буквальном смысле слова «заморозил» автомобиль, тем самым заставляя всю меня дрожать от холода и очень сильно стучать зубами. Это продолжалось в течение часа, пока он пел во все горло песню под названием «Добро пожаловать в джунгли». Только его пение было сложно принять за пение. Это больше напоминало визжание. А потом он стал играть на воображаемой гитаре, когда машина остановилась у светофора на красный свет. И этот свет, я бы сказала, раздражал его. Но, тем не менее, одновременно с этим раздражением он был жутко веселым.

Так или иначе, после сотого раза обогрева салона машины я жутко устала, и моя

задница онемела до самой последней стадии. Мне показалось, что я навсегда застряла в этом положении. И я снова очень сильно захотела пить. К моему огромному счастью мы остановились в каком-то месте. Я не могла сказать, в каком именно, так как я не решалась поднять голову. И поэтому, воспользовавшись моментом, я стащила папину воду и выключила этот проклятый обогрев.

Когда он вернулся в автомобиль, все, что он произнес, было: «Что за черт? Почему не работает обогрев?!». А затем он снова включил его и двинулся вперед. Мы ехали около часа после того, как припарковались на какой-то пустынной автостоянке. Еще через час рядом с нашим автомобилем остановился другой, а через несколько минут из него вышла женщина и забралась на пассажирское сиденье.

Следующее оставит осадок во мне на всю жизнь. Итак, она запрыгивает, в прямом смысле этого слова, в автомобиль, и мой отец начинает раздеваться. Весь удар пришелся на ее полную задницу. Она запрыгнула так, что несчастный автомобиль задрожал. А потом я услышала, как отец расстегнул молнию. Он застонал — и именно в этот момент весь ад вырвался наружу.

Я закричала, громко и протяжно. А потом перелезла через заднее сиденье и выбежала из автомобиля. Я почти стала свидетелем того, как мой папа занимается сексом. Вы можете это представить?

Когда я, наконец, прекратила кричать, то заметила, что они оба сильно смеются, да так, что мой папа упал на колени и держался за живот, будто от боли. Тогда он произнес:

— Дорогая, в следующий раз, когда ты будешь мне звонить и говорить о том, что хочешь улизнуть, и думать, что я не замечу исчезновение машины — не делай больше этого прямо под окнами моего офиса.

Ублюдок! Он обманул меня. Эти четыре часа в его автомобиле были просто веселеньким шоу! Шоу! Все до последней детали. Хитрый ублюдок. Наверное, это будет звучать странно. Но после этой ситуации мы стали лучшими друзьями.

Так что, как я уже сказала. Ловкость — это не мое.

Но есть то, с чем я хорошо справляюсь, и это — работа!

Работа, затем — вечеринки, шопинг, снова вечеринки, а еще секс, много волшебного секса с горячими парнями. Свобода. Что я люблю больше всего, так это свободу. Свободно ходить на вечеринки, свободно работать, свободно ходить по магазинам, свободно мыслить, в независимости от своего пола. Таким образом, причина моей вспышки, которую вы скоро будете наблюдать, полностью оправдана. Я люблю свою свободу, цепляюсь за нее. Это, всего на всего, обычное слово... Но как же много оно значит.

— Нет, ничего не случилось, — издевалась я, попивая красное вино, отвратительное на вкус.

У моего папы был своеобразный вкус, когда дело доходило до алкоголя. Лучше дайте мне «Amaretto», и я выпью его в горах в любой другой день, ведь «Amaretto» и близко не стояло с этим виноградно-уксусным нечто! Тьфу. Папа вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Отличная идея. Джеймс хороший парень.

— Относительно этого я не сомневаюсь. А еще он красив, обаятелен, ему досталось замечательное тело...

— Пожалуйста, Майя...

— Умен, знает, что делает — он идеален. Он будет замечательным мужем для своей

будущей жены. Которой буду, кстати, не я, — сказала я, решительно кивая. — Конец дискуссии.

— Майя, прошу тебя. Он знает свое дело так же, как знаю его я. Он надежный, и с ним тебе не придется делать и половины того, что делаю я. Вы сможете стать семьей. Будущей семьей. Вместе вам было бы здорово.

Нет, этого не будет. Я вздохнула и посмотрела на огонь. Камин — я так хорошо его знаю, ведь перед камином у меня неоднократно был секс. И очень много раз. Но теперь он больше никогда не произойдет. Не будет этих острых ощущений и этого оживления. Будучи в браке, особенно хорошо устроенном браке, это кажется таким концом. Не будет больше диких ночей. Вздохов в унисон. Не поймите меня неправильно, я не шлюха. Я спала только с четырьмя парнями. Мне двадцать один и после университета, законченного со степенью в области химии, я с нетерпением жду того дня, когда смогу взять в фармацевтический бизнес своего отца. Надеюсь, что это случится скорее поздно, чем рано.

— Детка, — произносит он низким голосом, в то время как его голубые глаза полны эмоций. — Есть одна вещь...

Позже... позже... позже. Я резко вдохнула, я поняла по его глазам, что сейчас будет что-то плохое.

— Химиотерапия не удалась.

— Что?

— Это фа...

— Я слышала!

Я смотрю в его усталые глаза и замечаю, каким изможденным он стал. Какой стала его кожа. Почти желтая и свисающая с костей. Его красивые голубые глаза сейчас темные и туманные, полные боли. Его рак легких был похож на долгую битву, которую, как мы были уверены, он победит. Ему всего лишь пятьдесят! С ума сойти! И он всегда был здоров! Этого просто не может быть.

— Как долго? — мой голос хрипит, я говорю почти шепотом.

Он раскрывает руки, и я бросаюсь к нему. Вдыхаю глубоко его запах. Появляется тепло.

— Меня лечат при помощи новых таблеток. Врачи думают, что от шести месяцев до года.

Слезы начинают течь, тяжелые большие слезы чистой печали. Как я могу потерять этого человека?! Ведь я так люблю его!

— Джеймс, думаю, действительно простил тебя. Ты знаешь это, — я едва могу сдерживать слезы.

Все мое тело сотрясает от дрожи и тихих рыданий. Я начинаю плакать, и слезы впитываются в его рубашку.

— Мне жаль, что я не смогу быть там... Что не смогу увидеть ваших детей, — бормочет он и целует меня в макушку. — Мне очень жаль, принцесса.

Я должна сделать что-то для своего отца. Все, что угодно. Свобода. Если это его последняя просьба, то я сделаю это.

— Я выйду замуж за него, за Джеймса. Если он попросит.

Я чувствую, что тело моего отца облегченно оседает. И я с радостью оставляю его в покое.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Год спустя.

Майя Джонсон.

Я в прямом смысле слова зеваю в телефон, но он разъединяется с сетью, прежде чем я успеваю получить ответ. Я кладу трубку обратно на рычаг и опускаюсь обратно в свое кожаное кресло. Кстати, оно вращается.

Я слышу протяжное веселенькое «mmm» и вижу мускулистого, темно-рыжего мужчину с широкими плечами, прислонившегося к дверной раме моего кабинета.

Я закатываю глаза.

— Привет, Джеймс, — мой голос просто полон «радости». — Я так рада, что ты вошел без стука... Так никто больше не делает, кроме тебя... Кроме того... Ладно, забудь. Я шучу.

Он встречается своим завораживающим зеленым взглядом с моим. Мне становится не по себе. Вот и появляются первые весенние ростки стыда. Слегка посмеиваясь и не отрывая от меня взгляда, он делает шаг в мой кабинет.

— Поездка прошла удачно?

— Угу, — бубню я сварливым тоном. — Спасибо, что прикрыл меня.

— Итак, моя дорогая и любимая жена, ты действительно собираешься остаться сегодня дома? — со вздохом спрашивает Джеймс.

Я смотрю в свой компьютер.

— По всей вероятности, да. Я очень устала.

Он сжимает кулаки в карманах своих брюк.

— И это, по-твоему, выглядит так, как и должно? Господи, Майя, мы женаты уже два месяца. А ты ни разу не появилась дома.

— Моя вина здесь лишь отчасти. Первый месяц я была очень сильно опечалена смертью своего отца. Потом я занималась его похоронами. Потом...

— А потом запланированным посещением вечеринок в Лас-Вегасе с мужчинами. И это при всем притом, что ни один из них не являлся твоим мужем, — ворчит он, захлопывает журнал и кладет его на мой письменный стол. Я случайно смотрю на открывшуюся передо мной страничку и съеживаюсь. Это происходит не оттого, что я постоянно нахожусь в окружении своего друга и огромного количества мужчин. А от того, как я выгляжу. А выгляжу я всегда потрясающе. — Ты обещала.

— Нет... Ты спросил, а я ответила... — я поднимаю бровь. — А почему это тебя так волнует?

Выражение его лица «гаснет». Он всегда так делает, когда не хочет раскрывать свои чувства, даже несмотря на то, что я уже знаю, какими они окажутся. Я знаю его достаточно долго. И я прекрасно знаю, что когда Джеймс сжимает свои кулаки, причем так, что белеют костяшки пальцев, а мышцы его рук напрягаются так, что выпирают из его пиджака — значит, он испытывает невообразимо сильное чувство разочарования и ярости.

— Потому, что ты — моя жена. И знаешь, как мне от этого неприятно?

— Почему? Потому что какая-то группка мужчин окружила меня за столом? — я громко смеюсь и качаю головой. Боже, да все, что угодно. — Ты выглядишь очень глупо, Джеймс.

— Но ты не можешь отрицать того, что я всегда был добр к тебе, ведь так? Я помогал

тебе с твоим отцом. Я всегда был с тобой рядом с тех самых пор, когда мы встретились.

Я смотрю на его красивое лицо, на его идеальный нос, на его сильные челюсти и густые кудрявые русые волосы. Да... он точно воплощение сексуальности. Мне хочется рычать.

Так, девочка, держи свое половое влечение под контролем.

— Да, — вздохнув, я встаю со своего кресла и взгромождаюсь на край своего стола, при этом скрестив руки на груди. — Прости меня.

— Ты занимаешься с ними сексом? — спрашивает он и наматывает прядь моих волос вокруг своего пальца. Я смотрю на него, при этом откинувшись руками на свой стол. А затем скрещиваю ноги и поднимаю на него пристальный взгляд. — Ответь мне. Только честно.

— Зачем? Разве это что-то изменит? — спрашиваю я с ухмылкой.

— Тогда я действительно смогу понять, кажется мне все это на самом деле или нет, — он пожимает плечами и отпускает прядь моих волос. — Я прост, — пауза. — Мне просто нужно это знать, — я делаю шаг к нему, наблюдая за тем, как он глотает. — Не смотри на меня так. Просто ответь мне.

Моя ухмылка становится более ехидной.

— Зачем, Джеймс? И мне кажется, что сейчас ты покраснееешь, — я провела пальцами по его подбородку.

— Майя, перестань, — шипит он, поскольку я опустила руки на его галстук. — Пожалуйста.

Я — хищник, а он — жертва. Он делает шаг назад, а я — вперед. И снова шаг назад. И снова шаг вперед. Так до тех пор, пока его спина не ударяется о дверь.

— Ты прав. Я была невнимательна.

Мое половое влечение перепрыгнуло на эротические мысли. Но что я могу поделать? Как мне еще реагировать на человека, стоящего передо мной?

— Что ты делаешь? — спрашивает он почти шепотом, когда я прижимаюсь к нему своим телом и защелкиваю замок на двери. — Майя.

— Да? — шепчу я и прикасаюсь губами к его подбородку. А затем опускаюсь ниже, к его шее, и вдыхаю запах его свежей рубашки и дорогой пены для бритья. Этот его запах. Он всегда заводит меня. Ммя. — Ммм, ты так хорошо пахнешь.

— И даже не пытайся меня отвлечь, — стонет он, но обхватывает руками мои бедра и прижимается напряженным членом. Мы дрожим от нахлынувших чувств. Я испытываю маленькое чувство радости, когда его ноги вздрагивают — ведь именно в этот момент я провела языком по его шее, а затем нежно укусила. — Майя, пожалуйста.

— Хочешь знать, каким я тебя представляю... Тогда вот мой ответ, — усмехаюсь я и прижимаюсь к его губам.

Нет ни секунды сомнения, что он ответит на поцелуй. Возможно, он сначала был немного шокирован, но затем он ответил. Страстно. Очень страстно. Я знаю, что он чувствует, когда я нахожусь рядом с ним. Я всегда это знала. С тех самых пор, когда мне исполнилось девятнадцать. Я все быстрее становилась красивой женщиной, а он все сильнее вел себя, как глупый влюбленный щенок.

Я умела контролировать себя намного лучше, чем он, когда мы находились рядом друг с другом. Хотя зачем скрывать свои черные мыслишки? Я хотела его, а он хотел меня еще больше. Он — типичный парень с типичными потребностями. А я идентична ему. А еще я дочь своего отца. А еще я изворотлива, как черт. И что же во мне может не нравиться? Во мне может нравиться все. Верно?

Нет, не верно. Если честно, я не понимаю, чем я привлекаю. Я — психованная, безответственная и невыносимо злая. Seriously, в прямом смысле! Да, в моем кругу было очень много мужчин, которые просили моей руки. Но Джеймс, он — тот единственный, который всегда хотел меня не ради выгоды. И я это знаю. У него уже было все то, что было у меня.

Он касается моих губ своими, а я приоткрываю рот и позволяю его языку проникнуть внутрь. У него во рту остался приятный вкус мяты и кофе. Ммм, е. Черт! А чем же я успела подкрепиться сегодня? Я выпила карамельный латте около тридцати минут назад. К черту все. Я должна быть «вкусной».

Рычание, которое вырывалось из его груди — этого почти достаточно, чтобы заставить меня кончить на месте. Господи... Как же это сексуально. Его крепкие руки скользят вверх по моей талии, а через мгновение ласкают грудь.

Так. А какой же на мне бюстгальтер?

Да и кого это волнует? Ведь через секунду он уже окажется на полу.

Да... у меня отличное половое влечение.

Я сделаю все возможное.

Я запускаю пальцы в его густые волосы и тащу мужа на себя. Я ношу четырехдюймовые шпильки, так что я всего лишь на несколько дюймов ниже его. Но когда я без них, моя голова находится наравне с его подбородком. Отчасти это довольно-таки милое зрелище. Мы, определенно, самая горячая пара, если верить журнальным сплетням.

Но давайте вернемся к нашей теме... Что я делаю? Целую своего мужа и думаю о каких-то глупостях. Гениально. Мои руки нащупали пуговицы его пиджака. Я принялась медленно расстегивать их. Он прикасается своими губами к моим и не обращает на пиджак никакого внимания, а я, недолго думая, стаскиваю его и бросаю куда-то в сторону на темный деревянный пол. Я вся горю. Я так хочу его. И это будет долго... Очень долго...

Мне не хотелось бежать на поиски другого мужчины. И, если честно, это удивляло меня.

Я ждала. Я хотела. Хотела сесть на него, пока не было слишком поздно.

— Майя, — стонет он, когда я провожу языком по его шее. В том месте, где бьется его пульс. Я быстро развязываю его галстук. А, может, связать его? Может, заставить его оправдать свои мысли? Ведь он *так* это делает. А если он не захочет, то я могу испортить его галстук. Хм... В моих глазах всегда пляшут маленькие чертята, когда я задумываю очередную гадость. А он, как я знаю, очень любит свои галстуки. — Пожалуйста, Майя. Не шути со мной.

— Как давно у тебя *это* было? — спрашиваю я, в то время как мои пальцы пытаются расстегнуть ремень его черных брюк.

Он сглатывает, и его взгляд встречается с моим.

— До того, как я попросил тебя выйти за меня замуж.

— Я думала... — подожди, что ты сказал? Мы хотели побыть одни в промежутки между нашей помолвкой и свадьбой, наслаждаясь последними месяцами свободы. — Что? — я даже не заметила, как перестала расстегивать ремень, пока Джеймс не сжал мои руки и не положил их обратно. — Почему?

— Я сделал все, что мог. И, по всей видимости, перестал интересоваться тобой, — он пожимает плечами, дарит мне слабую улыбку и поднимает с пола свой галстук. — И я полагаю, что тем виноватым взглядом, которым ты посмотрела на меня, ты лишь

подтвердила то, что у тебя был половой акт с одним из тех мужчин в Лас-Вегасе. Что ж, я надеюсь, что ты предохранялась.

— Джеймс, — говорю я, наблюдая за тем, как он надевает свой пиджак. И я не могу прийти в себя от его откровения. Почему, черт возьми, он не наслаждался последними месяцами свободы? Он ждал меня? Он действительно ждал меня? Я думала, что он был зол из-за этого брака, как и я. И, конечно же, из-за него у меня часто болела голова. А он... Выходит, он постоянно сердился на меня, вплоть до нашей свадьбы. — Я...

— Просто перестань заниматься сексом с чужими мужчинами, хорошо? — ворчит он. — Или... По крайней мере... Боже, я не знаю. Дай мне шанс. Да, наверное, сейчас ты очень удивлена.

— Ты тот, кому я никогда не давала разрешения, — я заметила, как дернулась выпуклость в его штанах, тем самым заставляя меня хихикнуть. Лицо моего мужа стало каменным. Он резко сбросил с себя мои руки, тем самым заставив меня задохнуться от ярости. — Джеймс!

— Не смей произносить мое имя! — прорычал он и метнул в меня гневный взгляд. — Зачем ты вышла за меня? Скажи правду. Из-за своего отца? Господи, ради всего святого! Ты действительно хотела этого?

Что, черт возьми, я должна сказать ему? Я должна сказать что-нибудь умное. Что-нибудь остроумное, чтобы разрядить обстановку. «Хмм». Что ж, у тебя был «прекрасный» секс, Майя. Даже очень.

Как же я сейчас тебя ненавижу.

Заткнись... глупое либидо...^[1] Заткнись!

— Что ж, я получил свой ответ, — засмеялся он, но в его смехе не было ни капли юмора. Он оттолкнул меня и провел руками по своему лицу. — Я разрешаю тебе свалить в Лас-Вегас. Я разрешаю тебе ходить на вечеринки каждую ночь. Господи, я даже разрешаю тебе обводить меня вокруг пальца, но для чего? Ммм? Так что можешь и дальше обращаться со мной как с последним идиотом. Хочешь променять меня на эту кучку пьяных мужиков?

Я вздыхаю и делаю несколько шагов вперед. Я хочу прикоснуться к нему. Я чувствую ужасную вину перед ним. Но, к сожалению, он отходит назад. И тогда я просто смотрю, как он разворачивается и уходит, при этом так сильно хлопнув дверью, что рамка с нашей свадебной фотографией падает на пол и покрывается множеством трещин.

Что ж, давно пора. Но все ли потеряно?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наклонившись, я беру фотографию, где я в свадебном платье, а мой муж рядом со мной. Я помню, как он тогда весь день был счастлив, смеялся, улыбался и смотрел на меня. В то время я не могла перестать думать о том, какой же он хороший актер. Но, видя сегодня нескрываемую боль в его глазах, теперь я задаюсь вопросом: а играл ли он вообще? Это был тот же взгляд как, когда я сказала, что собираюсь в Вегас. Ну что ж, теперь этот наш сегодняшний разговор вошел в мой список неприятных разговоров.

Я думала, что это было раздражение, вызванное тем, что ему придется взять на себя мой объем работы. Но теперь... Боже, я чувствую себя полной идиоткой. Мне вспомнились его слова. Как он тогда сказал: «Мы будем замечательной парой». А что я ответила ему? Ничего. Я просто ушла прочь с тремя своими лучшими подругами: Саммер, Джессикой и Мари. Черт.

— Звони на мобильный, — кричу я своему секретарю, когда выхожу из своего офиса в холл, окрашенный в отвратительные белые тона, и направляюсь к лифту. Ну, давай же... не уезжай пока.

Я вздыхаю с облегчением, когда замечаю его взгляд перед тем, как он заходит в лифт.

— Джеймс! — кричу я и проскакиваю в закрывающиеся двери лифта.

И прежде, чем он успевает что-либо спросить, я поворачиваюсь к нему и обнимаю его руками за плечи, а ногами обхватываю его за талию. Он фыркает из-за силы, с которой я запрыгнула на него, но быстренько подхватывает меня.

— Майя, в чем дело?

Я замечаю, как он зарывается лицом в мои волосы и глубоко вдыхает их запах. Это заставляет меня немного содрогнуться.

— Я ни с кем не спала в Вегасе. И после нашей свадьбы тоже, — говорю я тихим голосом, прижимая губы к его уху. Он опускает меня на землю и держит на расстоянии вытянутой руки. — Я переспала только примерно за неделю до нашей свадьбы. Но я думала... — тихий вздох, — если бы ты сказал мне не спать ни с кем после помолвки, то я бы не делала этого. Я бы просто вернулась к тебе. Мое либидо — отстой.

Он немного вздрагивает от моего заявления о сексе перед нашей свадьбой, но ничего не говорит. Он лишь немного надувает свои прекрасные пухлые губы. Заставляя меня завидовать его зубам.

Дверь лифта открывается — и нашему взгляду предстает огромный вестибюль, полный персонала и посетителей.

— Пойдем домой? — спрашиваю я со слабой улыбкой. — Вместе?

— А ты хочешь?

Боже, как же я ненавижу это недоверие на его лице, хотя знаю, что виновата в этом сама.

— Нет — я саркастически закатываю глаза и переплетаю наши пальцы. — Ну, что. Пойдем. Пока один из подчиненных не потерял дар речи и не сбежал.

— Какая же ты вульгарная, — хихикает он и тянет меня сквозь изумленную толпу.

Да, народ, мы, наконец-то, ведем себя как муж и жена. По крайней мере, я так думаю.

Так ведь обычно ведут себя супруги?

Откуда, черт побери, я знаю? Ведь я — это ты! Не знаешь ты — не знаю и я.

Точно.

И мы собираемся домой.

Мы переехали в его апартаменты после свадьбы, мне всегда они нравились. В этом пентхаусе было две спальни, замечательная кухня, джакузи на огромном балконе, а также личный тренажерный зал. Еще была экономка и уборщица. Большая гостиная с огромным телевизором. Столовая с невероятно красивым видом на город. Он хотел купить дом, но я настояла, что в пентхаусе будет намного лучше, чем в пригородной зоне. Мне нравится наш по-настоящему огромный город. В нем всегда столько всего происходит.

— Думаю, что это первый раз, когда мы приходим домой вместе. Кажется, последний раз мы приходили сюда вместе еще до помолвки, — я толкаю его плечом и улыбаюсь.

— Честно говоря, мы возвращались сюда вместе еще несколько раз перед свадьбой. Ты была пьяна. Поэтому, мне ничего не оставалось, как привозить тебя сюда с городских вечеринок, — произносит он, приподнимая брови.

— Ах, да. Мой косяк. Только точнее будет сказать, что мы не возвращались вместе, а ты нес меня на руках, — хихикаю я.

— И что же ты хочешь делать?

Я фыркаю, замечая неловкость, витающую в воздухе:

— Мы ведь женаты. А чем, по-твоему, должны заниматься супруги?

— Смотрят фильмы, обсуждают то, как прошел их день, — он поднимает брови и ведет меня к дивану, положив руку мне на затылок. — Готовят вместе.

— Ты забыл про секс.

— Ты что, постоянно думаешь о сексе?

Я опускаю подбородок и обдумываю это, притягиваю его, чтобы он сел рядом. Я поджимаю под себя ноги и поворачиваюсь к нему.

— В значительной степени. Тебе же только двадцать восемь, ты тоже должен думать только об этом.

— Мне двадцать шесть.

— Ты что серьезно? Ух, ты! Я даже не знаю возраст своего мужа, — мне кажется это забавным. Меня разбирает смех, и я хватаюсь за живот. Прямо как мой отец, когда разыгрывал меня тогда, в автомобиле. — Я думаю, что лучше всего сейчас будет сказать, что я ужасная жена. Может быть, мы все-таки должны начать отсюда.

— Откуда? — ухмыляется он.

И сейчас он чертовски сексуально выглядит. Черт.

Я посылаю свои грязные мысли куда подальше.

— Ну, ты же очень хорошо знаешь меня. Я сумасшедшая, я схожу с ума от секса, вечеринок, работы, кофе, шоколада.

— Да, есть очень много вещей, которые могут свести тебя с ума, — он усмехается и играет с локоном моих волос.

Костяшки его пальцев слегка касаются моего соска, когда он начинает накручивать локон на палец, а потом отпускает и делает все снова. Хитрец.

Я вздрагиваю, и откашливаюсь:

— Мой любимый цвет...

— Темно-фиолетовый и серый.

— Верно. А твой? Подожди... не говори мне... ммм... зеленый?

— Коричневый. Как расплавленный шоколад.

— У меня же как раз волосы такого оттенка, — ухмыляюсь я, а он придвигается ближе и смотрит на меня своими зелеными глазами, такими темными сейчас, как мох. — Продолжай.

— Фиолетовый. Как твои чудесные глаза, это еще один мой любимый цвет, — выдыхает он и приобнимает меня за шею. — Персиковый, как твои губы, — придвигается еще ближе. О, блин. — Цвет сливок, как твоя кожа, — он наклоняется вперед и шепчет слова мне в губы. — Красный, как румянец на твоих щеках, когда ты волнуешься, — он целует меня в губы.

Эх, это долбаное слово «прелюдия». Я резко обрушиваюсь на него, пожирая его рот, и взбираюсь на него, пока наши языки сплетаются в страстном танце.

— Черт возьми, — я издаю негромкий стон, поскольку выпирающий из его брюк член сильно давит на мою промежность. О, черт, да. — Сделай так снова.

Он стонет и двигает своими бедрами, увеличивая пламя в моем животе в десять раз.

Я встаю, тяну его на себя и разрываю его рубашку с такой силой, что пуговицы разлетаются в разные стороны по темному деревянному полу. Это так заводит. Он немного хихикает, когда я провожу пальцами по его прессу, а затем по его крепкой, мускулистой груди. Господи, я точно кончу до того, как он успеет прикоснуться ко мне. Я уже влажная. Он нужен мне.

— Помедленнее, — с улыбкой произносит он, когда я начинаю возиться с его ремнем.

— Нет-нет, помедленнее будет в другой раз. А сейчас трахни меня, — бормочу я. Звучит это немного бессвязно, но по тому, как его глаза темнеют, я предполагаю, что он все понимает. В его зеленых глазах тлеет медленный огонек, когда я стягиваю трусики и отпихиваю их куда-то в сторону. — Хочу тебя.

— Ох, детка, — говорит он низким и невероятно соблазнительным голосом, при этом расстегивая свой ремень. Я стаскиваю с него брюки и нижнее белье, бросаю их на пол, обнажая возбужденный и по-настоящему большой член.

Черт возьми, да.

А сейчас я соглашусь сама с собой.

Впервые за все время.

Мои глаза расширяются, но я не хочу терять ни капли времени, просто уставившись на этого совершенного мужчину передо мной. Я срываю с себя блузку и бросаю ее через плечо, а затем вытаскиваю презерватив из кармашка для вкладышей в своем лифчике и раскатываю по его офигенному, горячему, твердому члену.

— Господи, Майя, — он тяжело дышит, когда я снимаю с себя лифчик. Он накрывает своими губами мой правый сосок и начинает жадно всасывать его в свой рот. — Какая же ты красивая. Хотя я немного обеспокоен этим спрятанным презервативом.

— Давай все разговоры оставим на потом. Подними меня, — стону я и обнимаю его руками за шею. — Настало время чикнуться.

— Даже несмотря на то, что это «чикнуться» звучит как-то по-детски, оно все равно не теряет своей сексуальности, когда ты произносишь его.

— Меньше болтай, больше вставляй.

Его тело начинает дрожать от беззвучного смеха, и он опускает голову мне на шею.

— Вставляй?

Я рычу и обнимаю его ногами, прижимаюсь к нему своими влажными складками. Он прекращает смеяться, отстраняется и смотрит на меня, используя свое тело, чтобы я по-прежнему была прижата к стене, пока его руки тянутся к моему лицу. Это чересчур

романтично, и я не могу с точной уверенностью заявить, что мне это нравится. Просто уже оттрахай меня. Я вижу, что он мечется и не может решиться.

— Ну, давай же. Или ты хочешь моей смерти. Не заставляй меня умолять, — стону я и придвигаюсь к нему. — Что не так на этот раз?

— Я просто представлял себе, что наш первый раз будет, — он тщательно подбирает слова и выдыхает мне их, — медленный, романтичный. Я никогда не думал, что мы...

Я вздыхаю и сжимаю свои бедра напротив его, отчаянно нуждаясь в нем, чтобы хоть немножечко уменьшить жжение.

— Я ничего не делаю медленно. Ты — парень, ты должен меня трахать. И я не прошу обнимашек и букетиков. Я всего-то прошу превосходного, горячего траха. Мы не любим друг друга, поэтому не занимаемся любовью.

— Господи, Майя, — он явно недоволен выбранными мной словами, и поэтому он хмурится. — Так влюбись в меня.

— Уверена, что смогу.

Он рычит и врывается в меня, его руки нащупывают мягкие полушария моей попы, в то время как он вколачивает меня в стену.

Забудьте про стену, он вколачивает меня в следующий год.

Он двигается настолько быстро, что его движения можно сравнить с диким животным. Его взгляд — злой и напряженный. Его руки ласкают каждый сантиметр моей кожи, а мои ногти впиваются в его плечи. Он кричит, а я двигаюсь ему навстречу, подхватывая его ритм, врезаюсь в него. Это почти болезненно, но я настолько заполнена, что удовольствие превышает боль.

— Майя, — шепчет он, и упирается своим лбом в мой. Я закрываю глаза — это слишком интимно. Пусть это останется просто трахом. — Посмотри на меня.

— Нет, не останавливайся, — стону я, поскольку его бедра врезаются в мои. Он шипит сквозь зубы, когда я кусаю его за шею. — Джеймс. О, черт, Джеймс.

Его тело начинает дрожать, глаза расширяются, а губы прижимаются к моим.

— Не шевелись, — ворчит он мне в губы и прижимает меня сильнее к стене, пока его мужское достоинство пульсирует внутри меня, когда его движения останавливаются. — Ты такая влажная, такая узкая. Мне еле-еле удастся себя контролировать.

Я дрожу, когда он начинает покрывать легкими поцелуями мою влажную шею. Одной рукой он сжимает мои волосы почти до боли и тянет мою голову назад, чтобы предоставить себе больше доступа. А другой рукой он сжимает мои бедра так, что я становлюсь еще ближе к нему. Я так близко, что жгучая боль почти готова вырваться.

— К черту все, — кричу я и тащу за волосы, чтобы он смотрел не на мою шею, а на меня.

На его лице появляется глупая усмешка, которая заставляет меня почти рассмеяться. Я целую уголок его рта и шевелю бедрами. Его глаза закрываются, он стискивает челюсть, но вся надежда потеряна. Я наблюдаю, как все его тело напрягается и из его груди вырывается стон, который отражается во мне. А потом он запрокидывает голову и начинает беспощадно толкаться в меня. Он вновь и вновь выкрикивает мое имя.

Как будто мой спусковой крючок связан с его словами, которые заставляют мои внутренности сжаться вокруг его пульсирующего члена, и я кончаю. О, да, кончаю. Мое либидо кричит. Я кричу. Абсолютный хаос одолевает мои нервные окончания, пока мое тело пылает, а желудок сжимается. Выкачиваю все до последней капли из него, когда он кончает.

Слишком интимно, я никогда не позволяла оргазму захватить меня, когда я с кем-то, но это был лучший оргазм, который я когда-либо чувствовала.

Он роняет голову на мою — и мы потными лбами касаемся друг друга. Его взгляд ищет мой, а я уверена. Что выгляжу так же, как и чувствую себя: ошеломленно и смущенно. Смущенно и потрясенно. И все же крайне истощенной и удивительно удовлетворенной в его сильных руках.

— Это было потрясающе, — говорит он, и мягкая улыбка касается его губ, пока мы восстанавливаем дыхание. — Я всегда знал, что ты будешь хороша в сексе, но...

— Сколько времени тебе нужно, чтобы набраться сил для второго раунда, большой мальчишка?

— А ты хочешь, чтобы я еще «повставлял» тебе? — спрашивает он, а я закатываю глаза и слегка хлопаю его. И именно в этот момент понимаю, что он все еще находится во мне. — В кровать?

— Мы с тобой даже не спим в одной кровати, — смеюсь я и он, выйдя из меня, ставит меня на ноги. — Я не сплю в одной кровати.

— Боже, Майя. Ты как женская версия мужика-шлюхи. Если ты этого не хочешь, то зачем тогда делаешь?

— Я ничего не обещаю.

Он прищуривает глаза, поворачивается, стягивает презерватив и бросает его в мусорное ведро.

— Разве ты не на противозачаточных?

Я киваю:

— Я не занимаюсь сексом без презерватива.

— Ты не доверяешь мне?

Я вздыхаю и выкапываю из кучи шмоток свою блузку.

— Конечно, я доверяю тебе. Просто не занимаюсь сексом без презерватива.

— Могу я спросить, почему?

— А я обязана отвечать?

— Ага.

Я раздраженно выдыхаю.

— Это слишком интимно. А я такое не приветствую.

— А секс — это не слишком интимно? — насмехается он своим саркастическим тоном, пронизанным недоверием. — Для меня, например, это очень даже интимно.

— Ты ведешь себя как девчонка... серьезно. Я — мечта любого мужчины. Согласна на секс без всяких условий, без любви, без неожиданных детишек, без свадьбы — просто хороший трах и «прощай», — я практически ору от досады. — Да что с тобой не так?

— Мы с тобой женаты, — кричит он, выражение его лица наполнено гневом и болью, — Но я не хочу просто трахаться и говорить «прощай»! Я женился на тебе и поэтому я хочу ощущать, что ты моя жена, каждый день.

— Тогда обещаю, что ты будешь ощущать это каждый день, — пожимаю я плечами.

Он стонет и смотрит на меня так, будто я полная идиотка, которой я, вероятно, и являюсь, когда дело доходит до отношений:

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду!

— Если честно, нет.

— Черт побери, Майя, я хочу, чтобы ты любила меня! И все! Я хочу твое сердце. А не

твои клятвы и верность. Я хочу тебя всю! — его глаза практически выпирают из орбит, когда он хватается меня за руки и кричит прямо мне в лицо. — Не отталкивай меня. Впусти меня. Мы уже женаты, ты связана со мной до самой смерти. Так почему ты отталкиваешь меня?

— Я попытаюсь, но не могу ничего обещать. Я не строю никаких отношений. Мы с тобой находимся на лучшем пути. Любовь делает людей глупыми, слепыми, и это причиняет боль. Я видела, как нормальные, трудолюбивые люди превращались в слабаков, а затем становились абсолютно жалкими, когда их сердце разбивалось. Я не хочу проходить через это. Мы женаты, и все может быть очень даже хорошо, пока у нас есть регулярный секс, и мы не переходим друг другу дорогу.

— Если ты хочешь попробовать, тогда останься сегодня ночью со мной в нашей постели, — просит он, явно проигнорировав мою маленькую тираду.

Я слегка растаяла, и просто не могу сказать «нет» такому красивому личику с надутыми губками.

— Прекрасно, но ты готовишь ужин, — фыркаю я и направляюсь напрямиком в свою комнату, чтобы переодеться.

Он не думал, что я замечу, как он победно вскинул кулак в воздух, когда я покидала комнату. Какой придурок, но милый придурок. Я не понимаю, почему такой мужчина как он беспокоиться обо мне. Я испорченная, чокнутая и постоянно раздражаюсь — не лучшая комбинация. Даже когда я не раздражена ничем, во мне в любом случае присутствуют все остальные качества.

Глядя на фотографию, которая стоит на моей тумбочке, я чувствую предательское жжение в глазах: на фотографии мой отец, а я, маленький сопливый ребенок, сижу на его плечах. Он был в том коротком списке, кто действительно любил меня. Я нежно любила его, больше чем кого-либо. Эта боль, эта пустота в моей груди, это желание плакать из-за того, что он умер, каждую гребаную минуту каждого божьего дня. Я не смогу справиться с этим снова.

Если я впущу его, я имею в виду Джеймса, то все закончится тем, что я потеряю его. Этот брак — просто партнерство, а не признание в любви. Я думала, что он понял, но вероятно надеялся, что я передумаю. Да ни за что, даже через миллион лет. Хотя я подразумевала как раз то, что и сказала — я попытаюсь. Я просто не открою свое сердце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Итак, я переодеваюсь в одну из его белых маек, спереди которой наклеен логотип какой-то группы. Эту майку я стащила из чистой груды белья несколько недель назад, и она мне по колено. Я действительно крошечная по сравнению с ним, если принять во внимание, что мой рост пять и семь футов, и я выше большинства своих друзей. Когда это касается Джеймса, я чувствую себя такой крошечной и женственной в его сильных руках, в безопасности. Так же, как с папой. С ним я всегда чувствовала себя в безопасности и любимой.

Мне вот интересно: была ли еще хоть какая-то причина, по которой я вышла замуж за Джеймса. Ну, конечно. Мой панический страх остаться в полном одиночестве.

Да, верно. Одиночество — это здорово. Одиночество — это свобода.

Я спускаюсь в столовую после завершения всех своих дел. Мои густые длинные волосы волнами спускаются до талии. На лице нет ни грамма макияжа. На мне мягкие шерстяные носки, которые доходят до колена. Обычно я никогда не позволяла ни одному парню видеть меня такой. Но Джеймс — исключение. Он видел меня в самое худшее время для меня и, кажется, несмотря на это, я нравлюсь ему еще больше, чем тем мудакам, с которыми я когда-то зависала. Как же это забавно, ага?

Комната освещается только четырьмя свечами, находящимися в центре огромного стола, где в самом конце стоят две тарелки, а из панорамных окон льется голубоватый лунный свет. Я замечаю, что Джеймс сидит за столом, а мое место справа от него. Старается устроить романтику. Черт бы его побрал.

Я хочу разозлиться на него, но не могу. Он волнуется, потому что понимает, что подталкивает меня. Господи, я что, действительно такая стерва?

Да.

— Эй, — улыбается он и отодвигает для меня стул. — Ты никогда больше не должна наносить макияж, и перестань экспериментировать со своими волосами.

— А ты никогда больше не должен делать комплименты, а также романтические ужины при свечах, — парирую я, шутя лишь наполовину, поскольку в поле моего зрения попадает странное блюдо, по запаху очень сильно напоминающее пасту. Пахнет божественно и как-то странно, будто я ни разу не чувствовала такого запаха прежде. Лимон, другие травы и специи — все это смешалось воедино в апельсиновом соусе. — Хорошо, я соглашусь ужинать, но только при условии, что ты всегда будешь готовить.

— Это одно из трех блюд, которое я могу приготовить так, что оно не подгорит, — хихикает он и наливает мне немного виски. О, господи, и почему я жаловалась на него раньше? — Может, хочешь вина?

Я отрицательно качаю головой и откусываю замечательную пасту, обалдеть. Такая ароматная.

— А какие же остальные два блюда?

— Что?

— Ты прекрасно понял, — смеюсь я. — Другие два блюда, которые ты можешь приготовить?

— Тебе не нравится? — смотрит он на меня испуганным взглядом, и мне становится жаль его.

Я не выражаю обычно никаких эмоций, исключая только те моменты, когда вижу, что объявили сбор денег для больных деток, вот тогда я сразу жертвую. Я такой своеобразный кошелек для бедных животных и детишек.

— Мне нравится, — я практически рычу, когда он вытягивает руку и берет мою тарелку. — Мне просто интересно.

— Ой, ну хорошо, — он с облегчением смотрит на меня, но в то же время немного шокировано. Возможно из-за того, что я интересуюсь кем-то, кроме себя родимой? Ммм... — Хлопья и супы. Особенно супы, приготовленные в микроволновой печи.

Я начинаю безудержно смеяться. Я смеюсь так сильно, что почти давлюсь пастой, которая находится у меня во рту.

— Моя мама учила меня готовить, но это единственное блюдо, которое у меня хорошо получается, — он смеется вместе со мной. — Самые забавные вещи всегда самые сложные.

Я пытаюсь успокоиться, и делаю глоток виски:

— Ну, это круто. Спасибо.

— Определенно стоящее блюдо, — он ухмыляется и прижимает колено к моему бедру.

— Быстрее заканчивай ужинать, я хочу отправиться с тобой в постель, — я закатываю глаза.

— Я не это имел в виду. Я просто... проклятье, я точно все порчу.

— Я прекрасно поняла, о чем ты, и тут нет проблем. Ты имел в виду, что хочешь лечь на кровать и пообниматься во сне. Ты делаешь так со всеми женщинами, которых трахаешь, или только со своей женой? — спрашиваю я и игриво приподнимаю брови. Он фыркает в ответ, но ничего не говорит.

— Я помню, что ты просила не спрашивать, но... как ты?

Я перестаю расправлять одеяло и поднимаю взгляд на него.

— Нормально.

— Когда женщина говорит «нормально», это значит, что все как раз-таки наоборот.

— Думаю, мы уже давно установили тот факт, что я не похожа на нормальную женщину, когда я говорю «нормально», значит так и есть. Я в порядке. Но не супер отлично, да, я — сердита, расстроена, немного в смятении и смертельно сильно скучаю по папе, но все же я в порядке.

Он кивает, кажется, удовлетворенный ответом и забирается на кровать. Я стою и просто пялюсь на него на мгновение, потом еще на одно и еще, он так ошеломительно красив, когда на нем только боксеры.

— Я не кусаюсь.

— Очень жаль, — бормочу я и со вздохом забираюсь к нему в постель. Он в мгновение ока поворачивается ко мне и прижимается грудью к моей спине. Он крепко обвивает меня руками, одну кладет мне на плечо, а вторую — на талию. Это так странно. Что же я делаю?

— Расслабься, — хихикает он, будто читает мои мысли. — Ты и правда никогда ни с кем не спала в одной постели?

Я неловко качаю головой и дрожу от непосредственной близости наших тел. И особенно

из-за того, как его твердость прижимается к моей заднице. Я вновь его хочу. Он трахнет меня? Вероятнее всего, нет. Хотя он немного шевелит бедрами, а его дыхание становится тяжелым.

Я прижимаюсь к нему ближе — и он вздрагивает. Игра началась.

Тяжело, жарко, очень жарко, что сложно дышать. Душно, очень хочется пить, и я слегка возбуждена. Что-то давит мне на бедро.

Я приоткрываю глаза и в буквальном смысле задыхаюсь от конечностей человека, обернувшегося вокруг меня. Боже, его конечности — словно щупальца монстра! Его нога лежит на моей ноге, голова — на груди, одна из его рук лежит под моей талией, а другая — на ребрах, пока ладонь сжимает мою титьку. Самое худшее, даже при том, что я вспотела как свинья и умираю от недостатка кислорода, то, что мне довольно удобно. Вот попробуй, разберись тут.

— Ой, — шиплю я и тыкаю его пальцем в лоб.

Он что-то ворчит и сжимает меня крепче. Я немного отодвигаюсь в сторону, и просто горю желанием облегчить свой мочевой пузырь и принять душ прежде, чем отправлюсь на утреннюю пробежку. Сейчас только пять утра и за окном очень темно, так что у меня есть куча времени до работы, чтобы разобраться со всей своей фигней. Несмотря на то, что у меня все болит после прошедшей ночи, мое либидо до сих пор в «отличной форме».

Он хотел медленного секса, а я хотела быстрого и жесткого. Он что-то там ворчал по этому поводу и придавил меня к кровати. Так что я выскользнула из-под него и сделала все по-своему. Его протесты в скором времени прекратились, и он начал стонать подо мной и умолять меня. Какой отличный способ заснуть, но теперь я покрыта мужским потом и немного воняю. Пришло время принять душ. Если, конечно, я смогу убрать эти щупальца монстра подальше от себя.

Я поднимаю его руку и пытаюсь вытащить свои ноги из-под него. Но он снова хватается за талию. Что ж, очень хорошо, попробуем снова. Я скручиваюсь так, что моя задница теперь у него на груди, а руками я упираюсь в пол. Цепляясь за пол ладонями, я двигаюсь вперед.

— Перестань, я сплю, — бормочет он и обнимает меня обеими руками за бедра, при этом оказывая эффективное давление на мой мочевой пузырь.

Черт побери! Наполовину я нахожусь на кровати, а другая моя половина упирается в пол. Пошло-ка на фиг мое желание не будить его.

— Джеймс! — кричу я так громко, насколько это возможно. Мой муж в испуге отпускает меня и садится на кровати, а я подальше убираю свои ноги от него и падаю на пол с сильным грохотом. Я, визжа, поворачиваю голову и случайно ногой скидываю лампу с прикроватной тумбочки. — Ты идиот.

— Черт, Майя, с тобой все в порядке? — Джеймс выбирается из постели и поднимает меня на ноги. Я вижу ухмылку на его губах, будто он пытается не рассмеяться. — Что случилось?

— Глупый, монстр со щупальцами, — ворчу я и топаю в ванную. Его громкий смех раздаётся позади меня. Я все еще слышу его смех, когда плотно закрываю дверь ванной и включаю душ. — Нет, больше никогда!

Я нахожусь в душе всего пару минут, и теплое тело появляется позади меня. Мы молча стоим, пока он моет мне голову, используя примерно две горсти шампуня. Кажется, он наслаждается этим. Это так мило. Я возвращаю ему услугу и намыливаю его волосы, когда он заканчивает мыть мои с глуповатой улыбкой, которая, кстати, заразна. Я заявляю о своих правах на эту прекрасную улыбку. Она — моя.

— Почему ты принимаешь душ перед тем, как идти на утреннюю пробежку? — спрашивает он, а я завязываю себе шнурки. Я поднимаю взгляд на него — на нем нет ничего, кроме белого пушистого полотенца, которое висит низко на бедрах, показывая V-образную линию пресса, ведущую к моему самому любимому месту. А сексуальная дорожка темных волос указывает прямо туда. — Нравится то, что сейчас видишь?

— Я могла бы сделать снимок этой твоей области и установить его в качестве фона на своем рабочем столе. И я буду в постоянном состоянии возбуждения, — хихикаю я и завязываю свои волосы в конский хвост. — А душ я приняла, потому что ты разрядил свой патрон на мой живот и грудь, и я была немного липкой.

— Понятно, — фыркает он на мою дерзкую фразочку. Но я-то знаю, что ему нравится мой дерзкий ротик. Особенно, во время нашего траха. — Значит, мы продолжим двигаться этим путем?

Я киваю в ответ.

— Ты хорош в постели. И я не думаю, что устану от тебя в ближайшее время.

— А что, обычно все люди утомляют тебя?

— Обычно, но не ты, дорогой. Не волнуйся, ты — моя личная форма «Виагры» для женщин.

Его брови ползут вверх.

— Приятно слышать, — он прокашливается. — Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет. Я люблю бегать одна. Для меня это хороший способ подумать об отце и остальных вещах. И сжечь лишние эмоции перед тяжелым рабочим днем.

— Ты придешь домой сегодня вечером? — спрашивает он после нескольких минут молчания.

Вероятно, потрясенный, что я немного открываюсь ему.

Я лишь пожимаю плечами.

— Наверное, я собиралась сегодня с девчонками пойти выпить.

— Точно.

Я замечаю его щенячий взгляд и вздыхаю прежде, чем выдаю искреннюю улыбку.

— Если хочешь, может, придешь? Крис и Тони должны быть там.

— Ты уверена?

— Если бы я этого не хотела, то не стала бы предлагать.

— Что ж, замечательно. Тогда отправляйся на пробежку. Скоро увидимся, — улыбается он, а затем целует меня в лоб.

Пока у моего отца не обнаружили рак, я помню, как бегала с музыкой, мне не о чем было беспокоиться, не о ком заботиться. Учеба давалась мне легко, на занятия я не опаздывала, мои счета были оплачены, бак авто — полон, я редко питалась дома, так что никогда не волновалась, что оставила духовку включенной. Мой разум был всегда свободен. Все, о чем я волновалась — это о проблемах своих друзей, и большинство тех проблем можно было решить с помощью денег.

У Саммеркак-то была проблема с сексом. И ее не стоило решать с помощью денег. Я

осознала это, когда наняла для нее мужика. Она взбесилась. Но, к счастью, простила меня... спустя год.

Как только отцу поставили диагноз — это был шок для моего организма. Я знаю, как любить. Я знаю, как заботиться. Возможно, я кажусь мелочной и эгоистичной, большую часть времени, но я много времени посвящаю друзьям, упорно работаю, зарабатывая деньги, даже при всем при том, что у меня их больше, чем я могу потратить. Но, как я и упоминала уже, у меня никогда не было причин для переживаний.

Но затем внезапно мужчина, единственный мужчина, которого я по-настоящему любила, заболевает. И он болен настолько, что может умереть. А я даже не знаю, что делать. Моей мамы не стало, когда я была еще ребенком, поэтому я никогда ничего не чувствовала из-за ее отсутствия. Но теперь это касалось моего папочки. И что я должна была делать? Я стала бегать без музыки, слезы текли по моему лицу, пока мои ноги врезались в землю. Я бежала, пока меня не начинало тошнить, отчаянно желая облегчить боль в груди. В первый раз я осознала, что мои чувства были важны. Бег — это мое облегчение, и потом мой день обойдется без лишних чувств.

Теперь он мертв. Он действительно ушел, и я напугана. А мне не нравится быть напуганной, но, что я могу сделать? Мой отец всегда был рядом со мной. Всегда. И не важно, сколько мне было лет, я всегда могла свернуться калачиком возле него или почитать, или съесть мороженое, или посмотреть глупые фильмы. С самого детства он читал мне газеты. Это был наш маленький ритуал, прежде чем он уходил на работу. И, несмотря на то, что я не жила дома с восемнадцати лет, я видела его каждый день. Он никогда не осуждал мой стиль жизни, никогда не осуждал мое поведение. Он просто удостоверился, что я не забеременею, заставив пить противозачаточные, удостоверился, что я знала об опасностях незащищенного секса. Большинство отцов не знали бы с чего начать. Мой отец был ученым, и он удостоверился, что я получила надлежащее образование в этой области.

Его последней просьбой было, чтобы я вышла замуж за его верного помощника — Джеймса. Поэтому я и вышла за него. Он попросил меня дать Джеймсу шанс, позволить заботиться о себе и открыть ему свое сердце. Но, даже если бы захотела, вряд ли я бы смогла это сделать.

Но я очень постараюсь. Я буду стараться изо всех сил.

Теперь вы понимаете, почему я люблю бегать — это помогает мне разобраться во всем. И сейчас, несмотря на то, что я уже вся пахну потом, я бегу по парку. Наблюдаю, как другие бегуны пробегают мимо меня. Так мирно и так приятно. Начало новой жизни. Жизни, в которой я замужем, и на моем пальце надето кольцо с огромным бриллиантом; жизни, в которой у меня есть новая семья и должностные обязанности, о которых надо позаботиться вместо отца. Жизни, которая не должна быть моей, но это так. Жизни, в которой я собираюсь узнать человека, за которого вышла замуж и изо всех сил постараюсь сделать его счастливым. Потому что он этого стоит, и заслуживает женщину лучше, чем я.

Когда я, наконец, возвращаюсь домой, квартира пуста, но на барной стойке рядом с тарелкой хлопьев «Коко Попс» и стаканом апельсинового сока лежит записка:

«Ваш завтрак, миледи. Извини, мне пришлось уехать в южную лабораторию, какой-то груз перепутали. Увидимся позже.

Джеймс xxx»

Я быстро завтракаю, принимаю душ и собираюсь на работу. Черная юбка-карандаш, фиолетовая блузка, черный пиджак, телесного цвета колготки, черные туфли на каблучках и собираю волосы в пучок на затылке. Выгляжу как настоящая бизнес-леди. Теперь пора на работу.

На часах, как обычно, семь тридцать. Большинство людей не придут на работу еще около часа. Охранники и еще несколько «ранних пташек» уже здесь, но они не в счет по моим меркам. Я помню, что мой отец знал практически каждого в этом здании. У него заняло какое-то время, чтобы запомнить имена всех. И я не знаю, как у него это получилось.

Когда я добираюсь до своего этажа, моя помощница Марджи приветствует меня с чашечкой кофе и теплой улыбкой.

— Доброе утро, миссис Фриман.

Я останавливаюсь и мгновение смотрю на эту брюнетку.

— Миссис Фриман... кто это?

— Ваш муж позвонил и попросил изменить вашу фамилию в базе данных, если вы еще не сделали этого, — Марджи улыбается мне, обнажая слегка кривые зубы. — Он так же попросил переделать все идентификационные формы на его фамилию.

— Он так решил, ага, — я начинаю выходить из себя. — Что ж... давайте обыграем его в его же собственную игру, Марджи.

Она понимающе ухмыляется, и выглядит довольно хитро для тридцатилетней жены проповедника. Я ненавижу упоминать, что она жена проповедника, но она — лучший ЛП во всем гребаном мире! Без шуток. Она настолько хороша, что мой отец пытался переманить ее к себе, предложив больше денег. К счастью, она верна мне, но я, в любом случае, подняла ей зарплату до предложенной папой и добавила еще премию к Рождеству. Она может справиться с чем угодно, она может достать мне любимый сорт кофе с другого конца света, приводя при этом в порядок мое расписание за две минуты.

— И какой же план? — спрашивает она, замечая мою коварную ухмылку.

— Соедините меня с Карлсоном. Я хочу поговорить с ним в своем кабинете.

Она кивает и начинает набирать на своем телефоне его номер, пока я иду в кабинет.

Мой офис нуждается в новых тонах, и я постоянно это говорю. Ведь это довольно скучно — все бело от пола до потолка. Хотя мебель хорошая и дорогая. Здесь стоит огромная книжная полка, заполненная книгами о научной фигне, которые я пока еще не успела прочитать. И, конечно же, здесь есть компьютер — вершина технической мысли, а в сумке у меня с собой ноутбук. Я предпочитаю использовать свой ноутбук, но в каких-то сложных делах я пользуюсь рабочим компьютером.

— Карлсон на линии, — говорит Марджи через интерком.

Я благодарю ее и поднимаю трубку.

— Доброе утро, Карлсон, — говорю я и загружаю свой компьютер. — Как жизнь?

— Доброе утро, миссис Фриман. Спасибо, хорошо. Чем я могу помочь?

— Я только что узнала, что мой муж меняет мою фамилию во всей документации.

— Да, это так. Письма сотрудникам разослали вчера вечером, и мы все должны называть вас «миссис Фриман», — я слышу смех в его голосе.

Черт бы побрал моего муженька!

Я вздыхаю и шепотом спрашиваю:

— Когда он должен вернуться в свой офис?

— Я думаю, что к одиннадцати.

— Что ж, замечательно. В таком случае, оставь его кабинет открытым и иди на обед.

— Майя, — его голос суров, но с насмешкой. — Что ты собираешься делать? Давайте только, чтобы это не привело к моему увольнению.

— Если он уволит тебя, то я просто повторно приму тебя на работу. Теперь поднимай свою затекшую задницу и иди в «Старбакс», принеси мне кофе.

Он громко смеется.

— Конечно, дорогая. Я буду примерно через полчаса.

Я кладу трубку и наполняю сумку всякой всячиной перед тем, как направиться к лифтам.

— Записывайте мои звонки. Я ненадолго.

— Ведите себя прилично.

Я подмигиваю своей помощнице, перед тем как закрываю дверь. Пришло время платить по долгам.

Этаж, на котором находится кабинет Джеймса, похож на мой. Немного меньше, а его кабинет не такой шикарный и большой как мой. Я должна изменить это. Он работает здесь намного больше, чем я, и заслуживает душевую и небольшую комнату с кроватью. Однозначно с кроватью.

Черт, да.

Я вползаю в его кабинет и осматриваю практически пустое пространство. Здесь лишь предметы первой необходимости: стол, стул, книжные полки. Я не заходила сюда пару лет. Тихо подбираюсь к его столу и замечаю фотографию, которая на нем стоит. На ней мы с ним в день свадьбы. Как мило. Такая же фотка есть у меня в кабинете, хотя туда поставила ее не я, а мой отец.

Я замечаю пятно на моем лице, будто к нему часто прикасались, особенно там, где находятся мои губы. Что за болван. Я не могу не улыбнуться от мысли, что время от времени он останавливается и успокаивается, смотря на меня. Это так приятно.

— Давай сделаем это, — хихикаю я и начинаю рыться в его ящиках.

Это занимает намного больше времени, чем я рассчитывала.

Я возвращаюсь назад к себе в кабинет, все еще до слез смеясь. Марджи обещает сообщить мне, когда мистер Джеймс Фриман войдет в здание. Я очень хочу увидеть его реакцию на мою маленькую месть. Блин, я такая сука, но забавная сука.

Утро кажется таким бесконечным, и я то и дело поглядываю на часы. Я решаю закончить то немногое, что должна сделать сегодня, прежде чем звонит телефон. Охранник сообщил Марджи, что Джеймс вошел в здание. Из меня вырывается громкий злобный смех. Теперь все, что мне надо — это пушистую, белую кошечку. Или серую — серые кошечки симпатичнее.

Я выбегаю из своего офиса и направляюсь к ожидающему меня лифту. Как только я достигаю этажа, на котором находится кабинет Джеймса, я замечаю, что Карлсон смеется от души, когда видит мою работу и показывает мне, чтобы я спряталась под его столом. Это огромный стол в форме U, и вы не сможете ничего увидеть под ним, если только не подойдете со спины. Но, видимо, Джеймс так никогда не делает.

Я протискиваюсь между ящиками и проводами и устраиваюсь около ног Карлсона. Он изо всех сил пытается вести себя естественно, когда я со всей дури ударяю его по бедру.

— Двери лифта открываются, — шепчет он и начинает что-то печатать на своем компьютере. — Доброе утро, Джеймс. У тебя встреча в девять утра с Джонатаном Бриггом. Он говорит, что это очень важно.

— Благодарю, Карлсон, — отвечает Джеймс.

Я слышу, как дверь его кабинета открывается, а потом закрывается. Нужно подождать. Карлсон начинает дергать ногой, а я закрываю рукой рот, чтобы не дать смеху вырваться наружу. Нужно еще чуть-чуть подождать.

— ЧТО ЗА? — громкий рев раздается из кабинета, и Джеймс вылетает как ураган. — Что, черт возьми, случилось в моем кабинете?

— О чем ты говоришь? — спрашивает Карлсон, изображая замешательство.

Этот мужчина должен быть актером. Я почти верю ему.

— Все приклеено липкой лентой к гребанному потолку! Кто это... Майя.

— Я предупреждал тебя. Она бы ничего не сделала, если бы ты не изменил ее фамилию у нее за спиной. — Карлсон хихикает и поднимается со стула. — Думаю, она в своем кабинете.

— Я убью ее. Я клянусь, эта женщина пересекает все видимые границы.

И я слишком хорошо это делаю.

— Я буду записывать звонки, — говорит Карлсон, и я слышу сигнал лифта. — Быстрее, ну давай же, давай, давай, давай.

Я смеюсь и выбегаю из-под стола. К сожалению, двери лифта неплотно закрылись, и я слышу, как Джеймс выкрикивает мое имя. Не теряя ни минуты, я бегу к лестнице. Мои ноги быстро несут меня вперед, даже на каблуках я умею быстро бегать и перепрыгивать от ступеньки к ступеньке.

— Майя! — слышу я крики Джеймса и шаги позади себя. — Тащи свою задницу сюда.

— Отвали, — хохочу я и врываюсь на восьмой этаж. Несколько человек удивленно смотрят на меня. Я игнорирую и нажимаю кнопку вызова лифта. — Ну, давай же. — Через секунду двери открываются, я запрыгиваю внутрь и нажимаю кнопку вестибюля. Двери закрываются в тот самый момент, когда Джеймс вырывается из-за угла — свойственный момент для кинофильма.

Путешествие вниз к лобби кажется мне таким долгим, как никогда раньше. Когда двери лифта открываются, я выдыхаю с облегчением и выхожу из лифта.

— Майя, — слышу я крик Джеймса откуда-то со стороны лестницы. Могу сказать, что он запыхался. Блин, а он быстр.

Все поворачиваются ко мне, и я встречаюсь с глазами своего мужа. Зелеными — темными, такими темными, что почти черными. Он в ярости и потенциально возбужден. Я сглатываю, когда замечаю, насколько плотно он стиснул челюсть и визжу:

— Прости! Но ты абсолютно заслужил это! — кричу я ему через плечо.

Люди начинают смеяться, когда теплые руки хватают меня за талию и перекидывают через плечо.

— Поставь меня на землю, ты, пещерный человек! Это не профессионально! — кричу я ему в спину, а люди смотрят на нас с любопытством. Некоторые из них смеются, некоторые стараются промолчать и просто закатывают глаза.

— Джеймс! — он поправляет меня на своем плече, и прежде чем направиться к лифту, хлопает меня по заднице прямо перед всеми. Теперь это выглядело странно. — Поставь меня на землю, чурбан.

Он полностью игнорирует меня, а я перестаю бороться. Я чувствую себя принцессой Фионой, за исключением того, что мой Шрек адски сексуален и невозможно сильно возбуждает меня. А еще он у меня не зеленый.

Я чувствую, как волнами от него исходит гнев, разочарование согревает его тело до невыносимо сексуальной температуры.

— Уфф, — ворчу я, когда он вновь поправляет мое положение и направляется в сторону моего кабинета.

— Привет, Мардж, — говорит он, как будто все нормально.

Она раздражается хохотом от нелепого зрелища перед собой. Джеймс заходит прямо в мой кабинет, бросает меня на диван и запирает дверь. Весь воздух покидает мои легкие, когда моя спина врезается в кожаный диван.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Я никогда прежде не поднимал руку на женщину, никогда не делал этого в плохом смысле, — он отталкивается и приближается ко мне, выглядя при этом, как сексуальный злобный офисный работник в костюме. Не уверена, что такое название подходит в нашем случае, но — что есть, то есть.

— Но, серьезно, ты выводишь меня из себя. У меня никогда не возникало желания наказать кого-то так чертовски сильно, как я хочу этого сейчас с тобой.

— Извращенец.

— Скажи, ты живешь, чтобы усложнять мне жизнь?

— Скорее, чтобы делать ее интереснее, — подмигиваю я.

Он пробегает руками по своим темным волнистым волосам, садится рядом со мной на диван, при этом хватая меня сначала за запястья, а затем придавливая меня своим телом.

— Думаешь, это забавно?

Я киваю.

— Ты тоже так подумаешь через час или около того. И это будет замечательная история для внуков: «Спустя два месяца после нашей свадьбы, моя дорогая жена примотала скотчем к моему потолку все. Включая монитор, и наше свадебное фото, и...»

— Внукам? — неверие в его глазах немного расстраивает.

Его взгляд смягчается — должно быть, я сказала что-то правильное. Одна из его рук спускается и убирает волосы с моего лба.

— Ты хочешь детей?

— Лет так через десять. Не сейчас.

— Через три года.

Я хмурюсь.

— Десять.

— Два.

— Одиннадцать.

— Три.

— Моя матка — мои правила. И если они не сделают законным для детей вход в клуб — нет ни единого гребаного шанса, что я разрушу свою фигуру и свободу в таком молодом возрасте. Мне двадцать три года. Дай мне шанс еще подрасти.

— Пять. Кроме того, мне пора работать.

Я расстроено ворчу и пытаюсь высвободить руки:

— Ну, у меня есть кое-что, что нужно сделать. Сейчас рабочее время, между прочим. Так что, если ты не собираешься обслужить меня своим красивым ротиком, я предлагаю тебе вернуться в свой офис.

— Ты имеешь в виду потолок в моем офисе? — он ворчит и растягивается рядом. Упирается на локоть, возвышаясь надо мной. — Мне нравится первый вариант.

— Мистер Джеральд Дэвидсон на первой линии, — зовет Марджи по интеркому.

— Звонок по работе, — ухмыляюсь я и спихиваю его с дивана.

Он приземляется на спину слишком привлекательно. Я фыркаю и подскакиваю к своему столу.

Я поднимаю трубку и начинаю свой утомительный разговор о том, сколько такого-то

продукта нужно отправить туда-то и бла-бла-бла — адски скучно. Джеймс целует меня в лоб, подмигивает и направляется к двери. Но потом он замечает порванное свадебное фото, которое снова вернулось на стену. Он забирает его и уходит не оглядываясь.

— Здравствуйте? — говорит Джеральд, моментально вырывая меня из изумления.

Я тут ни при чем, у Джеймса прекрасная задница. Настолько прекрасна, что это должно быть грешно.

— Прошу прощения, мистер Дэвидсон, линия прервалась на секунду. Пожалуйста, продолжайте.

Когда с работой покончено, я направляюсь в комнату, которую занимает кровать, несколько моих комплектов одежды, а также ванная комната. Я переодеваюсь в темно-синее облегающее платье и блестящие туфли на каблуках. Великолепно. Мои волосы спадают волнами до талии, и мне это очень идет.

— И как долго ты собираешься быть муженьком? — говорю я и захожу в офис Джеймса.

Я сильно потрясена, когда вижу Клэр, белокурую, тощую, отчасти симпатичную, если, конечно, вам нравится анорексички, девицу, которая сидит на столе моего мужа, пока он печатает что-то на своем компьютере. Мои брови ползут до волосистой линии при виде того, как она смеется и тянется своими костлявыми пальцами к его галстуку. Ее ноги скрещены и так близко к его руке, что он может наклониться и поцеловать их. Несомненно, он это видит.

Когда я захожу в кабинет, они обращают на меня внимание. Улыбка Джеймса увядает, а глаза темнеют, когда он оценивает мой наряд.

— Ты выглядишь... — Клэр встает с его стола и обходит его, выходя из оцепенения. — Мне просто нужно отправить пару писем, и я все.

— Продолжайте, как вам будет угодно. Я уйду. Встретимся завтра, — я нахмуриваюсь и направляюсь в сторону двери.

Подождите... что это была за вспышка?

Джеймс испуганно смотрит на меня, недоумевая, он на мгновение сводит брови вместе, а в его взгляде вспыхивает боль.

— Подожди... что?

В точности мои мысли.

— Я не иду с тобой?

— Нет, но костлявая блондинка поможет тебе провести время хорошо. Я уверена, — фыркаю я и захопываю за собой дверь.

Карлсон ушел, он работает до шести, а уже семь. Я специально задержалась, поскольку знала, что мой муж закончит сегодня поздно. Какой же шок я испытала, застукав его с другой женщиной.

Костлявая блондинка, убейте меня.

Ты слишком остро реагируешь. Почему тебя это волнует?

Не имею ни малейшего представления.

— Майя, подожди. Что случилось? — спрашивает он и хватает меня за руку, чтобы остановить от побега.

Черт с ним. И его сильными руками, и телом, всем. АХ!

— Ничего, я просто передумала. И я не хочу, чтобы муж разрушил мой стиль. Иди повеселись. Даю свое разрешение, — говорю я, и имею в виду именно это.

Нет. Ты это не так.

— Ты ревнуешь? — улыбается он и наклоняет мою голову. — Господи! Спишь со мной только одну ночь, и я уже растапливаю эту ледяную внешность. Этому помогли хлопья, так ведь? — в его глазах пылает веселье.

Придурок.

Я немного дергаю свободной рукой и нервно поправляю платье.

— Я не ревную! — задираю подбородок. — Я просто не хочу, чтобы ты был там.

— Какая жалость, и да — ты ревнуешь, еще как ревнуешь, — смеется он и быстро целует в губы, заставляя меня дуться, как ребенка. — Ну, перестань. Позволь мне отправить эти письма, и мы пойдем вместе.

— Я занята.

Он страстно целует меня, и я чувствую, как что-то холодное и острое обвивается вокруг запястья. Что за черт?!

— Ты что, надел на меня наручники? — он смеется и крутит своим запястьем перед моим носом, и я замечаю, что связана с ним тонкой цепочкой. — Ты придурок. Сейчас же освободи меня.

— Нет, потому что ты убежишь, — усмехается он и переплетает наши пальцы. — Пошли, это займет всего лишь пять минут.

— Тогда тебе нужно переодеться, — пробегаю я взглядом по его костюму. Конечно, он замечательный. Но для клуба совершенно не подходит. — Девочки уже ждут меня.

— Я все еще не могу поверить, что ты ревнуешь, — смеясь, он открывает дверь своего офиса. Клер сидит в его рабочем кресле. Она выглядит ошеломленной. — Мне кажется, что я попросил тебя уйти.

— Я хотела извиниться, — говорит она и смотрит на свои туфли.

Ужасные туфли, если честно.

— Ты уже извинилась. А теперь можешь идти.

— Да, мистер Фриман, — и она уходит, а мы направляемся к столу.

Нужно стерилизовать всех полоумных костлявых блондинок. Зажигалка и бензин наготове. Вуухууу! А еще самолеты, которые скидывают бомбы. Буууммм!

— Почему ты издаешь такие противные звуки? — ухмыляясь, спрашивает Джеймс, а потом поднимает меня со стола и сажает к себе на колени.

— Я не осознавала, что издавала что-то, — бормочу я себе под нос, немного посмеиваясь. — Я, правда, чокнутая.

— Мне нравятся чокнутые.

— Чокнутой не нравятся костлявые блондинки, — ворчу я.

Джеймс, печатая, смеется.

Время от времени, только чтобы побесить его, а еще потому, что мы реально

опаздываем, я вытягиваю руку, как бы прося, чтобы он положил ключики. Затем я приподнимаю руку, чтобы рассмотреть свои ногти, невинно посвистывая.

— Прости, я мешаю тебе?

— Сделаешь так еще раз, оставлю их на всю ночь. Обещаю.

— Извращенец.

А звучит хорошо. Мне нравятся эти извращенные обещания.

Он наклоняется вперед и кусает меня за запястье своими идеальными зубами, я начинаю визжать и вырываюсь, и его собственная рука ударяет его по лицу. Его голова дергается, и он смеется. Я тоже начинаю смеяться так, что слезы бегут по лицу, это все так забавно, но я тут же успокаиваюсь, когда из его правой ноздри начинает капать кровь.

— Черт, — вздрагивает он и резко встает. Он подносит руку к лицу и так быстро поворачивается в сторону ванной комнаты, что стягивает меня со стола. Я кричу и приземляюсь с глухим стуком, утянув его за собой. Я кричу еще сильнее, когда кровь из его носа капает мне на грудь. — Извини.

— Свали с меня, — смеюсь я и толкаю его. — Я ненавижу кровь. Это слишком. И сними с меня наручник.

Он поднимается на ноги и помогает мне встать, а потом тащит меня в ванную. Я сажусь на раковину и вытираю ему кровь влажной салфеткой. Он улыбается и стирает кровь с моей груди. Я переживаю, что она запачкала платя, но в любом случае я проверяю его нос еще дважды.

— Сними с меня эту фигню. Я обещаю, что подожду тебя.

Он вздыхает и соглашается. Я сгибаю руку и усмехаюсь, прежде чем он целует меня в нос и пропускает обратно в кабинет.

Мы, наконец, добираемся до клуба, только на два часа позже. Девочки не обращают на это внимания. Я улыбаюсь и повторно представляю их своему мужу. Саммер бросает в меня взгляд, который говорит: «Лучше расскажи мне об этом позже».

Мужчины собираются вокруг нашего стола, а мы идем на танцпол. Это же рутина. В прочем, как и всегда. Единственный момент, когда поднимается Крис — это если на Саммер смотрит какой-то парень. Только в том случае, если до Джессики кто-то дотрагивается — к нам присоединяется Тони. Он не похож на пещерного человека. Только мы с Мари всегда одиночки. А нет, не так, Мари — одиночка, и это сводит ее порой с ума.

Наверное, я должна вам чуть-чуть рассказать о своих друзьях. Саммер — ростом пять футов и пять дюймов, с короткими черными волосами, голубыми глазами и милым личиком. Она напоминает мне эльфа. У нее очень миниатюрное телосложение, но она не тощая. Ее парень Крис моего роста, с темно-русыми волосами, он по-мальчишески милый.

Мари такого же роста, как и я, ну, может, на дюйм выше, поскольку ее светлые волосы всегда зачесаны наверх. У нее серые глаза, и она обладает «классической» красотой, у нее тонкие губы, а нос слишком велик для ее лица, но все же смотрится хорошо. Будто все ее неправильные черты лица совмещаются в совершенные. Никто и никогда не мог назвать ее уродливой, потому что она ею никогда не была. Она тоже чокнутая, как я, но не настолько. Ее глуповатость — ее отличительная черта. Вы можете любить ее или ненавидеть. Но одна проблема: у ее речевого фильтра отсутствует мозг.

Наконец, еще есть Джессика. Она — платиновая блондинка, ее волосы почти белые. Она обесцветила их до такой степени, что испортила волосы, и ей пришлось их коротко обстричь. Джессика самая тихая из нашей группы, пока вы не дадите ей водки, потом она

становится агрессивной. Это шокирует, насколько она может быть свирепой. Мы слишком часто ссорились, когда она пила водку. После последнего раза, который был два года назад, она перестала пить крепкое спиртное, и теперь пьет вино. Я благодарна, что она сменила напиток.

Ее парень Тони — потрясающий азиат. Он на семь лет старше нас и целует землю, по которой ходит Джессика. В буквальном смысле. Он очень сильно любит ее, а она, в свою очередь, очень сильно любит его. Они встретились летом после окончания средней школы, и с тех пор всегда были вместе. Это так мило и романтично. Они кажутся такой сплоченной парой. Им так хорошо вместе.

Я танцую с девочками на танцполе и изредка поглядываю на стол, за которым сидят мужчины. Я не удивляюсь, когда вижу, как одна особа пытается найти общий язык с моим мужем. Ведь он очень сексуальный. Он выглядит напряженным, когда она дает ему визитку. Я вижу, как он качает головой, показывая на свое обручальное кольцо. И она, расстроенная, уходит.

Вот так шлюшка!

Раньше ты тоже флиртowała с парнями в таких заведениях.

Но меня ни разу не отшивали.

Что правда, то правда.

Его глаза встречаются с моими, я подмигиваю и возвращаюсь к танцам со своими девочками. Это и есть жизнь. Проходит не так много времени, пока мы начинаем притягивать мужчин. Ко мне «подкатывает» милый латиноамериканец, на котором надет розовый топ с золотистыми блестками и бежевые брюки «3/4». Он подходит ко мне сзади. Я смеюсь и позволяю ему затянуть меня в танец. Он ухмыляется и прижимает меня к себе, чтобы мы двигались синхронно. Он веселый, употребляет слово «дорогуша», машет руками и трясет задницей. Рассказывает, что ему нравятся мои волосы, и его парню, стилисту, они бы тоже понравились, и что мы — самая горячая парочка в клубе.

Я замечаю, что его руки на мне ощущаются неправильно не только потому, что он гей, но и, кажется, будто я смертельно сильно хочу физически убрать их с себя. Думаю, если бы он не был геем, я бы плевалась ядом и оторвала его руки от себя. Какая-то часть меня сейчас желает, чтобы на этом месте были руки Джеймса, но он, очевидно, не танцует. Лучше бы ему не разрушать меня для всех остальных мужчин. Да, наш секс обалденный, и наши отношения нормальные, но это же смешно. Ревность, желание видеть его рядом. Я не хочу хотеть его. Не хочу нуждаться в нем. Мне не нужен никто, кроме самой себя и своего банковского счета. Ага, но после единственной ночи он уже вызвал у меня чувство вины, и я думаю только о нем.

— Твой муж только что покинул заведение, — говорит мне на ухо Джессика. Я на секунду смотрю на нее и вздыхаю, прежде чем покидаю своего партнера по танцу. — Увидимся завтра? — подмигивает она и начинает танцевать со Скоттом, моим приятелем по танцу.

— Вернусь через пять минут, — улыбаюсь я и бегу в сторону выхода.

Почему, черт возьми, он уехал? е, как холодно.

— Он уехал на такси, — говорит Тони, стоя около двери и сбрасывая пепел с сигареты.
— Он был довольно взбешен. Сказал, что-то типа: «Не знаю, почему я мирюсь со всем этим дерьмом».

— Спасибо, Тони, — ворчу я и тихо ненавижу его за его же честность. — Что я сделала не так?

— Ты танцевала с другим мужчиной.

Я закатываю глаза.

— Тот чувак — гей. Я думала, что это было и так понятно по блесткам на его топике.

Тони пожимает плечами и выдыхает дым.

— Боже, как же холодно. Хочешь, я вызову тебе такси?

Я качаю головой и махаю ему телефоном.

— Я уже вызвала.

Тони стоит со мной до тех пор, пока не прибывает такси. К счастью, это всего-то десять минут. Не могу поверить, как холодно на улице. Я запрыгиваю в ожидающую меня машину и называю свой адрес пожилому мужчине за рулем. В салоне автомобиля пахнет рвотой и табачным дымом. Фууу. Вот поэтому я пользуюсь частной службой проката автомобилей, они чистят машины до и после каждой поездки, но, к сожалению, это заняло бы дольше времени, чем вызвать обычное такси. Или я бы просто увезла себя сама, если бы не пила.

Я бросаю водителю деньги и вылезаю из машины. Первый раз я возвращаюсь домой так рано. И все это из-за парня, который сейчас взбешен и о котором до вчерашнего вечера я ни капельки не беспокоилась. А теперь я бегу за ним, как влюбленный щеночек.

А знаете что? Я не собираюсь бегать за ним. Я ничего плохого не сделала. И сейчас я иду спать. Спокойной ночи, мир.

Так что да. Я захожу в лифт и поднимаюсь на наш этаж, захожу в нашу квартиру и игнорирую сильно удивленного мужчину, который сидит на диване перед телевизором с банкой пива в руке, и направляюсь напрямик в нашу комнату. Я раздеваюсь, натягиваю на себя его майку, смываю макияж и заползаю под теплое одеяло. И через несколько секунд я замечаю, что забралась в его кровать. Я нахожусь в его комнате. Разозленная на саму себя, я поднимаюсь с постели и открываю дверь. И в этот момент врезаюсь в теплую, накаченную грудь.

Не смотрю на него, игнорирую его вздох и обхожу. Я начинаю двигаться по коридору, когда теплая рука хватается мое запястье.

— Майя.

— Да? — говорю я, все еще смотря прямо перед собой.

Он снова вздыхает, прижимает меня к своей груди. Его теплые руки крепко обнимают меня.

— Возвращайся в кровать.

— Это как раз то, что я и собираюсь сделать.

— Со мной.

— Нет.

— Я сожалею, что уехал и оставил тебя одну. Я не должен был этого делать.

Я ничего не говорю. И, наверное, это выглядит по-детски. Он начал это. И теперь я злюсь.

— Майя, Тони написал мне. Он сказал мне, что тот парень был геем.

— Прекрасно, — я поднимаю на него взгляд. Он пристально смотрит на меня. — Ты что, серьезно думаешь, что я такая сука, которая танцевала бы с другим парнем перед своим мужем? Мы едва касались друг друга. Мы просто дурачились.

— Я не обратил внимания на его одежду. Перед глазами все заволгло красной пеленой, и я ушел.

Я пожимаю плечами.

— Меня это не волнует. Я ложусь спать. В своей комнате.

— Послушай... Прости меня. А если бы все было наоборот, то что бы ты сделала? Что ты сделала, когда увидела Клер?

— Ты имеешь в виду ту костлявую блондинку? — фыркаю я. — Она была очень близко к тебе. Ты видел ее дешевую юбку, и она касалась тебя. И ты улыбался ей. Это сильно отличается от танца с геем.

— Я понятия не имел, что он гей. Я просто реагировал.

— Это ничего не меняет. Я иду спать, — я пытаюсь высвободиться, но он обнимает меня еще сильнее. — Отпусти меня.

— Нет. У нас все так хорошо стало получаться. Не заставляй меня нести наручники, — шутит он и целует в голову. — Ложись спать со мной.

Я меняю гнев на милость не только потому, что он по-настоящему раскаялся, но так же и потому, что он, скорее всего, снова наденет на меня наручники, а я не хочу, чтобы на моем запястье осталась отметина.

— Хорошо. Но ты должен мне секс.

— С этим я могу справиться, — ухмыляется он и выглядит очень красивым. — Что-нибудь еще?

Киваю.

— Я хочу огромную гардеробную.

— Тогда, возможно, нам нужно переехать. Как я тебе и предлагал перед нашей свадьбой. Если ты хочешь...

— Если ты еще раз скажешь о пригороде, я точно укушу тебя. Нет. Если мы и переедем, то это должен быть пентхаус. Как этот, но побольше, — перебиваю я его. Он смеется и целует меня в щеки. — И мне нужен хороший шкаф. А еще панель.

— С этим я могу согласиться.

Я улыбаюсь ему.

— Хорошо. Тогда давай перейдем к первому пункту в нашем списке. У меня больше нет запряженных презервативов.

— И у меня их нет. К тому же, ты на таблетках. Поэтому, может, мы действительно просто...

Я со вздохом качаю головой.

— Не-а, нет, нет. Давай тогда просто поспим.

Он вредно усмехается и поднимает меня на руки, тем самым заставляя меня визжать.

— А знаешь, есть и другие виды секса, которые мы с тобой еще не пробовали.

— Хм. Звучит неплохо.

ГЛАВА ПЯТАЯ

После сражения с монстром со щупальцами, пробежки и душа, я открываю заполненный холодильник и решаю сделать моему спящему мужу завтрак. Он на самом деле заслуживает его после вчерашней ночи. Кто же знал, что мужчина может так эффективно использовать свой язык? Господи, у меня только от одной мысли об этом покалывает все тело.

Кладу колбасу и бекон на гриль, немного улыбаясь. Хотя я и ненавижу мысль о браке и о том, чтобы связать себя с одним мужчиной, мне определенно повезло. Девочки вроде меня не получают таких парней, как Джеймс. Но, как бы там ни было, я его получила и теперь чувствую себя виноватой. Он заслуживает кого-то намного лучше меня.

Я разбиваю несколько яиц в небольшое количество кипящего масла и перемешиваю их с грибами, пока бекон шипит на гриле вместе с колбасой. Как только бобы и помидоры готовы, я выкладываю их на тарелку, которую ставлю на поднос рядом с намазанными маслом тостами, двумя чашками кофе и двумя стаканами апельсинового сока. Добавляю газету, которую забрала во время пробежки, оборачиваю столовые приборы в салфетки и свечусь от гордости собой.

Затем я проскальзываю в спальню и ставлю поднос на ночной столик. Он спит на животе, а рука свисает с кровати. Я улыбаюсь и целую его в ангельское личико. С громким стоном он потягивается, перекачивается на спину, перед этим обхватив меня руками, утягивая меня с собой. Я хихикаю, пытаюсь выбраться из его захвата.

— Доброе утро, — шепчу я и нажимаю на кнопку рядом со спинкой кровати, чтобы открыть жалюзи. Утренние лучи легонько освещают Джеймса, и он медленно просыпается, пригнувшись, видит поднос и усмехается.

— А это что такое?

Я устраиваюсь около него, помещаю поднос на его колени, как только он усаживается поудобнее.

— Завтрак.

— Выглядит превосходно.

Улыбаюсь в ответ и беру тост.

— Так, какие у тебя планы на этот прекрасный день?

— Ну, — отвечает он, откусывая большой кусок колбасы с бобами, — я думал, мы можем заняться чем-нибудь. Не знаю, сходить в кино, например, или еще куда. Решать тебе. У меня встреча в девять, а потом весь день свободен.

— Кино звучит неплохо, но мы лучше сходим туда вечером, днем там ничего хорошего не показывают. Почему бы нам не сходить по магазинам?

Он гримасничает, и я снова хихикаю.

— Ты серьезно?

— Хорошо, ладно, никаких магазинов. Пейнтбол?

— Ты хочешь пойти на пейнтбол?

— Ты прав, идея ужасная.

— Да нет, это...

Захлопываю его рот рукой. В зеленых глазах Джеймса пляшут веселые чертята.

— Что насчет пляжа? Пошли на пляж.

— Что насчет папарацци?

Пожимаю плечами и кормлю его беконом. Он улыбается и целует меня в нос.

— Пришло время людям увидеть, что мы настоящая супружеская пара.

— Правда? — замечаю волнение в его глазах и голосе. — Ты сделаешь это? Ради меня?

— Я могу быть той еще сукой, но ты мне действительно нравишься, Джеймс. И, вообще-то, я хочу сделать тебя счастливым, — откашливаюсь и добавляю: — Иногда.

— Например, когда становишься офигительной женой, которая умеет готовить.

Я хихикаю и снова набиваю его рот едой.

— Видишь, я могу быть романтической.

— Точно.

Когда он собирается уезжать на работу, приезжает Мари. Они быстренько здороваются и прощаются друг с другом.

— Ни за что не догадаешься, кто будет в городе с понедельника! — визжит она, подпрыгивая. По каким-то непонятным причинам я начинаю прыгать с ней. Прежде, чем я пытаюсь ответить, отвечает она.

— ДЖЕЙКОБ СТОУН!

— Да ну нахрен! — я широко открываю рот от удивления и прекращаю прыгать.

Даже не думай об этом, либидо.

Думать о чем? Трахнуть его... Дайте мне его! Мой!

— Ага, и догадайся, кого он захочет повидать... — она поигрывает бровями и тыкает меня в грудь. — Тебя, везучую корову.

— Почему он захочет увидеть меня?

— Ну, со слов Дэйва, Джейкоба выбрали мужчиной, который будет рекламировать это ваше средство после бритья для чувствительной кожи. Он говорит, что сначала хочет поговорить об этом с тобой.

— Почему мой помощник не сказал мне? И как узнала ты?

Так, Джейкоб Стоун, он... великолепный. Он единственный в своем экземпляре, он самый желанный в мире актер. Все хотят его, у него куча фанатов, которые везде следуют за ним. Мужчины хотят быть им! И он будет работать в рекламе для моей компании! АААААААА!

— Как я узнала? Я трахаю главу твоего рекламного отдела, — хихикает она, а я напоминаю себе, что нужно поговорить с Дэвидом Блейком.

— Он говорит, что им и стараться то не пришлось, поскольку Джейкоб уже пользуется вашим продуктом. Так что, это честь для него.

— Черт, ну почему это не случилось до того, как я вышла замуж.

— Ты точно не собираешься трахаться с ним, да? — фыркает она недоверчиво. — Итак, как поживаете вы с мужем?

Как мы? Даже не знаю, как объяснить.

— Я стараюсь. Он заставляет меня чувствовать себя... гrrrr, — я поднимаю руки, признаю поражение. — Виноватой. Я чувствую долбаную вину каждый раз, когда он не улыбается.

— И это плохо?

— Да ладно тебе, девочка. Ты же знаешь меня — королеву свободы.

— Это да, но ты практически выросла с Джеймсом. Ты должна заботиться о его чувствах. Он все еще твой друг и очень хороший человек, — она приподнимает брови. — И ты уже с ним спишь?

— Э-э-эм...

— Боже... Спишь! Я завидую! Как он? Насколько у него большой? Расскажи мне все!

Итак, я делаю то, что и всегда. Красочно описываю ей наш секс.

— Пожалуйста... давай устроим групповушку. Я просто хочу попробовать этого парня на вкус.

Игнорирую ее и закатываю глаза.

— Он знает о Поле?

Я давлюсь своим кофе, стучу кулаком себе по груди, отчаянно качая головой.

— Нет. И ты бы видела его лицо, когда я рассказала ему, что занималась сексом за неделю до нашей свадьбы. Представь, что будет, если он узнает.

— Ладно, милая, я не расскажу ему.

Спасибо Господу за это. Это ужасная история. Это то, чем я не горжусь теперь, когда вышла замуж за Джеймса. Может быть, я расскажу вам позже.

Она уезжает час спустя, мы болтаем о Джейкобе, ее новом увлечении секс вечеринками и глупых выходках, больше внимания уделяя разговору о моей замужней жизни. Мы спорим насчет того, что я трахну Джейкоба. А я не буду, я не предаю Джеймса. И не важно, как сильно я хочу попробовать Джейкоба Стоуна. Ням-ням.

Как только она уезжает, я быстренько переодеваюсь в белое приталенное платье до середины бедра, добавляя к нему белые сандалии на ремешках. Беру небольшой бирюзовый клатч, который так хорошо подходит к бусам, что висят на моей шее. Я заплетаю волосы и убираю их наверх, прежде чем нанести немного крема для загара.

Бикини, которое я надела под платье, тоже белое и почти ничего не скрывает. Набиваю сумку полотенцами, запасной одеждой, кремом от солнца и ставлю ее возле двери. Так, а где мой муж?

Я жду, и жду, и жду. Сейчас уже полдень — самое жаркое время суток и сказать, что я раздражена ожиданием — это ничего не сказать. И все-таки я жду. И жду. Мой телефон звонит, я вбегаю в комнату и вытаскиваю его из клатча. Это Саммер, я не беру трубку, телефон звонит еще минуту. У меня есть плохая привычка огрызаться на важных для меня людей, когда я злюсь. Мой папа всегда учил меня, что если я не могу сказать что-то хорошее, лучше вообще ничего не говорить. В этот раз я воспользуюсь этим замечательным советом.

Надо позвонить ему? Да. Черт подери, надо. Уже час дня. Он должен был уже быть здесь.

— Офис Мистера Фримана, говорит Карлсон.

— Карлсон, соедини меня с моим мужем, пожалуйста, — выплевываю я.

Вот, о чем я говорила. Грубая, когда сердитая.

— Конечно. Секунду, — раздается какой-то шум, и телефон дважды звонит.

Безумный, испуганный голос раздается из трубки:

— Бл*дь, Майя, мне так жаль, я...

— Оставь свои извинения при себе, придурок! Пойти куда-нибудь сегодня было твоей идеей, черт возьми, я могла бы гулять с Мари, но догадайся, где я сейчас. Сажу дома на диване, вся покрыта липким кремом для загара, проверяю свои часы каждые две чертовы

минуты. Иди ты на хрен! — большим пальцем хлопаю по экрану, эффективно сбрасывая звонок. Думаю, получилось неплохо, да?

Телефон звонит, я игнорирую. Затем снова, и снова, и снова. Вздыхаю. Открываю смс.

Джеймс: Мне так жаль, малышка. Я уже в пути. Пожалуйста, дождись меня.

Майя: Я выхожу... без тебя. Придурок. Напомни мне больше никогда даже не пытаться куда-то с тобой ходить.

И я выхожу, захватив с собой клатч. Направляюсь в город пешком, потому что день слишком прекрасен, чтобы ехать за рулем, тем более на дорогах пробки. Сначала я останавливаюсь у кафе «Коста» и заказываю холодное карамельное латте, прежде чем направляюсь в парк. В парке играет какая-то джазовая группа. Они довольно неплохи, вокруг них даже собралась толпа на одеялах для пикника. Я усмехаюсь и отправляюсь к ларьку, чтобы взять рожок мороженого.

Я ложусь в тенечке под деревом, рожок в одной руке, киндл^[2] — в другой. Сейчас я читаю книгу о бессмертных, она об удивительном парне по имени Уильям, который мечтал об одной девушке долгие годы и, наконец, нашел ее. Моя самая любимая сверхъестественная трилогия в мире.

Лежу на животе, болтая ногами в воздухе. Иногда поглядываю на детей, которые играют в футбол и на их семьи, которые наблюдают за ними. Они выглядят такими счастливыми. Мысли снова возвращаются к моему мужу. Он пытался вытащить меня куда-то вместе с ним несколько месяцев, а теперь, когда я согласна, он обо мне забывает. Как кто-то может забыть о чем-то так быстро?

И что мне делать? Как реагируют супружеские пары, когда один из них подводит другого? Они убегают гневно прочь или остаются и обсуждают это? Это так печально. Единственный в жизни человек, который не должен тебя подводить, но подводит.

Просто потрахайся с ним и забудь. Не похоже, чтобы ты хотела провести с ним время.

Заткнись, либи́до. Не всегда все сводится к сексу.

Если бы я не знала тебя так хорошо, подумала бы, что ты действительно думаешь, будто не всегда все сводится к сексу.

Я так и сказала это (в своей голове).

Ну, так и что изменилось? Месяц назад все сводилось к сексу.

Бл*дь.

Всегда рада помочь.

Мне и впрямь нужно прекращать спорить с собой. У меня в голове, будто плохой и хороший полицейский. Мое либи́до — плохой полицейский. Или непослушный полицейский. Я должна купить себе костюм сексуального полицейского.

Вздыхаю и проверяю телефон: четыре смс и двадцать три пропущенных. Все от него и

одно от Саммер. Вероятно, он попросил ее написать мне, узнать, где я.

Читаю смс:

Джеймс: Пожалуйста, малышка, прости. У нас с тобой есть еще целый день. Не злись.

Джеймс: Мне очень жаль! Мы будем делать все, что захочешь. На завтра я возьму отгул.

Джеймс: Пожалуйста, ответь на смс. Или возьми трубку.

Саммер: Хэй, детка, что делаешь? Может, выпьем по чашечке кофе?

Майя: Хэй, Саммер. Я не тупая. Выпьем кофе завтра! Хх

Саммер: А я говорила ему, что ты все поймешь, но он попросил хотя бы попробовать. Хх

Майя: Он — придурок.

Саммер: А разве есть мужчины — не придурки?

Майя: Точно! Обожаю тебя, сучка хх

Саммер: Увидимся завтра, грудастая! Хх

Джеймс: Ответь на свой гребаный телефон!

Джеймс: Прекрасно... Веди себя, как долбаный ребенок! Боже, Майя, я налажал прости!

Только из-за того, что он назвал меня ребенком, я решаю ответить на звонок.

— Какого черта ты назвал меня ребенком?

— Просто скажи, где ты, и я приеду, заберу тебя, — говорит он умоляюще, его голос пропитан отчаянием и раздражением. Хорошо. — Мне очень жаль.

— Прости, я занята. Никак не могу вспомнить, где я.

— Прекрати вести себя, как ребенок. е... почему я вообще беспокоюсь? — стонет он.

Я невесело усмехаюсь.

— Да, ты прав... почему ты вообще беспокоишься?

— Майя, я не имел в виду...

— Нет, я точно знаю, что ты имел в виду. Даже когда я пытаюсь сделать что-то, это не достаточно хорошо для твоего высокомерного и могущественного зада. Почему ты просто не разведешься со мной и не покончишь с этим? Зачем тратить впустую еще четыре года

«беспокоясь» обо мне! — я снова бросаю трубку.

Даже не знаю, почему его слова меня так задели, ведь он говорит так все время. Может, потому что я, правда, стараюсь. Возможно, фигово, но все же. И вы не видите, как я постоянно жалуясь, в отличие от него. Ну, не вслух.

Я жду еще два часа, прежде чем вся потная и спокойная возвращаюсь домой. На обратной дороге я снова заказываю карамельный латте и властно шагаю к лифту. Я полна энергии, поэтому все-таки выбираю лестницу.

Когда я вхожу в квартиру, сразу направляюсь в гостиную. Джеймс сидит на диване, держась руками за голову. Его волосы выглядят взерошенными и это сексуально, он одет в бежевые шорты и нежно-голубую рубашку, пуговицы не застегнуты и открывают его мускулистую загорелую грудь. Отодвигаю свои эротические мысли в сторону и опускаюсь в кресло. Он поднимает взгляд, когда я опускаю латте и слабо улыбаюсь. Я замечаю беспокойство в его глазах.

— Мне очень жаль, что я сказал «не знаю, почему я беспокоюсь». Я, правда, знаю, почему беспокоюсь, — бормочет он и вздыхает. — Я — мудак. Ты простишь меня?

Я приподнимаю брови и смеюсь.

— Все в этом извинении было неправильным. Ты относишься ко мне, будто я тяжелая ноша, которую тебе приходится выносить. Это смешно.

— Ты поняла, что я имел в виду.

— У нас ничего не получается. — Я смотрю, как его лицо вытягивается еще больше. Мое сердце немного сжимается. Я игнорирую это, поскольку хочу донести свою точку зрения до него. Правда, еще решаю, какая она. — Все, что мы делаем, так это спорим. Это смешно.

— Все у нас получается. Не говори так! — я вижу панику, что так очевидна в его глазах. — Не убегай от меня сейчас.

Я откидываюсь на спину и тяжело вздыхаю.

— Я хочу развода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Я не дам тебе развод, — усмехается он и подсакивает с дивана. Его скорость поражает меня, но я не подаю вида и продолжаю быть безразличной. — Из-за чего-то такого глупого.

— Жаль. Я больше так не могу. Не знаю, почему я беспокоюсь.

Он вздрагивает от моих слов, но я вижу эффект, который они произвели на него. Тот же самый эффект, что и на меня. Его глаза округляются, в них видна боль и зеленый цвет почти исчезает. Он выглядит на свой возраст, беспокойство отпечаталось на его лице. Морщинки вокруг его глаз напрягаются от небольшого страха.

— Мы не разведемся, — он начинает вышагивать по комнате, пока его руки практически вырывают волосы с головы. — У нас может все получиться. Я обещаю, что буду лучше стараться.

— Браки ведь не должны быть такими. Я, как предполагается, должна хотеть возвращаться к тебе домой. Должна желать проводить время с тобой.

— У всех супружеских пар есть проблемы. Возможно, нам нужно к семейному психологу.

Фыркаю.

— Ни за что, спасибо. Я не разговариваю о чувствах.

— Пожалуйста, не заканчивай все вот так.

— Ну, по крайней мере, тебе не придется больше беспокоиться обо мне.

— Ты знаешь, что я не это имел в виду! — ворчит он. — Мне жаль! Я налажал! Ты не представляешь, как взволнован я сегодня был... Мне позвонили, и я потерял счет времени.

— Кто позвонил?

Он немного улыбается и садится обратно на диван.

— Я пытался найти своих биологических родителей. Меня усыновили, когда мне было пять. Я помню, что у меня был брат. Я нанял команду частных сыщиков, которые пытались их разыскать.

— Тебя усыновили? — я открываю рот от удивления. Как мало я знаю о своем муже. — Но я думала...

— Моя биологическая мать умерла, когда мне было два. Нас с братом поделила социальная служба, ему было пять. Я не знаю, что с ним случилось. Я искал его и любых других родственников годами.

— Вау. Ничего себе. Они нашли его?

Он качает головой.

— Нет, единственная информация, что они нашли, о том, что он был в том же детском доме, что и я еще шесть месяцев после того, как умерла наша мама, а потом его забрали в семью. Кажется, вся информация о нем была потеряна или что-то типа того. Но они узнали его имя. Лукас Кинг. Моя настоящая фамилия — Кинг.

Я сажусь рядом с ним и беру в свою руку его. От гнева не осталось и следа.

— Это замечательно. Это же лучше, чем ничего, правда?

Он усмехается и кивает.

— Теперь у меня есть его имя, я искал его в социальных сетях и все в таком духе. Проблема в том, что я не знаю, как он выглядит. У меня даже фото нет.

Ну и как мне оставаться сердитой на него сейчас?

— Черт возьми. Ты действительно знаешь, как успокоить женщину рассказами о потерянных братьях и утерянной информации, — хихикаю я и кладу голову ему на плечо.

— Все еще хочешь развод?

Я вздыхаю и качаю головой.

— Думаю, что нет. Просто не подводи меня снова. Или хотя бы позвони и расскажи мне. Я бы поняла. Черт, да я бы приехала и помогла тебе. Это куда важнее, чем поездка на пляж.

— Обещаю, — бормочет он и обнимает меня.

— Я люблю тебя, Майя.

— Хмм, — говорю я и зарываюсь в его шею. — Достаточно, чтобы трахнуть меня в джакузи?

В его глазах загорается возбуждение, и через секунду я уже лежу на спине. Одним резким движением он срывает с меня платье и смущенно смотрит на мое тело, одетое в бикини.

— Бл*дь... Я самый счастливый человек на земле.

Он широко улыбается и нападает на меня. Я визжу, когда он рычит, игриво кусая меня за шею.

Дело принимает серьезный оборот, когда он проводит языком кривую дорожку по моей груди, и меня пробирает волна удовольствия. Я стону и тяну его за волосы, когда он проводит носом вдоль моей шеи. Его теплое дыхание заставляет мое сердце биться чаще.

— Ты нужен мне, — шепчу я, когда его рука уже достигла моих белых трусиков от бикини. — Сейчас.

— Никаких презервативов, помнишь, — говорит он и проводит влажную дорожку поцелуев по моему телу. — Ты пахнешь, как лосьон для загара и свежий воздух. Это опьяняюще.

— Боже, — стону я и смотрю, как он кусает мое бедро. Я вскрикиваю от боли, что прошибает мое тело, но, когда он проводит языком по моей чувствительной зоне сквозь бикини, боль превращается в удовольствие. — Джеймс, — мой голос едва ли выше шепота, потому что он отодвигает трусики и входит в меня пальцем.

— Ты такая теплая и влажная, — шепчет он и начинает посасывать мой клитор. — Такая охренительно вкусная, Майя.

Я начинаю извиваться под ним, потому что он дразнится, пробует меня на вкус. Я выгибаю спину, хватаю его за волосы и дергаю бедрами навстречу к нему.

Так чертовски близко. Прежде, чем я могу кончить, он встает на колени и стаскивает с меня трусики. Я наблюдаю за тем, как он снимает с себя шорты, и его стояк, наконец, на свободе. Он смотрит на меня осторожно, потом ложится сверху и целует меня так страстно, что это не сравнится даже с пожаром. Он поглощает меня, пожирает меня. Затем хлопок. Он входит в меня с громким стоном. Он выдавливает мое имя сквозь сжатые зубы и прислоняется лбом к моему лбу.

Это ощущается офигительно. Я такая чувствительная, это мой первый раз без презерватива и, боже, это удивительно. Я не хочу, чтобы это прекращалось. Мне нужно, чтобы он начал двигаться. Внизу все напряжено, и я жду, когда он уже начнет вдальбиваться в меня. Он облакачивается на локти и улыбается мне.

— Офигительно. Дай мне привыкнуть.

Я киваю и вскрикиваю, поскольку он поднимает меня с дивана, мои ноги все еще обернуты вокруг него, а его член глубоко внутри меня. Он выходит из гостиной и направляется в спальню. Там он срывает одеяло с кровати и устраивается посередине вместе со мной.

— Я хочу сделать все по-своему, — шепчет он мне в ухо. Это заставляет меня дрожать, а все мои внутренности сжиматься. — Пожалуйста. Позволь мне заняться с тобой любовью.

— Джеймс, — предупреждаю я и хватаю его за волосы одной рукой, в то время как второй притягиваю его бедра ближе.

Его темные глаза смягчаются, и он слабо улыбается, потом нежно и сладко меня целует. Я чувствую, что он двигается, его бедра вращаются, и мое тело начинает гореть. Он вращает бедрами еще раз, его стон теряется где-то в горле, потому что он спускается поцелуями к моей шее, а потом к груди, на которой все еще лиф от купальника. Я чувствую, как его руки развязывают веревки лифа, и вздыхаю, когда прохладный воздух из кондиционера обдувает мою теперь уже обнаженную грудь.

Я поднимаю бедра, когда он выходит и медленно толкается вперед.

— Ты удивительный.

— Сняла эти слова с языка, — сладко шепчет он в мое ухо, прежде чем вбирает сосок в рот и начинает его покусывать.

— Я люблю тебя, Майя. Так чертовски сильно.

Толчок, вращение бедрами.

— Всегда любил.

Толчок.

— Ты нужна мне.

Он снова толкается в меня, и вращает своими бедрами. Его большой член попадает по нужным точкам каждый раз, эффектно посылая меня в сладостный туман удовольствия.

Я провожу ногтями по его спине, хватаю за бедра и прижимаю ближе. Он необходим мне ближе.

— Джеймс, — прошу я, только непонятно чего.

Узел в моем животе завязывается все сильнее. Внутренности сжимаются с каждым толчком. Мне осталось чуть-чуть до взрыва. Это удивительно, даже ноги покалывают.

— Посмотри на меня, — говорит он и опирается на руки, нависая надо мной. Я не возражаю, поэтому смотрю ему прямо в глаза. Мое дыхание учащается, когда я вижу, как его великолепное, красивое лицо поглощает удовольствие. Мы оба связаны друг с другом так, как я даже не подозревала раньше. — Майя. Кончи со мной, малышка.

Я киваю, не переставая смотреть на него, потому что я уже на краю, погружаюсь в забвение. Яркая вспышка света взрывает мое сознание, но я не перестаю смотреть на его лицо даже сквозь радужный туман. Я замечаю, как он расслабляется, потому что его тоже накрывает оргазмом. Я вижу, как он улыбается, когда слышит, что я выкрикиваю его имя. Он пульсирует глубоко во мне, а я пульсирую вокруг него.

Вместо того чтобы рухнуть на меня, он опускает голову и мягко меня целует, его язык и губы ласкают мои, и он шепчет:

— Спасибо, — выдыхает он и наконец, плюхается на меня, а я крепко обнимаю его голову, которая теперь покоится на моей груди.

Все стало на много проще после этого. Мы вместе провели вечер, поужинали и направляемся в кино, смотреть какой-то боевик с большим количеством полуголых мужчин.

Хотя ни один из них не сравнится с моим мужем. Он все еще остается богом мужского совершенства.

— Ченнинг Татум, трахни меня, — бормочу я, когда на экране появляется полуголый мужчина. Его грудь влажная и скользкая. Ням-ням-ням.

— Может, прекратишь быть такой одержимой? — шипит мне в ухо мой муж.

Я качаю головой.

— Прошу прощения, ты кто? Я слишком одержима мистером Скользким, чтобы обращать внимание.

— Так ты думаешь, что у него тело лучше, чем у меня?

— Нет, но он такой недоступный... поэтому гораздо более притягательный, чем ты прямо сейчас.

Он усмехается и толкает меня локтем в руку, и я рассыпаю попкорн.

Кому какое дело до попкорна? Ченнинг Татум... Привет!

Боже, либидо, спасибо за комментарий.

— Ну вот, все из-за тебя, — я вздыхаю и отряхиваю попкорн с коленей. — О, мой бог, он вернулся.

— Чшш, — прошипел кто-то.

Зал почти пустой, тут от силы человек пять.

— Да, Майя, чшш, — ворчит Джеймс, пока его тело дрожит от едва сдерживаемого смеха.

— Без шансов. Думаю, я могла бы трахнуть экран.

— Ты вульгарна. Мне так «повезло» с тобой. Почему ты не можешь быть нормальной женой?

— Прости, что ты там сказал? Ченнинг болтает со мной. Ты хочешь, чтобы я развелась, Ченнинг? А потом вышла замуж за тебя! Ну, вот на том и порешаем.

Я поворачиваюсь к Джеймсу и развязно усмехаюсь.

— Так, что там насчет «повезло»?

— Я ненавижу тебя, — хмурится он и игриво целует меня в нос. — С моим телом действительно что-то не так?

— Боже, малыш, твое тело охренительно. Просто, я могу смотреть на него, когда захочу. А вот Ченнинг — мой запретный плод.

— Это пока что.

— Да, — спокойно хихикаю я. — Не хотела бы я быть изгнанной из Рая. Рай — это твоя кровать, малыш. Ты — мой бог. Блин, Ченнинг меня возбуждает. Когда ты будешь шлепать меня, можно я буду называть тебя Ченнингом?

— Если ты не шлепнешь ее, это сделаю я, — кричит кто-то из зала, вызывая приступ смеха у меня и его друзей.

— Нет, ты не можешь называть меня Ченнингом, — ворчит Джеймс и складывает руки на груди.

— Что насчет Деймона?

— Какой еще, к черту, Деймон?

Я фыркаю и указываю на экран.

— Его персонажа зовут Деймон. Ты вообще смотришь?

— Я пытаюсь, но, к сожалению, мое «везение» никак не прекратит болтать.

— Знаю! Ты можешь называть меня Элли.

— Какая нафиг Элли? — ворчит он, но я чувствую, как его тело все еще сотрясается от смеха.

— Девчонка, которой он просовывает. Если ты заткнешься и начнешь смотреть, может быть, ты поймешь, о чем речь.

— Худший поход в кино, который у меня когда-либо был, — отрезает он, и я смеюсь.

— Если это хоть что-то изменит, то обещаю, что в следующий раз буду тихой.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и я вижу недоверие в его глазах, что почти пылает в тусклом свете кинотеатра.

— Я бы хотел, чтобы ты притихла сейчас.

— Ну, а я хотела бы, чтобы Ченнинг спрыгнул с экрана и оседлал меня. Не все мы получаем то, чего хотим.

— Неисправима. Черт, — хихикает он и тянет меня к себе. — А теперь заткнись и смотри это долбанное кино, пока я сам тебя не заткнул.

— Своим членом?

— О, это замечательная идея, Майя.

— Элли, Элли, называй меня просто Элли.

Он смеется, а я решаю сосредоточиться на оставшейся части фильма.

— Что это, черт возьми, такое? — я просыпаюсь от звука мужского голоса, насквозь пропитанного недоверием. — Майя!

Я открываю один глаз и смотрю на плакат Ченнинга Татума, который я купила, и который висит напротив кровати с моей стороны. Джеймс стоит напротив меня, в его глазах пылает ярость.

— Я купила его в кино. Слишком хороший плакат, чтобы отказываться.

— Тебе сколько, пятнадцать? Плакаты с какими-то левыми мужиками не могут находиться в нашей спальне. Уставившись на нашу долбанную кровать!

— Отлично, — вздыхаю я, встаю с кровати и направляюсь в гостиную. Слышу, как он спрашивает, куда я, но я не отвечаю ему, потому что иду искать фотоальбомы. Достāju темно-красную кожаную книгу в переплете и просматриваю ее. Беру ножницы и вырезаю его прекрасные глаза. Захватываю клей и отправляюсь в нашу комнату, где Джеймс все еще стоит, уставившись на плакат. — Я вернулась, — усмехаюсь я и приклеиваю глаза к плакату. Как только все готово, поворачиваюсь к своему мужу. — А тебе идет. Теперь только ты можешь смотреть на нашу кровать.

— Ты просто приклеила мои глаза...

— Ага.

— Ты ненормальная?

— Ага.

— Я не это имел в виду.

Я зеваю и направляюсь в кровать, перед этим поставив клей на столик.

— Ага.

— Дыши, Джеймс. Просто дыши, — я слышу, как он бормочет, пока устраивается рядом со мной. Я не понимаю, почему он просто не сорвет этот плакат. Это, наверно, такой способ

потакания всем моим прихотям из-за того, что он облажался.

Я хихикаю и немного к нему прижимаюсь.

— Ты назвал меня сумасшедшей, а разговариваешь сам с собой.

— Я успокаиваю себя, — ворчит он, словно обиженный ребенок, но успокаивается, окутанный теплом моего тела.

— Позволь мне, — я играю бровями и закидываю на него руку.

Он напрягается, прежде чем полностью расслабиться.

— Позволь мне успокоить тебя, малыш.

— Мне по-настоящему повезло, определенно.

Я все еще плохо себя чувствую из-за того, что попросила развод и была той еще сукой, начиная с нашей помолвки. Первое, что я сделала этим утром — это позвонила своим влиятельным знакомым в этом городе. После того, как нашли детский дом, в котором были Джеймс и его брат, мои люди теперь ищут самого брата и каких-либо родственников. Я ему ничего не сказала. Не хочу, чтобы он думал, будто я вмешиваюсь.

Это адски раздражает, когда ты хочешь сделать кого-то, кроме себя, счастливым.

Итак, сейчас полдень, и я стою возле офиса своего мужа, спустя три дня после наших любовных ласк, и держу сумку полную рогаликов, пончиков и два кофе. Я открываю дверь, уже зная, что он один — спасибо Карлсону, и улыбаюсь его шокированному выражению лица, когда он видит меня. Я держу бумажные пакеты из магазина и кофе. Он удивляет меня, широко улыбнувшись и хлопнув себя по коленке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я перезвоню тебе, Смит, — говорит он в телефон и вешает трубку. — Ну, разве это не удивительно.

Закатываю глаза и выкладываю еду и кофе на стол.

— Я просто подумала, что ты можешь проголодаться. Ты ведь пропустил завтрак.

— Я голодный, — усмехается он и тянет меня на себя, располагая руку на моей груди. — Что ты мне принесла?

Открываю пакет, вручаю ему рогалик и говорю:

— Он с ветчиной и сливочным сыром.

— Мой любимый.

— Твой любимый — это рогалик из МакДонольдс с колбасой, яйцом и сыром.

— Откуда ты узнала? — он практически давится, откусывая.

Пытаюсь снова не закатить глаза.

— Потому что я тоже люблю его. И каждый раз мой папа покупал по пути на работу один мне и один тебе.

— Точно, — усмехается он и целует меня в щеку, прежде чем снова откусить.

Крошечный кусочек сливочного сыра остается в уголке его рта. Ни о чем не думая, вытираю сыр большим пальцем и облизываю его. Его зрачки темнеют, хватка на груди усиливается, и он удивляет меня, когда просто целует в нос. Это так нежно. Что за хрень с нами происходит?

Я уже задавала себе этот вопрос час назад, когда сидела в своем офисе и все, о чем думала, так это голоден ли Джеймс и слишком ли он занят, чтобы что-нибудь перекусить. Со мной определенно что-то не так. Я постоянно беспокоюсь за Джеймса, Джеймса и, о да, ДЖЕЙМСА!

— Ты в порядке? — спрашивает он, потираясь бедрами о мою задницу. — Позаботиться

о тебе?

Хихикаю и качаю головой.

— Не сейчас. У меня куча дел, через десять минут уже пора возвращаться.

— За десять минут можно много чего успеть.

— Ты ненасытный, — бормочу я, поворачиваясь на его коленях, чтобы оседлать его. —

Я просто смотрю на тебя и уже возбуждаюсь.

Он улыбается своей глупой ухмылкой и снова двигает бедрами так, что его выпуклость прижимается ко мне. Его рот овладевает моим, на вкус он как кофе и рогалик, и это очень приятно.

— Я хочу тебя. На моем столе. Сейчас же.

Я подскакиваю с его коленей, а мой телефон начинает звонить. Со вздохом и извиняющейся улыбкой я поворачиваюсь к телефону, а потом целую Джеймса в губы.

— Я должна ответить. Я увижу тебя сегодня вечером?

— Конечно.

Я выбегаю из его кабинета и отвечаю.

— Здравствуйте.

— Привет, миссис Джонсон. У меня есть хорошие новости.

— Подождите две минутки. Я просто сейчас захожу в лифт. Не хочу, чтобы нас рассоединили.

— Хорошо, — говорит Фелпс и ждет, когда я зайду в свой офис, и ведет непринужденную светскую беседу. — Мы провели кое-какое расследование на счет Лукаса Джонсона при помощи специальных социальных служб. Я думаю, что мы определили трех потенциальных мужчин, которые подходят. Я собираюсь проследить за ними, немного покопать под них. И определить, какой из них тот самый.

— Это же просто, черт побери, фантастически, Фелпс, — я почти кричу. — Извините... я просто... вау.

— Пока сильно не возлагайте надежд. Я бы не хотел, чтобы вы потом разочаровались.

— Нет ничего плохого в крошечной надежде, Фелпс. Благодарю вас. Я увеличу вам оплату? Дайте мне знать, если вам потребуется больше денег.

— Конечно, мэм. Я позвоню вам, как только узнаю что-то еще.

— И, Фелпс.

— Да, мэм?

— Постарайтесь как можно быстрее, хорошо. Он и так ждал достаточно долго, — говорю я, и у меня начинает кружиться голова.

— Конечно.

Я решила пока что не говорить Джеймсу. Все же, хочется быть уверенной. Но мне не понятно, по какой причине я беспокоюсь о нем так сильно. Это не займет много времени, чтобы закончить. У меня есть пара встреч с потенциальными новыми клиентами, с которыми я хочу обсудить незначительные детали насчет нового магазина, который находится за углом вверху улицы. Я, к сожалению, закончила раньше, чем мой муж. Он берет на себя большую нагрузку, чем я. Я решаю поговорить с нашими дизайнерами и архитекторами насчет интерьера.

— Привет, Софи, — говорю я с теплой улыбкой. Софи за пятьдесят лет. И у нее отличный вкус. Она была архитектором, с тех пор как закончила колледж в возрасте двадцати лет. Она создала дома моего отца и наши офисы, а также часть наших магазинов.

Не позволяйте ее возрасту одурачить вас, она как фейерверк, с вьющимися, как смоль волосами, и выглядит не старше, чем на сорок пять. — Так, я думаю, моему мужу нужен более просторный офис.

— Что ты задумала?

— Ну, конференц-залы напротив меня, думаю, мы можем переместить их на этаж ниже, и перенесем офис Джеймса сюда. Сделаем ему другой выход, чтобы мы не сталкивались постоянно. Ну, я не знаю. Я позволю тебе проработать детали.

Софи смеется и соглашается прийти завтра, чтобы посмотреть и измерить все. Я говорю ей, что он нуждается в примыкающей спальне и ванной комнате, так как он проводит много времени на работе. Еще кое о чем мне надо позаботиться. Я попросила ее держать все в секрете. Сначала сделать кабинет, чтобы устроить ему сюрприз, а потом делать залы внизу.

Как только я получаю сообщение от Мари, я бегу к ней. Она просит меня устроиться в баре за углом. У меня есть пара часов, прежде чем Джеймс вернется домой, почему бы и нет.

Мы часто посещаем этот бар, он называется «Оттенки», маленький паб с доброжелательным персоналом и умиротворяющей атмосферой. Как только я вхожу в бар, официантка направляет меня к отдельной кабинке. Я улыбаюсь и машу несколькими постояльцам и персоналу, пока направляюсь к своему месту.

— Она здесь, — говорит Мари.

Я смотрю и открываю от удивления рот. Там, в нашей VIP-кабинке сидит не кто иной, как Джейкоб Стоун!

— Похоже, она рада тебя видеть.

— Заткнись, — хихикаю я и вытягиваю руку. — Мистер Стоун! Очень рада встрече с вами.

— Взаимно, — он усмехается, показывая идеальные жемчужно-белые зубы и две милые ямочки на щеках.

Он всего на три года старше меня и Мари. У него темно-русые волосы, густые брови и голубые глаза цвета океана, что я, наверное, смогла бы плавать в них. А еще я видела в журнале, что у него накаченное тело. Пускаю слюни.

Дайте его мне, дайте!

Замолчи либидо.

Скучно.

Замужем.

Точно. Скучно. Я бы точно оформила развод, чтобы трахнуть этого парня. Я бы хотела узнать, как он работает этими пухлыми губками.

Замужем. Замужем.

— Замужем, — говорю я вслух.

— Что? — улыбается он, выглядя смущенным.

— Да ничего, — я меняю тему, дабы исправить свою ошибку. — Так, я слышала, что вы

хотели встретиться со мной?

Он усмехается, и я таю. Черт, мое глупое кольцо. Я начинаю крутить его на пальце.

— Что я и сделал, — его голос как бархат для моих ушей. Как сладкая эротическая мелодия. Голос. Я хочу услышать, как он выкрикивает мое имя.

Ушки получают это.

— Я был взволнован тем, что смогу встретиться с вами. Я слышал, что вы создали лосьон для бритья?

Я краснею, японский городской!

— Да, это был мой первый проект. Мое первое творение.

— Да, она видела этого парня, у которого постоянно была сыпь после бритья, и она решила эту проблему, — Мари гордо улыбается. Почему она не пытается трахнуть его? Он ведь в ее вкусе. — Она — гений в химии.

Я мило улыбаюсь своей лучшей подруге и заказываю напиток, когда приходит официант.

— Я очень польщена, что вы доверяете нашему продукту и хотите представить его.

— Не стоит благодарности, — он машет рукой и стреляет в меня хитрой усмешкой. — Я должен признаться, я слышал о вас, когда мне рассказали, что вы научный гений, хорошо обращаетесь с компьютерами, работаете на износ, и посещаете кучу вечеринок. У вас не было ни одного известного бойфренда до внезапного замужества. Я почти ожидал встретить...

— Маленькую пухленькую девочку в очках и с сальными волосами? — хихикаю я, и он смущенно кивает. — Ага, так думают многие.

Мари ухмыляется и подмигивает мне снова. У нее дергается глаз? Зачем она опять мне подмигивает?

— Итак, как долго вы будете в городе?

— Примерно неделю, пока не закончатся все дела с рекламой.

— Здорово, обычно я слежу за рекламными проектами лично. Так что увидимся еще там, — я улыбаюсь, и чувствую, как его бедро едва задевает мое. — А как вы познакомились с Мари?

Он рассказывает мне, как она позвонила ему четыре дня назад и настаивала на том, чтобы представить его мне. Почему спросите? Он тоже понятия не имеет, как и я, что пришло в голову моей подруге. Мари просто пожимает плечами и говорит, что это отличный предлог, чтобы встретиться с любимой знаменитостью. Хорошо. Так мы это и оставим.

Мы разговариваем и едим сырный картофель фри. Он спрашивает меня о моей жизни, я спрашиваю о его. Он невероятно смешной и обаятельный, и смеется вместе с нами. Несколько раз люди подходят, чтобы попросить у него автограф, он дает автографы и делает пару снимков. Этот мужчина — великолепный, веселый, сексуальный, милый, и он рассеянно продолжает разговор, играя с моими волосами. Мне нужно уйти, прежде чем я сделаю что-нибудь глупое.

— Вот, черт, — говорю я, смотря сердитым взглядом на свои платиновые часы с бриллиантами. — Уже почти полночь. Мой телефон разряжен. Джеймс убьет меня!

Мари фыркает и допивает свой напиток.

— Я отвезу тебя.

— Я сожалею, — говорю я Джейкобу, когда мы собираемся уходить. — Мне было так весело, я потеряла счет...

— Не извиняйся передо мной, я прекрасно провел время, — он улыбается и выходит со мной из ресторана, удерживая руку на моей пояснице. — Приятно было встретиться с тобой.

— И мне тоже, — говорю я с улыбкой, когда он целует меня в щеку. — Надеюсь, увижу тебя на этой неделе.

— Я позвоню тебе, мы должны пообедать.

Я киваю, быстро даю ему свой номер, и смотрю, как он садится в свою машину. А затем направляюсь с Мари к ее авто.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Джеймс, вероятно, в ярости, — бормочу я, когда мы едем вниз по улице. — Серьезно, по-настоящему в ярости.

— Да, — Мари смеется и сигналиит водителю. Она ведет себя на дороге просто безумно, это чертовски пугает меня. Сейчас я надеюсь, что она врежется куда-нибудь, чтобы у меня была уважительная причина для опоздания. — Итак, разве он не удивительный?

— Да, и это наводит меня на следующий вопрос, почему ты так сильно хотела, чтобы мы познакомились?

Она пожимает плечами и прочищает горло. У нее нервный тик, поэтому я знаю, что у нее на уме какой-то хитрый план.

— Ты нравишься ему. Я хотела посмотреть, как он отреагирует. Ненавижу, когда иду на свидание, и оно заканчивается тем, что моя подруга нравится больше меня.

— Вот дерьмо. Мари, я сожалею.

Она закатывает глаза и со смешком говорит:

— Это неважно. Есть много мужчин, которые предпочитают мой тощий зад твоим плотненьким булочкам.

Я откидываю голову назад и смеюсь. Плотненькие булочки, мда.

— Не хочу быть замужней, — выдыхаю я, полностью успокоившись. — Если бы я не была замужем, я бы точно попалась на этот крючок.

— Разведись, — она пожимает плечами, будто это несложно.

— Я не могу этого сделать.

Она немного хмурится.

— Почему нет? Не похоже, что ты любишь его. Или хочешь.

— На самом деле, — говорю я, а мой голос становится громче, защищаясь. — С ним самый лучший секс, который у меня когда-либо был. Он милый, добрый, понимающий.

— Он скучный.

— Он не скучный, он просто, — выдыхаю я, стараясь найти подходящее слово. — Сосредоточенный. Он знает, чего хочет.

— И никогда не сбивается с этого пути. Что и значит — скучно, — Мари хихикает.

Я не разведусь, я буду в браке до тех пор, пока он не решит, что я его не достойна. Почему я вдруг напугана? Разве я не хочу, чтобы он со мной разводился? Блин, я и мой глупый ум. Что я буду делать, если он устанет от меня? Что, если он поймет, какая на самом деле я катастрофа и решит, что не хочет иметь ничего общего со мной?

Все это много раз проигрывается в моей голове, пока я иду к квартире. Молюсь, чтоб застрял лифт, чтоб я могла замедлить неизбежное. Конечно, этого не происходит, подобное случается только, если я направляюсь на важную деловую встречу или что-то в этом роде. Типичный закон подлости.

Глубоко вздохнув, я открываю дверь в темный коридор. Из-под двери гостиной льется свет. Я бросаю сумку и ключи на столик у двери и стягиваю ботинки, прежде чем медленно открываю дверь.

Первое, что я вижу — лицо Джеймса, и то, как он вскакивает с дивана. На его лице отражается облегчение, и только облегчение, будто он переживал, что меня похитили. Он мчится ко мне стрелой и крепко обнимает руками, зарывшись лицом в мои волосы.

— Я так волновался! — теперь он сердится и держит меня на расстоянии вытянутой руки. — Где, черт возьми, ты была?

— Я...

— Нет, забудь об этом. Я не хочу слушать твои оправдания.

— Но...

— Я так перепугался. Я думал, что тебя ранили или похитили! Почему ты мне не позвонила?

— Джеймс, — говорю я, подавляя смешок, а затем обнимаю его за талию. — Я сожалею. Я отвлеклась. Я закончила на два часа раньше и встретила с Мари в пабе.

— О, в том самом?

Я с улыбкой киваю.

— Да, ты никогда не догадаешься, с кем она была. Кто хотел встретиться со мной! Мной! Из всех людей! Кто снимается в рекламе моего средства для бритья!

— Кто? — смеется он над моим волнением.

Я люблю улыбку на его лице, она красивая.

Я откашливаюсь и отбиваю барабанную дробь по спинке дивана:

— Джейкоб Стоун! — получается лишь жалкий визг. — Мы разговаривали и пропустили по стаканчику. Мой телефон сдох, потому что прежде, чем я это осознала, было уже за полночь. Я так сожалею.

Улыбка с его лица превращается в безэмоциональную маску. Его кулаки сжимаются по бокам.

— Позволь мне узнать все честно, — он рычит сквозь плотно стиснутые зубы. — Ты забыла позвонить мне, потому что была с... Джейкобом Стоуном?

Я киваю, но то, как он сказал это, выходит хуже, чем было на самом деле.

— Прекрасно, — говорит он и делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Что-нибудь произошло?

— Эмм... мы обменялись номерами и собираемся пообедать перед фотосъемкой рекламы, — говорю я осторожно, не желая лгать и не желая сильнее разозлить его. — Это было совершенно безобидно.

— И он не прикасался к тебе, не целовал... ты трахнула его?

Ну вот!

Я фыркаю и направляюсь в сторону нашей спальни, он идет за мной по пятам.

— Не будь смешным. Мы просто сидели рядом друг с другом и разговаривали. Мари была там.

— Я не смешон. Господи, Майя, я ревную, это нормально. Почему вы не пригласили меня?

— Мне и в голову это не пришло, малыш, — успокаивающе произношу я, но, очевидно, это не то, что стоило говорить, потому что он поворачивается и ударяет кулаком о дверь, прежде чем уставиться на меня. — Ты просто проломил отверстие в двери, — я смотрю на трещину и дыру.

— Иногда, иногда... — он говорит, сгибая истекающую кровью руку. — Забудь об этом. Я сплю в другой комнате.

— Ты серьезно? — фыркаю я. — Что на сей раз я сделала?

— Я просто не могу быть рядом с тобой прямо сейчас.

Во мне вспыхивает гнев.

— Иногда что, Джеймс? — я хватаю его за руку, чтобы не дать уйти.

Его глаза темнеют от ярости. Это вправду нервирует меня.

— Иногда я чертовски ненавижу тебя, ты бессердечная сука! — кричит он мне в лицо, прежде чем вылетает из комнаты и хлопает дверью. Ой. Это больно.

Ошеломленная, я опускаюсь на пол, его слова повторяются у меня в голове, как заезженная пластинка. Ты бессердечная сука, иногда я тебя ненавижу. Ты бессердечная сука. Бессердечная сука. Он не просто сказал: иногда я тебя ненавижу. Он сказал: иногда я тебя чертовски ненавижу. Это будто страстно ненавидеть.

Я шокирована слезой, которая катится по щеке. Черт побери, я не буду плакать. Я не хотела его огорчить. Почему я так лажаю во всем, что касается его?

Решив, что мне нужно освободить голову от мыслей, я хватаю пиджак, вытаскиваю обувь и беру ключи от машины. Как только моя рука сжимает ручку двери, Джеймс выходит в коридор. Он смотрит на пол, шоркая пальцем ноги по полу, его руки засунуты в карманы брюк.

— Куда ты идешь? — спрашивает он, его голос едва громче шепота.

Я смотрю в его усталые глаза, качаю головой и открываю дверь.

— На улицу.

Его глаза снова щурятся в гневе. Да уж, еще больше оскорблений.

— Ты собираешься встретиться с ним?

— С кем? — выдыхаю я и сжимаю переносицу.

— Джейкобом Стоуном.

— Да, — лгу я, отталкивая его руку, когда он собирается дотянуться до моей. — Да, я собираюсь встретиться с Джейкобом Стоуном, и трахнусь с ним, а затем вернусь домой и расскажу тебе, насколько он лучше, чем ты, потому что я вот такая гребаная шлюха. Теперь счастлив?

Я не дожидаясь его ответа, просто ухожу, хлопнув дверью перед его ошеломленным лицом, и направляюсь к лифту.

Я была уверена, что, в конце концов, приду сюда. Это первый раз после похорон. Земля все еще слегка приподнята. Я встаю на колени и кладу белые розы пред великолепным надгробием. Оно в форме книги с разными фигурками пробирок и колбочек, и других приборов на левой половине. Оно бы понравилось ему.

— Привет, папа, — говорю я и нежно касаюсь его имени. — Так, все не так хорошо, как ты, наверно, знаешь. Мой муж думает, что я шлюха и все, что мы делаем — это спорим, — вздох. — Это моя вина, я продолжаю валять дурака. На самом деле плохо. Я не имею в виду... я просто... е, — стону я и тру глаза. — Это глупо. Ты не здесь, — я хнычу и тяну лепесток с одной розы, он такой мягкий под моими пальцами. — Я скучаю по тебе, — одинокая слеза падает вниз, а затем начинаются рыдания.

Я не могу их остановить. Слезы каплют и каплют. Я скучаю по папе, мне нужно, чтобы он был здесь, обнял меня и сказал, что все будет хорошо. Я просто не могу справиться, я не знаю, что делать.

Я сижу и жду, непонятно чего. Мой телефон по-прежнему дома, поэтому я не могу никому позвонить. Моя юбка влажная из-за того, что я сидела на земле так долго. Ветерок заставляет меня задрожать. Так что я решаю, после долгих часов, что пора домой. Я встаю, добираюсь до машины и уезжаю.

В квартире тихо и темно. Я надеюсь, он спит, я не могу больше ссориться сегодня.

Слишком много для одной недели. Я никогда в своей жизни не ссорилась с кем-то так много. Я крадусь в комнату, испытывая странное чувство дежавю. Особенно, когда вижу Джеймса, который сидит в кресле, а его голова лежит на руках.

Он смотрит вверх, его глаза опухшие и красные, я чувствую себя ужасно из-за того, что заставила его испытать все это.

— Майя, я...

Я закрываю рукой его рот и падаю на его колени. Он вздыхает и обнимает меня сильными руками, а я зарываюсь лицом в его шею. Я дома, в безопасности, в тепле и, думаю, влюблена. Я засыпаю, чувствуя его дыхание на своей шее и звук его сердца под моим ухом, пока его сильные руки крепко обнимают меня. Последние словами, что я бормочу — это слова, которые я думала, никогда не услышу, как говорю их другому человеку:

— Я люблю тебя.

Я даже не уверена, что он услышал их, но знаю, что сказав их, сделала первый шаг к восстановлению наших отношений.

— Я позволю начать, делай все, что считаешь нужным, — говорю я Софи.

Она с волнением усмехается и топает к двери, мой телефон высвечивает сообщение.

Я улыбаюсь, когда читаю.

Джеймс: Я люблю тебя... приди и отсоси у меня.

Майя: Я прям чувствую любовь... правда. Эта пошлая смс-ка пришлась мне по вкусу.

Джеймс: Минет, Минет... в случае, если ты не можешь услышать, то вся Римская империя скандирует это слово.

Майя: Боже, это ж так много людей хочет минет!

Джеймс: Не смешно...

Майя: Скоро вернусь, а то первый мужчина в очереди ждет.

Джеймс: Гррр!

Я открываю дверь в его кабинет и затем закрываю ее за собой, а его брови ползут вверх.

— Мистер Фриман. Мне кажется, вы хотели моего присутствия.

Я наблюдаю, как он сглатывает и слегка кивает.

— Конечно, мистер Фриман, — я с ухмылкой бросаю подушку с дивана на пол перед ним. Все его тело вздрагивает, когда я провожу по его бедрам к поясу. — Ммм... кое-кто уже возбужден.

— Для этого мне только стоит подумать о тебе, и я нахожусь в постоянном состоянии возбуждения, — он стонет, когда я высвобождаю его член из плена. — Черт, Майя, — он проскальзывает руками прямо в мои волосы, а я обвожу языком вокруг головки. — О, боже!

Я осознаю, что это, вероятно, первый минет, который я делаю ему. Я решаю сделать его самым лучшим из всех. Я хочу разрушить его для всех остальных женщин.

Я обхватываю основание рукой, другой рукой сжимаю яйца, и проталкиваю член в рот до задней стенки горла. Вкус и запах — божественны, как и каждый его дюйм. Он снова стонет, дергается у меня во рту и хватается меня за голову сильнее.

— Ты так приятно ощущаешься, — шепчет он и водит пальцами по коже моей головы.

Я смотрю на него, сильнее всасывая его в рот. На его лице читается удовольствие, глаза плотно закрыты, а губы слегка раздвинулись. Я смотрю с благоговением, как он прикусывает нижнюю губу, и розовая плоть становится белой, когда я проталкиваю его дальше в горло. Стон выскальзывает из меня и звучит в унисон с его собственным.

— О боже, Майя, — шипит он, когда я двигаюсь быстрее, не отводя взгляда от его лица. Я хочу увидеть, как он кончит, но и проглотить все его удовольствие, и то, и другое, возможно, не получится одновременно. Его руки сжимаются в моих волосах, он уже близко, я могу предположить по тихим горловым стонам и легким подрагиваниям тела, его член увеличивается, и держать его во рту становится практически невозможно. — Черт, Майя...

Я двигаюсь быстрее, он пытается приподнять мою голову. Его глаза расширяются, а бедра, кажется, двигаются сами по себе. Зеленые глаза опускаются к моим. Он пытается быть джентльменом и выйти из моего рта, но вижу, что он не хочет. Его тело кричит, чтобы я держала его во рту. Так я и делаю, хотя его большой пульсирующий член делает больно моим челюстям.

Первый всплеск оргазма взрывается вместе с выкриком моего имени. Его руки сжимают в кулак мои волосы, и он с силой отталкивает мою голову, прежде чем понимает, что я хочу этого. Мне удастся проглотить, не проливая ни капли, и я медленно отпускаю его.

Я торжествующе усмехаюсь ему, всего секунду. Выражение его лица темное, опасное, когда он поднимает меня и кладет лицом в стол. Он быстро задирает мою юбку вверх, чтобы были видны мои бедра, и рвет кружевные черные трусики. Я немного визжу, когда он проталкивает в меня свой горячий член. Подталкивая меня выше по столу.

— Боже, Майя, — стонет он, врезаясь в меня снова, как так, что он по-прежнему тверд, я понятия не имею. — Ты сводишь меня с ума.

— Не останавливайся, — прошу я и берусь за край стола.

Он вдавливаясь в меня снова и снова. Его жесткий член входит так глубоко, что, не уверена, я вне себя от удовольствия или боли. Понемногу от того и другого, и какой он безжалостный. Как животное, он трахает меня на столе. Я кричу, но реальность расплывается, когда во мне вырастает оргазм. Его твердое тело наклоняется на мое, и его рука обводит мое бедро, чтобы поиграть с клитором. Ставки сделаны. Я толкаюсь назад, чтобы встретить его, и с криком кончаю. Он присоединяется ко мне и падает на меня сверху.

— Ты в порядке? — спрашивает он, поднимаясь с меня. Я смутно понимаю, как он очищает меня теплой влажной тканью и опускает мою юбку. — Хочешь сдвинуться? — Черт, я не знаю, где я сейчас нахожусь. Я не хочу двигаться и не хочу, чтобы это останавливалось. Он хихикает и садится на свой стул. Я в курсе, что его голова находится на уровне моей задницы. Меня это не волнует.

— Господи, ты потрясающий.

Он вздыхает и массирует мои бедра. Я падаю обратно на колени и расслабляюсь.

— Хмм.

— Сколько будет один плюс один?

— Жираф, — отвечаю я, прижимаясь к его шее, пока он трясется от смеха.

— Мы в какой стране?

— Небеса.

— Точно, — он смеется и целует меня в висок. — Давай, принцесса. Время работать.

— Время Чико.^[3]

— Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Я хочу больше секса на столе.

Он громко смеется и поднимает меня на ноги.

— Давай, мой маленький сексуальный котенок. Пойдем, отведем тебя обратно в офис.

Мой офис, Софи! Он не должен видеть или даже подозревать, что я делаю.

Я вскакиваю и убираю волосы со своего лица.

— Нет, не надо. Я хорошо выгляжу? Увидимся позже.

Я дарю ему целомудренный поцелуй в губы, соблазнительно подмигивая, и выхожу из его кабинета. Когда захожу в лифт, я понимаю, что на мне нет трусиков. Блин.

Я захожу в свой офис, чувствуя себя легче воздуха. Софи приходит и показывает мне свои планы. Несколько достойных чертежей для нового офиса. Сказать, что я рада — это ничего не сказать. Я звоню Карлсону и спрашиваю его, что он думает насчет нового места. Ему придется, по сути, поделиться с Марджи, но он говорит, что это нормально. По-видимому, будет весело, иметь здесь приятеля для сплетен. Их столы стоят достаточно далеко друг от друга, что им пришлось бы кричать через кабинет, но, по крайней мере, они могут поделиться всем в комнате отдыха.

— Фелпс на линии, — говорит Марджи.

— Фелпс, пожалуйста, скажите мне, что есть хорошая новость? — я сижу на краю своего кресла, схватившись за стол свободной рукой. — Ну, пожалуйста!

Фелпс испускает сдавленный смешок и говорит:

— Я сузил поиски до одного человека. Он не один из той тройки, но он почти двойник вашего мужа. Его зовут Лукас Дрейк. Он никогда не был официально усыновлен...

— Почему мне кажется, будто вы расскажете душераздирающую историю, которая не будет мне давать спать по ночам?

— Потому, что так и есть.

Я хватаю коробку с платочками.

— Он скитался от одной приемной семьи к другой, пока ему не исполнилось восемнадцать, и он не стал самостоятельно существовать. Получил стипендию, поступил в университет и влюбился. Он женился на девушке с именем Кэндис Дрейк, решив изменить свою фамилию, поскольку она для него ничего не значила. У них было две маленькие дочки, Амелия и Энни.

— Это не так уж и плохо.

— Оказывается, Энни, старшая девочка, умерла вместе с матерью в автокатастрофе чуть более года назад.

Иисус гребаный Христос.

— О боже, — стону я и ударяюсь лбом о стол. — Сколько лет было девочке?

— Она родилась в июле две тысячи восьмого года, ей было бы четыре. На тот момент ее младшей сестре было два года. Сейчас ей почти четыре.

— Спасибо, Фелпс. Вы можете отправить мне его адрес и контактный номер телефона? И не прекращайте делиться со мной новостями.

— Уже сделано. Я рекомендую сделать ДНК-тест, просто чтобы быть уверенным, —

Фелпс начинает кашлять. И вот причина, по которой я не курю. — Не стоит будить надежду без веских доказательств.

— Хорошо подмечено. Спасибо, Фелпс, — говорю я и вешаю трубку.

Открыв свой ноутбук, я быстро просматриваю электронную почту. Что мне делать со всей этой информацией? Скажу ли я Джеймсу, или буду держать его в неведение пока что? Сначала сделать ДНК-тест. Да, так будет лучше.

Пиканье моего телефона выдергивает меня из моих мыслей, на экране высвечивается смс-ка:

Джейкоб: Перекусим??? Встретимся в том же месте, как в прошлый раз.

Ах, е мой. Что мне делать?

Набираю сообщение мужу.

Майя: Только что получила смс от Джейкоба, он хочет пообедать, прежде чем начать съемку... ты не против?

Джеймс: Мне это не нравится, но я доверяю тебе.

Майя: Спасибо, мой сладкий. Увидимся вечером дома xxxx

Джеймс: Я люблю тебя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Спасибо, что пришла, — Джейкоб улыбается и выдвигает мой стул. — Я заказал тебе рибай.^[4]

Я улыбаюсь ему в ответ.

— Идеально. А откуда ты узнал?

— Они сказали, что это твой обычный заказ, — он показывает рукой на Сью за баром. Я смеюсь и киваю. Здесь это и правда мое любимое блюдо — рибай средней прожарки и картофель.

— Ну, спасибо большое, — я улыбаюсь, и заказываю еще амаретто со льдом. Ням-ням. — Итак, какие у тебя планы на неделю? Есть семья в городе?

— У меня есть несколько друзей в городе, но они слишком заняты. Большинству людей не нравится ходить куда-то со мной, потому что за мной следуют толпы фотографов и фанатов, — он пожимает плечами, но я вижу печаль в его глазах. — А другие хотят быть рядом со мной по этой причине.

— Это отстой. У меня всегда было имя и фотографии, следующие за мной от случая к случаю, но я всегда была слишком низкого ранга, чтобы за мной следили часто. Плюс я немного сумасшедшая. Исходя из этого, меня фотографировали с толпой мужчин в Вегасе через два месяца после свадьбы и всего через месяц после папиных похорон, — я фыркнула и сделала глоток своего напитка.

— Я сожалею о твоей потере.

— У меня было много времени, чтобы подготовиться. Это кошмар, но у меня хотя бы были пару месяцев, чтобы попрощаться. Не многие люди получают такой шанс.

— Это очень позитивный взгляд на ситуацию, — он слегка улыбается и берет меня за руку. — Но это не могло быть так просто — наблюдать, как твой отец постепенно угасает.

Мои глаза горят, но я отказываюсь плакать. Я издаю легкий смешок и прочищаю горло.

— Тебе следовало стать психологом, Джейкоб.

Мы направляемся на съемки, и я жду, пока Джейкобу нанесут грим. Здесь все довольно хорошо устроено, помещение заполнено людьми, которые работают над одной фотосессией. Каждый здоровается со мной, как со знаменитостью. И, если честно, это немного раздражает меня, поэтому я прошу их притвориться, будто меня здесь нет, пока я нависаю над складным столом.

— Что думаешь? — Джейкоб улыбается и выходит в одних только боксерах. О-ля-ля.

— Я думаю, вы должны спросить кого-то другого, но не мою жену, — удивленный голос Джеймса выводит меня из грез.

Я хихикаю и поворачиваюсь лицом к нему.

— Я хочу, — я указываю на Джейкоба.

— Нет, — Джеймс вздыхает и бросает Джейкобу полотенце.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Но...

— Извините, мистер Стоун, я боюсь, у моей жены одержимость полуголыми мужчинами. Я понял это во время просмотра фильма, — он смеется и целует меня в лоб, прежде чем оценивает Джейкоба.

Да, у Джейкоба хорошее тело, но мой мужчина — подкаченный, выше ростом и шире. И

с блестящим, если это имеет смысл, золотистым загаром, который создает мерцание. У Джейкоба тоже есть загар, но он выглядит как-то неестественно.

— И это не бесит вас? — Джейкоб улыбается, глядя на нас обоих с любопытством. Его голова приподнята как у собаки, которая слышит какой-то звук.

Джеймс притягивает меня к своему боку и ласково улыбается.

— Да, чертовски. А вам бы понравилось, если ваша жена будет настаивать на том, чтобы повесить плакат Ченнинга Татума рядом с вашей кроватью?

Я ударяю его по груди и хихикаю.

— Эй, я прилепила к нему твои глаза.

— Это жутковато.

— Пофиг, — я закатываю глаза и поворачиваюсь обратно к Джейкобу, который нам мило улыбается. — Итак, это мой раздражительный муж Джеймс, который пришел пометить свою территорию. погоди секунду, он описает мне ногу.

— Ты вульгарна, — Джеймс ворчит мне на ухо и щипает меня за задницу. — Но да, я пришел оценить мужчину, который мог бы стать одержимостью моей жены...

— Я не одержима, а вот Мари — да. Я просто попросила развода, а затем попросила бы повторный брак, после того, как трахнулась с прекрасным экземпляром мужчины, — я игриво подмигиваю Джейку, который взрывается хохотом. — Ничего плохого тут нет.

— Подумай, как бы ты почувствовала себя, если бы я сказал, что хочу трахнуть Рианну?

Я пожимаю плечами и ухмыляюсь.

— Секс втроем? Эта девушка горя... АААА!!!

Он поднимает меня вверх, перебрасывает через плечо, перебивая на полуслове.

Все начинают смеяться, когда он идет к двери.

— Кто-нибудь соедините меня с Рианной! — я бью его по спине, мое тело дрожит от смеха. — Хорошо, хорошо. Мой косяк.

— Вам, ребята, здорово вместе, — Джейкоб смеется и вытирает слезы с глаз. — Ты на самом деле прилепила его глаза к плакату Ченнинга Татума?

— Да, она сделала это, — Джеймс морщит нос от отвращения. — Наверное, мне стоит переживать, но я как-то держусь.

— Эй, я могу стопроцентно бояться обязательств, но я верная, — я улыбаюсь и целую его в щеку.

Джейкоб качает головой, не понимая, что я имею в виду. Он высказывает свои мысли Джеймсу:

— Как ты заставил девушку, которая боится обязательств, выйти за тебя замуж?

Джеймс откашливается.

— Ну, наш брак был...

— Я влюбилась, он сделал предложение, я ответила: почему бы и нет. Все довольно скучно.

— Ага, что-то типа того, — Джеймс смотрит на меня сияющими глазками, но он-то знает, что я лгу.

Я лгу?

Понятия не имею.

Все прошло хорошо. Джеймс показался и, так сказать, пометил свою территорию. Он был чрезвычайно тихий по пути домой, и меня это немного расстраивало. Не то чтобы я сказала что-нибудь или планировала. На самом деле я планировала вернуться домой,

закончить свою работу, принять ванну и заснуть.

В десятый раз, с тех пор как я достала ноутбук, Джеймс издает громкий вздох и ерзает. Я закатываю глаза. Я ничего не собираюсь спрашивать.

Вздох. От Джеймса... вновь.

Фырманье. От Джеймса... вновь.

Вздох.

Фырманье.

Я захопываю свой ноут и смотрю на него, приподняв бровь.

— Что?

— Ты представляешь себе его.

— И? — говорю я, снова закатываю глаза и открываю ноутбук.

— Ты не отрицаешь этого? — он издает смешок, а его глаза расширяются в неверии.

Я пожимаю плечами.

— Не буду отрицать истину.

— Если бы ты была одна, ты бы потрахалась с ним?

Я киваю, с раздраженной улыбкой. Почему он мучает себя? В самом-то деле?

— Да, скорее всего.

— Если бы я дал тебе разрешение трахнуть его, ты бы сделала это? — спрашивает он, приподняв бровь.

Я кладу свой ноутбук на журнальный столик, засовываю под себя ноги и кладу локоть на спинку дивана.

— Ты даешь мне разрешение? — я смотрю на него.

— Ты это серьезно? Я никогда не разрешу тебе, — хмурится он.

Моя улыбка расширяется.

— Я чрезвычайно серьезна. Ты даешь мне разрешение трахнуть Джейкоба?

— Нет, чтоб меня! — злится он.

Я громко смеюсь над оскорбленным выражением его лица.

— Тогда зачем ты задаешь нелепые вопросы? Ты сам прекрасно видел, что он привлекательный мужчина. Но, дорогой, ты в десять раз лучше. Трахнулась бы я с ним, если бы ты не ждал меня дома с таким сокровищем в трусах? Да, трахнулась. Но я не собираюсь делать этого.

— Мне просто нужно знать, — говорит он, и я вижу, что его взгляд теплеет.

Я отвечаю:

— Нет, милый, нужда — это то, без чего ты не можешь жить. Желание — это то, что тебе не нужно и не необходимо. Тебе, определенно, не нужно было знать, так?

Он пожимает плечами и снова поворачивается к телевизору, я вижу, как шестеренки вращаются в его голове. Забавно, как его лицо принимает новые выражения каждые несколько секунд. Как калейдоскоп эмоций на этом симпатичном личике.

Вздох. Фырк. Вздох. Фырк. Проклятье!

— Что теперь?

Я ухмыляюсь и жду, когда он повернется ко мне. Выражение его лица нейтрально.

— Сколько парней спало с тобой, Майя?

— Пять, ты — мой пятый, — отвечаю я честно и скрещиваю руки на груди.

Выражение его лица просто бесценно.

— Я так и думал.

— Я знаю.

— Прости.

Я натянуто улыбаюсь ему. Мое выражение лица больше похоже на психически ненормального человека, чем на понимающего.

Вздохнув, я говорю:

— Может, мы забудем об этом.

— Извини, — бормочет он и заключает меня в объятия. Я ложусь ему на грудь.

— Спасибо, что ты честна со мной. Даже несмотря на весь этот отстой.

Это заставляет меня хихикать.

— Не смешно.

— Еще как смешно, малыш. Еще как.

— Пол, Джереми и Кайл приедут сегодня вечером, чтобы посмотреть игру, — говорит мне Джеймс по телефону. Я осталась работать дома, а он уехал на работу, отказавшись провести со мной весь день в постели, из-за «слишком много дел». Пффф. — Я совсем забыл.

— Это прекрасно, мы закажем еду. Купи пиво по дороге домой, — я вешаю трубку и перелистываю страничку в журнале. Работа может подождать.

Пол, Джереми и Кайл были на нашей свадьбе. Кайл был шафером, он отличный парень, но у него самые шокирующие красные волосы, которые я когда-либо видела. Джереми — громадный мужчина, который владеет охранным предприятием. Он выглядит как Морфеус из «Матрицы», как представится случай, я скажу ему это.

Теперь Пол. Это сложная тема. Пол — это парень, с которым я потеряла девственность, когда мне было девятнадцать. Он был близким другом Джеймса в течение многих лет. У нас были, эмм, ну, свободные отношения пару лет, т.е. мы не стремились быть вместе, а просто трахались, когда где-то пересекались, например, после клуба я шла домой с ним. В последний раз у нас был секс за две недели до свадьбы. Хотя я делала ему минет за два дня до свадьбы, когда он пришел просить меня, чтобы я не выходила за Джеймса. Он был пьян и настаивал, что он влюблен в меня и просто ждал, когда я буду готова к серьезным отношениям.

Это отстой, настоящий отстой. У меня всегда была слабость к Полу, мало того, что он темнокожий красавец, так он еще добрый, внимательный, хороший любовник и всегда приходил по первому моему звонку. Если бы я не была такой задницей во время наших отношений, я бы заметила нежные взгляды и ласковые прикосновения. А худшее то, что я не видела его с похорон папы. А перед этим он заявился, чтоб просить меня взять его вместо Джеймса. Поэтому я даже не сомневаюсь, вечер будет неловким.

Я просто должна не забывать держать руки при себе. Моему телу Пол хорошо знаком, даже притом, что мы держали нашу интрижку в тайне, мои руки могли легко предать меня. Наша связь сильна, поскольку он был моим первым. Большинство девочек отдает свою девственность неопытным парням, тем самым отвращая себя от секса или убеждаясь, что он

всегда такой посредственный.

Позвольте сказать, Пол довел меня, по крайней мере, до четырех оргазмов, прежде чем вставил в меня член, и когда он сделал это, ей-богу, я распалась на части. Он очень талантливый и нежный.

Вопрос: должна ли я рассказать Джеймсу об этом, или должна оставить все это в прошлом?

Безусловно, последнее.

Либида, ты трус.

Мы оба, дорогуша.

Определенно согласна с тобой. Ловушка захлопнулась. Не лезь в нее.

Договорились. Или мы не сможем заниматься сексом некоторое время.

Я киваю один раз, подтверждая собственные мысли, и листаю журнал. Есть фотографии со мной и Джейкобом Стоуном на нескольких страницах. На ужине с Мари: он наклонился вперед и играет моими волосами. Выглядит интимно, но я была там, и это не так.

Я не обращаю внимания на заголовки, я никогда не читала их из-за страха, что мое сердце не выдержит. Моя персона может показывать «я вся такая непроницаемая и нехрупкая», но это не правда. Слова влияют на меня так же, как и на остальных, просто я не позволяю им добраться до меня. Никто не может заставить вас чувствовать себя ничтожеством без вашего же согласия.

Майя: Ты видел наши фотографии в журнале «Сплетни»?

Джейкоб: ЛОЛ, смотрю на них сейчас. Ты выглядишь миленько.

Майя: Ты тоже прелесть... В любом случае, просто хотела тебе сказать о них. Думала, что ты не видел. Только не говори мне, что они пишут.

Джейкоб: Они пишут, как мы были сфотографированы. Просто, что я новое лицо для вашей рекламы. Ничего плохого.

Майя: Джейкоб Стоун не говорит по-английски... Я сказала, не рассказывай мне, придурок.

Джейкоб: Не без того. Что ты сейчас делаешь?

Майя: Лежу голая в постели, в то время как Ченнинг Татум смотрит на меня глазами моего мужа. Няям!

Джейкоб: Так, эммм... я просто прохожу мимо. Подожди десять минут, не двигайся, и вскоре у тебя появится Джейкоб Стоун, который будет пялиться на тебя своими собственными глазами.

Майя: Звучит весело! Он будет голый?

Джейкоб: Может быть!!!

Майя: Черт.. я никчемна. Мой муж проверяет мой телефон каждую ночь, когда я собираюсь спать. Я действительно не должна была писать это. Даже если я просто играю. Ха! Вы плохо на меня влияете, мистер Стоун!

Джейкоб: Обещай, что ты скажешь это, в то время как я буду голым и стоять перед тобой? ПРИВЕТ ДЖЕЙМС!!!

Майя: Ахахахахахаха! Я подумаю! Возвращайся к работе! Иди, наноси молочко на свое лицо, и что ты там наносишь, чтобы сделать свое лицо еще более милым.

Джейкоб: Молочко на мое лицо...??? Что за херь.

Майя: Пока, Джейкоб.

Джейкоб: Пока, Майя. ;)

Чистая правда. Джеймс проверяет мой телефон каждую ночь. Он думает, что я этого не замечаю, но я замечаю. Я вполне уверена, что он установил какой-нибудь трекер и получает каждую смс-ку прямиком на свой комп. Поговорим о паранойе.

Я не возражаю, может быть, когда он узнал, со сколькими я трахалась, он перестанет думать, что я такая шлюха и раздвигаю ноги перед каждым сексуальным мужчиной с членом. Хотя, я не обманывала по поводу Джейкоба, я бы трахнулась с ним, если бы была одинока и тот факт, что Джейкоб точно трахнул бы меня — чертово искушение. Трахнуть его? Серьезное искушение. Вверх-вниз, вверх-вниз, туда-сюда, туда-сюда. Никто не хочет? Ну и пофиг.

Но, как я и говорила, у Джеймса ко мне нет доверия, и меня не волнуют его подобные делишки. Это плохо, да? Я чувствовала ревность, когда видела его рядом с другой женщиной, но я полагаю это только потому, что я хочу, чтобы его мир вращался вокруг меня, и я никогда не отрицала, что немного мелочна и эгоистична. Когда-нибудь я должна поработать над этим... возможно завтра.

— Привет, малышка, — тихо говорит Джеймс, когда входит с двумя ящиками пива в руках. Я поднимаю брови и иду за ним в кухню, где я уже начала раскладывать закуски. — Хорошо прошел день?

— Да. Я провела день, используя твою банковскую карту, чтобы купить одежду он-лайн, пару сумок и разных вещей, а затем сидела, листала журналы и пялилась в телик, — я улыбаюсь и целую его в губы, прежде чем обнимаю его за талию. — Я надеюсь, ты не возражаешь.

Он пожимает плечами.

— Нет проблем, малышка. — (Ха, малышка?) — Что мое — то твое.

— Даже при том, что у меня в сто раз больше денег, чем у тебя? — фыркаю я, а затем мои глаза расширяются. — О, мой бог, да даже больше, чем в сто. Я совершенно забыла. Ты никогда не спрашивал меня о Вегасе.

Он немного хмурится, прежде чем убрать бутылки в холодильник.

— Я уже спрашивал.

— Нет, ты спросил меня, не спала ли я там с другими мужчинами. Ты никогда не спрашивал о моих приключениях.

Его плечи расслабляются.

— Сколько ты проиграла?

— Что заставляет тебя думать, что я проиграла?

— Озорной блеск твоих глаз, когда ты делаешь какую-то шалость.

— Шалость? Кто я... ребенок?

Он фыркает и закатывает глаза, пока я передаю ему бутылки из упаковки.

— Хорошо, сколько ты выиграла?

Я кладу руку на сердце.

— Ой, малыш, я так рада, что ты меня спросил. Я начала с бюджетом в пятьсот тысяч.

— Ты, черт побери, взяла с собой полмиллиона? — он практически визжит. — Черт, Майя. Ты сумасшедшая?

— Ага... так я немного поиграла в покер, блэкджек и крэпс. Я много проиграла, и у меня осталось сто пятьдесят.

— О е!

— Затем я пошла играть в рулетку, и в течение нескольких часов я увеличила свой бюджет в четыре раза. Я вновь играла в крэпс и, в общем, выиграла семь миллионов! — я усмехаюсь и немного пританцовываю. — Мне прям перло в нем. Менеджер попросил меня остановиться. Сказал, что даст мне королевский люкс, если я остановлюсь. Вот почему ты видел мужчин вокруг меня, потому что я выигрывала, а они все смотрели. Я даже не разговаривала с ними. Они пытались со мной поговорить, но я была слишком занята, выигрывая наличные.

— Ты же понимаешь, что я зарабатываю всего по пятьсот тысяч в год, управляя компанией.

— Эй, — я шлепаю его по руке. — Это хорошие деньги.

— Но ты недавно унаследовала все, едва ли работая полный день в своей жизни.

Я знаю, что он переживает, что я волей-неволей трачу свои деньги. Но на самом деле, с деньгами у меня все в порядке. Мой гнев подсакивает от его ворчания.

— Да пошел ты, Джеймс! Я работаю каждый день. Просто потому, что я нахожу время повеселиться, не значит, что я не работаю.

— Я знаю, малышка. Я просто ненавижу то, что не могу побаловать тебя половиной той хрени, которой ты сама можешь, — говорит он, выглядя уставшим. — Я люблю тебя и хочу баловать.

— Ну, я не лгала, когда сказала, что использовала твою банковскую карту. Она лежала прямо на столе, и мне лень было вставать и идти за своей, — я хихикаю и целую его в щеку. — Я завтра все верну.

— Не делай этого, я не хочу, чтобы ты... — он хмурится, поднимает меня на столешницу, разводит мои ноги в стороны и встает между ними.

Я касаюсь рукой его щеки и пристально смотрю в его зеленые глаза.

— Поверь мне, дорогой, ты сам захочешь, чтобы я расплатилась, когда узнаешь, сколько я потратила.

— Сколько?

— Эмм... я не скажу. Ты можешь побить меня, — я говорю в шутку и целую его в губы. — Я разберусь с этим утром.

Прежде, чем он успевает ответить, мой телефон начинает звонить. Я отодвигаюсь от него и хватаю телефон, заметив имя на экране перед тем, как выхожу из комнаты.

— Привет, Марджи. Все хорошо?

— Это Софи, мой телефон разрядился. Я звоню, чтобы спросить, сможем ли мы начать переделку завтра с утра?

— Черт, да, — я усмехаюсь, взволнованная. — Это потрясающе.

— Хорошо, увидимся завтра.

Я вешаю трубку и опять немного пританцовываю. Все просто замечательно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Джеймс открывает дверь, пока я ставлю закуски на журнальный столик. Я понятия не имею, как вести себя в обществе Пола. Или, что более важно, я волнуюсь, как он будет вести себя рядом со мной.

Сначала приходит Джереми. Он притягивает меня к себе и зажимает в своих объятиях, при этом незамедлительно зарабатывая подзатыльник от Джеймса, прежде чем направляется к столику с закусками. Следующий — Кайл со своими шокирующими рыжими волосами, которые пристыдили бы даже пламя. Он кивает мне и плюхается на диван. Я даю им обоим по пиву.

— И как она — жизнь в браке? — спрашивает Кайл, когда я сажусь в мягкое кресло перед телевизором, лицом к ним. Пол подходит с пивом и садится на диван. Его челюсть напряжена, и он делает вид, что не признает меня.

— Просто фантастика! — Джеймс улыбается, подмигивая мне. Я закатываю глаза и беру свой журнал. — Как Тревор?

Думаю, что Тревор — племянник Кайла. Я никогда не видела его, хотя он был на моей свадьбе. Там было много детей.

Кайл кивает.

— Замечательно. Сводит мою сестру с ума. Пол, передай мне пульт.

Тот передает ему пульт, не говоря ни слова. Я поворачиваюсь к Джеймсу, который нахмурился, явно удивляясь, почему его друг выглядит таким недовольным.

— Эй, малыш, я собираюсь позвонить Сэмми. Я, скорее всего, выйду ненадолго. Оставлю вас, мальчишки, одних на вечер.

— Малыш? — фыркает Пол, а Джереми сильно тыкает его локтем.

Джеймс, кажется, не замечает этого.

— Нет. Пожалуйста, лучше останься с нами.

Я смотрю на Пола, который в данный момент пялится прямо на меня, и в его глазах отчетливо видна боль.

— Хорошо.

Я сдаюсь, Пол на мгновение закрывает глаза, прежде чем повернуться обратно к телевизору.

— Как работа? — спрашивает Джеймс у Джереми, и начинается болтовня.

Они разговаривают и смеются, пока не начинается игра. И, кажется, никто из них не обращает внимания на молчаливость Пола, ну, кроме меня. Когда игра начинается, они кричат, а я направляюсь, чтобы забрать заказанную еду. Я оплачиваю пиццу и ставлю ее на столешницу на кухне.

— Итак, — говорит Пол, заставляя меня подпрыгнуть. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него. У него черные волосы, карамельная кожа и карие глаза. — Ты, кажется, счастлива.

— Меня ничто не беспокоит, Пол. И ты это знаешь. Я делаю из ситуации лучшее, что могу.

— Ты сама выбрала это. Ты выбрала его, — шипит он, когда я раскладываю пиццу по тарелкам. — И, черт побери, совсем неважно, что мы зависали вместе до дня твоей свадьбы. Видимо, я никогда для тебя ничего не значил.

— Мы уже говорили об этом, — выплываю я и беру две тарелки с пиццей. — Прекрати это. Отпусти все.

— Это чертовски сложно, детка, — шепчет он мне на ухо. От разочарования его южный акцент становится заметнее. — Я скучаю по сладкому вкусу твоей кожи. Скучаю по ощущению твоей попки в своих руках. Скучаю по твоему роту, говорящему пошлости.

Я игнорирую его и несую тарелки в комнату. Он следует по пятам с двумя другими тарелками и не отрывает от меня взгляда, пока я ставлю их на столик. Мужчины на диване сдвигаются в сторону, чтобы я не мешала их обзору. Я хихикаю, когда они благодарят меня за принесенную пиццу, а затем машут руками, чтобы я отошла в сторону.

Они кричат, их рты полны пиццы, по-видимому, их команда забивает. Пол не смотрит игру, он наблюдает за мной со страдальческим выражением лица. Особенно, когда Джеймс подходит ко мне, поднимает меня с кресла и идет со мной обратно на свое место. Он усаживает меня на колени, опирается подбородком на мое плечо и следит за игрой.

— К черту все это, — выплевывает Пол и вскакивает на ноги. Все одновременно смотрят на него. — Ты, сукин сын, черт побери!

— Пол, — рычит Джереми и встает, готовясь к драке. — Не здесь.

О, черт, он знает.

— Что я сделал? — спрашивает Джеймс, а я слезаю с его колен.

Он встает, и Кайл поднимается вместе с ним. Я смотрю на Пола умоляющим взглядом. А тот не отводит взгляда от Джеймса.

— Пол, приятель...

— Приятель? — смеется Пол. — Ага, приятель. Мы приятели, поэтому ты вынудил меня пойти на твою гребанную свадьбу. Ты заставил меня прийти и сегодня вечером. Приятель. Это что за гребанная шутка!

— Пол, пожалуйста, — тихо говорю я — и Джеймс смотрит на меня.

— Нет, Мими, — говорит он, поджав губы. А я просто ахаю оттого, что он использовал мое прозвище, которое я так давно не слышала. — Почему ты не рассказала ему, Мими? — его взгляд теплеет, но то, как он произносит глупое прозвище, страшно злит меня.

Джереми шлепает себя по лбу. А Кайл наблюдает за всем в полном недоумении, как и Джеймс.

— Подожди, — Джеймс выпускает сухой смешок и поворачивается ко мне, неверие пересекает черты его лица. — Ты — Мими?

— Ох, бл*, — фыркает Кайл и садится обратно на диван. Джереми закрывает лицо ладонями. Я съеживаюсь от сердитого взгляда Джеймса. — Она — Мими. Ну, это уже слишком.

— Заткнись, Кайл, — шипит Джереми и смотрит на Джеймса с извиняющимся взглядом.

Команда вновь забивает гол, но на это никто не реагирует. Все смотрят на меня и Пола. Черт, черт, черт.

— Ты — Мими? — выдыхает Джеймс и делает шаг назад от меня. Он смотрит на Пола а потом на меня. — Черт, Пол, приятель. Прости меня. Я не знал.

— Об этом никто не знал, — Пол практически кричит. — А я, мать твою, ждал, ждал. Думал, она успокоится. Гребаная шутка. Особенно, когда она выбрала моего лучшего друга, — он машет рукой в мою сторону, а затем в сторону Джеймса. — Попомни мои слова, она прожует тебя и выплюнет.

— Эй, — кричу я, но никто не обращает внимания.

Я не собираюсь его жевать и выплевывать. Я зажую его и буду продолжать делать это. В хорошем смысле.

Пол смотрит на меня.

— Она — бессердечная сука.

Я пожимаю плечами.

— У нас было негласное соглашение, Пол. Ты никогда не хотел иного.

— Да, конечно же, бл*дь, не хотел! Я умолял, чтобы мы стали парой. Я сделал бы все для тебя.

Я закрываю глаза на пару секунд.

— Да, за два дня до моей свадьбы.

— А это изменило что-нибудь? Нет. Я мог бы рассказать тебе все на несколько месяцев раньше, но ты бы просто все прекратила? Так же, как с Френки.

— Ты трахалась с Френки? — Джеймс закипает, и я вижу, что все выходит из-под контроля достаточно быстро.

— Я лучше пойду, — бормочу я и обхожу Джеймса, но он хватает меня за руку, останавливая. — Или нет.

— Да брось, Пол. Это было много лет назад, — шепчет Джереми, но мы все равно все это слышим.

— Ты, бл*дь, знал. И ничего мне не рассказал? — кричит Джеймс, и Джереми, сдаваясь, поднимает руки вверх.

— Это был не мой секрет, чтобы рассказывать.

Все слишком быстро скатилось от дерьмового до чертовски ужасного.

— Ну, да, много лет назад, — фыркает Пол, и я уже готова запрыгнуть на него, чтобы защитить то достоинство, что еще осталось. — Почему бы тебе не сказать ему, а, Мими? Сколько времени прошло с того момента, когда мы последний раз трахались?

— Пол, — молю я и закрываю глаза. Мое тело напряжено. — Пожалуйста, не делай этого...

— Не делать что? Не говорить, что за две недели до твоей свадьбы, я нагнул тебя на своем капоте и трахал до тех пор, пока ты не стала выкрикивать мое имя? — он злобно смеется и сбрасывает с себя руки Джереми. — Или не говорить ему, что за два дня до свадьбы в твоем ротике побывал мой член? Что именно из этого не стоит говорить?

— Черт возьми, Пол, перестань! Ты делаешь больно своему гребаному другу, — шипит Джереми.

Я из-под ресниц смотрю на Джеймса. Он выглядит опустошенным, на грани слез. Он был на грани отчаяния. Казалось, что еще чуть-чуть — и он заплачет. Мое сердце разрывается за него.

— Прости, Джеймс. Я думал, что ты заслужил знать это, — говорит Пол и снова смотрит на меня. — Я чертовски любил тебя. е, до сих пор люблю. Но, черт возьми, я одновременно и ненавижу тебя. Ты эгоистичная сука, Мими. И всегда ею была. А я был так ослеплен твоей сладкой стороной, что по пути потерял свои яйца. Но больше такого никогда не будет, — он хватается за свой пиджак со спинки дивана, и мы смотрим, как он покидает нашу квартиру.

Джереми глубоко вздыхает, а Кайл сидит на диване с усмешкой, словно он только что наблюдал эпизод из программы Джерри Спрингера.^[5]

— Джеймс, — бормочу я и касаюсь его руки. Он стоит неподвижно и смотрит туда, где только что стоял Пол. — Малыш.

— Это правда? — шипит он, по-прежнему не глядя на меня. А я стою тихо и не думаю, что сейчас самое время выяснять отношения. — Я спрашиваю: это правда?

— Мы лучше пойдем. Созвонимся, — говорит Джереми и стаскивает Кайла с дивана.

— Мне очень жаль, ребята.

Они оба уходят, и мы остаемся вдвоем. Я отпускаю руку Джеймса и иду в спальню. Он молча идет за мной и смотрит, как я сажусь на кровать и закрываю лицо руками.

— Это правда?

— Да, — бормочу я и смотрю на него. — Но у нас была договоренность. Я не знала, что он чувствовал.

— Ты бы вышла за него замуж? — спрашивает он и садится рядом со мной. — Ты бы вышла за него замуж, если бы он сказал тебе об этом раньше?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Просто мне не надо было так быстро выходить за его друга, — я игнорирую боль в его взгляде. — Он прав. Я бессердечная сука.

— Как долго вы встречались?

— Мы трахались с того момента, как мне исполнилось девятнадцать, — я сглатываю, прежде чем сказать следующую часть. — Он был моим первым парнем.

Я вижу, как он закрывает глаза, а его ноздри раздуваются. Его руки сжимаются в кулаки на коленях, и внезапно моя лампа летит в стену.

— Бл*дь! — кричит он и теперь бросает стоящую рядом тумбочку.

Я смотрю на эти обломки. Все мои мышцы замерли, а глаза расширились от страха, наблюдая за тем, как он крушит спальню.

— Бл*дь! Бл*дь! Он всегда болтал о Мими, долбаной Мими. О том, как она прекрасна. Насколько удивительна в постели. Как он любит ее. Сколько времени он готов ждать, пока она переберется. Что для него нет другой девушки, кроме нее.

— Я не знала.

Он злобно смотрит на меня.

— За два дня до свадьбы член одного из моих шаферов побывал в твоём ротике? Что за хрень, Майя? — я вижу, как его злость перетекает в боль. — Ты трахала моего лучшего друга. Ты... е... Как же ты могла быть такой чертовски равнодушной?

— Я предупреждала тебя. И никогда не лгала тебе о том, какая я, — говорю я, и мой голос дрожит, раскрывая печаль. — Я сожалею.

Мне, правда, жаль. Мне никогда не было так стыдно за свое прошлое. До сегодняшнего дня.

— Да, ты предупреждала меня, но я не знал, какой сукой ты была на самом деле. И ты заставила меня бросить ему в лицо наши отношения, — он сжимает свои волосы. — Ты ненормальная. Ты реально чертовски ненормальная.

Его слова ранят меня очень глубоко, но я знаю, что заслуживаю их.

— Я пойду в другую комнату.

— Нет, ты не пойдешь, — кричит он и сильно хватает меня за плечи. — Хрен у тебя получится сейчас убежать! Ты убегаешь каждый раз, когда мы ссоримся. Каждый раз, когда я злюсь, ты уходишь, выставя меня мудаком. Но тут виновата ты. Все ты!

Я киваю и сажусь обратно на кровать, ничего не говоря.

— Скажи что-нибудь! — кричит он и начинает ходить из стороны в сторону.

Я роняю голову и вздыхаю.

— Я ничего не могу сказать. Ты прав. Я — холодная бессердечная сука.

— Теперь ты просто жалеешь себя.

— А ты теперь пытаешься просто поссориться. Прости меня. Я, правда, сожалею. Я не знала, пока не стало слишком поздно, и я не собиралась рассказывать тебе. Я эгоистка и ненавижу конфликты, и сейчас чувствую себя последней сукой, потому что сделала тебе больно, и ты не веришь, что я правда переживаю, что причинила тебе боль. И я не знаю, что сделать, чтобы исправить это! — бормочу я и смотрю на него. — Прости меня, малыш. Просто скажи мне, что сделать.

— Ты занималась сексом с Френки? — снова спрашивает он и сползает вниз по стене на свою задницу.

Я киваю и смотрю на стену над его головой.

— Да. Примерно через шесть месяцев после того, как потеряла девственность, я начала трахаться с Френки. После четырех месяцев Френки начал умолять, чтобы мы стали парой. Он знал, что я трахалась с Полом, а Пол, в свою очередь, знал, что я была с Френки. Я закончила с Френки. Я просто хотела развлечься, а не связывать себя с кем-то.

— Почему ты вышла за меня? — Джеймс смотри мне в глаза. — Только честно.

— Мы оба знаем, как ты справляешься с правдой, — ворчу я и выдыхаю. — Ты знаешь, почему. Я вышла за тебя замуж, потому что мой отец, умирая, умолял меня об этом. Он умолял меня. Говорил, что он доверяет тебе и что из тебя выйдет не только заботливый муж и отец, но и замечательный генеральный директор нашей компании.

— Это единственная причина? — рычит он и вскакивает на ноги. — Единственная гребаная причина, почему ты вышла за меня, так это потому, что твой отец умирал. А если бы он не умер, то ты бы никогда этого не сделала?

— Учитывая, что он умолял меня почти шесть месяцев, а я отказывалась. Я бы никогда этого не сделала, если бы он не сказал мне, что химиотерапия не удалась, — кричу я в ответ. — Я сожалею, но это правда.

— Так значит, если бы твой отец сказал тебе выйти замуж за Пола или Джереми, то ты бы сделала это?

Я вздыхаю снова и желаю, чтобы воздух стал виски.

— Да. Я бы сделала все возможное, чтобы сделать его счастливым на смертном одре. Все, что угодно.

— Черт, — Джеймс тяжело дышит и спотыкается, будто я дала ему под дых. — Черт. Черт. Черт, — он сжимает свои волосы вновь, и я замечаю блеск от непролитых слез в его глазах. Это режет меня, как зазубренный нож. — И что теперь? Если бы я дал тебе развод, ты бы согласилась?

Я всматриваюсь в его лицо.

— Ты хочешь развестись со мной?

Пожалуйста, только не говори «да».

— Ответь на мой вопрос.

— А ты?

— Если я скажу «да», то как ты отреагируешь?

Я вздыхаю и начинаю расхаживать по комнате.

— Джеймс, если ты дашь мне развод, я смирюсь и буду двигаться дальше.

Я слышу его резкий вдох. А затем всхлип. Он падает на колени и смотрит на меня, будто я разорвала его мир пополам.

— Вот так просто? И ты бы даже не стала бороться за меня?

— Я уважаю твое решение, — говорю я и дарю ему извиняющуюся улыбку. — Может быть, ты задаешь неправильный вопрос.

— Я не могу справиться с этим прямо сейчас, — бормочет он, и его плечи опускаются. — Ты когда-нибудь собиралась полюбить меня?

Я смотрю ему в глаза.

— Я люблю тебя.

— Но не так, как люблю тебя я.

Я закатываю глаза.

— Нет. Я люблю тебя. И очень сильно, на самом деле. Но если ты хочешь развода, я не буду вынуждать тебя остаться. Я всегда говорила, что ты слишком хорош для меня. Я просто ждала тот день, когда ты осознаешь это. И если этот день настал сегодня, то почему я должна буду преследовать тебя? Я бы предпочла сидеть дома с разбитым сердцем, чем пытаться удержать мужчину, которого я чертовски люблю, после всего дерьма, которое я наделала, и той боли, что причинила ему. Ты заслуживаешь жену лучше, чем я, Джеймс. Я всегда была честна с тобой. И сейчас я честна с тобой. Я не знаю, когда это произошло и как, но я, черт побери, люблю тебя! Намного больше, чем люблю себя.

Джеймс поднимается с пола буквально за секунду. Его руки касаются моих щек.

— Правда?

Я киваю и робко улыбаюсь.

— Я бы не сказала этого, если бы это было не так.

На его лице вспыхивает улыбка, и внезапно его губы прикасаются к моим. Я хныкаю, пока он поглощает мой рот, его руки гладят мое лицо и каждый дюйм меня, который попадает на пути.

— Я люблю тебя, — говорит он мне в губы. — Ты только что сделала меня самым несчастным и в тоже время самым счастливым человеком на земле. Господи, Майя. Ты такая ненормальная, но я все равно так люблю тебя. Ты моя.

Я прижимаюсь к нему и позволяю затащить меня на кровать. Он не трахает меня, не занимается сексом, не занимается любовью. Он держится за меня так, будто я единственный якорь, который удерживает его на этой земле. Мы засыпаем в объятиях друг друга. И я никогда не чувствовала себя более счастливой с тех пор, как умер папа.

Но все-таки одна мысль задерживается в моей голове. Он снова и снова прощает меня. Я действительно не заслуживаю его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Этим утром я бегаю под музыку, и это поражает меня. Прошла неделя с того момента, как Пол все рассказал. К счастью, Кайл и Джереми не испытывают неприязни ко мне, но Пол все еще разозлен и, очевидно, не общается с Джеймсом.

Мой офис — сумасшедший дом, повсюду строители и пыль. Это достает. Джеймс, как и большинство в здании, думает, что проблема с трубопроводом. Я рада, что он ничего не подозревает. Но я честный человек, я не лгу, он знает это. У него нет причины не доверять мне в таких банальных вещах. К счастью, вся эта суматоха должна будет продлиться еще пару недель, пока не закончится ремонт.

Итак, вы спрашиваете, какие планы у меня на вечер? Сегодня вечером я собираюсь поужинать со своей свекровью (так же известной как Сильвия-насморк, я зову ее так, потому что каждый раз, как она меня куда-нибудь приглашает, я резко заболеваю). Она не сильно-то и любит меня, я думаю. Но она та, кто создал мое свадебное платье, которое было чертовски красивым. Но, на самом деле, я понимаю, почему не нравлюсь ей. Я практически гублю шанс ее сына на счастье. Она его мать, если бы у меня была мать, я думаю, она бы тоже защищала меня.

— Ты выглядишь просто потрясающе, — Джеймс улыбается, пока я поправляю ему галстук.

На мне сиреневое шелковое приталенное платье и белые туфли на каблуках. Мои длинные волосы завиты, распущены и свободно обрамляют лицо.

Принимая во внимание все, что он узнал о Поле и Френки, он вел себя суперски. Сказал, что он не может винить меня, так как я была с ним честна, и как бы ему ни было больно, наши отношения на тот момент не были официальными, пока мы не поженились. Конечно, после той ночи он «вытрахал» мне мозг, образно говоря, а потом «вытрахал» свою агрессию в меня и, е, это было великолепно.

Он разочаровался во мне, но мы все исправляем. Теперь мне просто нужно урегулировать вопрос насчет его брата. Фелпс позвонил примерно два часа назад и сказал, что раздобыл больше информации о Лукасе. Он говорит, что все указывает на него.

— И ты выглядишь очень хорошо, — усмехаюсь я и целую Джеймса в губы.

Он с улыбкой смотрит на меня сверху вниз.

— Скажи мне еще раз.

Я закатываю глаза, но потом говорю то, что он так хочет услышать.

— Я люблю тебя.

— Еще раз.

— Я люблю тебя.

Он стонет, словно я доставляю ему сексуальное удовлетворение, и прижимает мою голову к своей груди.

— Черт, детка. Я никогда не устану это слушать.

Я хихикаю и шлепаю ладошкой по его груди, прежде чем отстраниться.

— Перестань. Пойдем уже, встретимся с женщиной-тираном.

— Она не так уж плоха.

Я поднимаю бровь и смотрю на него.

Он смягчается:

— Ну ладно, я соглашусь, что если поставит мою маму против Годзиллы, она без труда победила бы. Но все же...

— Она далеко не милашка. Сколько времени у нас есть? Мое либидо хочет, чтоб его пощекотали.

Он смеется и становится передо мной на колени.

— Мне определенно повезло с тобой.

— Мое либидо думает о том же, — я начинаю хихикать, когда он поднимает мое платье вверх.

— Вот и она. Приведите священника, — шиплю я в ухо Джеймса. Его тело трясется от беззвучного смеха. — Черт побери, где же этот официант с моей святой водой? Привет, Сильвия! — последнюю часть я говорю так громко, что оглохли бы и собаки.

— Майя, дорогая. Как поживает моя замечательная невестка и мой великолепный сын? — она улыбается и целует нас обоих. Джеймс отодвигает ее стул и подходит, чтобы сесть рядом со мной. Она продолжает: — Так жаль, что ты болела. Мы скучали по тебе на благотворительном обеде в понедельник.

Джеймс хмурится и в недоумении смотрит на меня.

— Майя не... — он фыркает, когда я пинаю его под столом.

— Да, я была очень сильно больна. Как никогда, — я беру руку Джеймса в свою и впиваюсь в его ладонь ногтями, делая акцент на «ЗАКРОЙ СВОЙ ГРЕБАННЫЙ РОТ» энергетике, которая сейчас исходит от меня. — Я приду в следующий раз.

Сильвия поправляет свою прическу и улыбается.

— Спасибо за чек, который ты прислала. Двести тысяч? — от ее слов Джеймс давится и смотрит на меня. — Это очень щедрая сумма. Джеймс, ты немного побледнел.

Он отпускает мою руку и промокает рот салфеткой.

— Извините. Я и не знал, что мы пожертвовали такую большую сумму.

— Да, это практически твоя полугодовая зарплата, да? — я вижу ее расчетливую ухмылку, но игнорирую ее и пью свою водку с клюквенным соком. — Я думала, ты знаешь. В последние три месяца ты пожертвовала чуть менее миллиона долларов на различные благотворительные мероприятия.

— Какие-то проблемы с суммой, Сильвия? — стиснув зубы, спрашиваю я. — Я думала, что благотворительным организациям нужны деньги. Кроме того, я не делала никаких пожертвований в течение года, поэтому и раскошелилась в эти несколько месяцев.

— Я понимаю, что ты миллионер, но ты должна смотреть, куда спускаешь деньги, Майя, — отчитывает Сильвия, нахмурившись. — Особенно, когда мой сын не знает об этом. А что если ты обанкротишься?

— Согласен, — вздыхает Джеймс и виновато мне улыбается. — Бизнес процветает, но необходимо прекратить такие траты.

— Вопреки вашим убеждениям, — я откашливаюсь и смотрю на своего мужа и его мать, — ни один из вас не знает и половины той суммы, которую я получаю в месяц. Вы думаете, что знаете, потому что ваш сын видит зарплатные квитанции его части бизнеса, американской части, и это только фармацевтика. Я создала компанию, когда мне было семнадцать, и мой отец подарил мне первый миллион. За восемь месяцев я превратила тот

миллион в двенадцать успешных магазинов во Франции. В следующем году я перекинулась на Англию и открыла три завода для новых препаратов, которые помогают снизить последствия деменции. В двадцать я заработала свои первые полмиллиарда. — Я игнорирую их потрясенные лица, и продолжаю: — Даже если компания обанкротится. Чего, конечно, не будет. Я все равно буду миллиардером. Поэтому простите меня, что я хочу потратить свои честно заработанные деньги на благотворительность.

— Как ты управляешь всем этим? — с нескрываемым удивлением смотрит на меня Джеймс.

Я пожимаю плечами.

— У меня на местах сидят хорошо обученные люди. Компания моя, но записана на имя моего отца. Он оставил только свою компанию и деньги. Его доля меньше моей. Где-то двадцать восемь процентов.

— Я не знал... — Джеймс тяжело дышит и сжимает мою руку. — Твой отец говорил мне, что ты успешно строишь карьеру, но я не знал, что ты вывела компанию на международный уровень.

Я снова пожимаю плечами и машу официанту.

— Я согласна, что ему надо поднять зарплату. Хотя, когда мы поженились, я сказала ему, что мои деньги — его.

— Я думал, что ты получаешь столько же, сколько и я. Твой отец делил свою прибыль со мной, — говорит Джеймс и недоверчиво усмехается.

Я замечаю, как Сильвия тупо пялится на меня. Ее попытка выставить меня в плохом свете провалилась.

— Прошу прощения, Майя. Кажется, я тебя недооценивала. И твой интеллект тоже.

— Не стоит извиняться, — говорю я и беру меню. — Джеймс будет стейк на косточке средней поджарки, картофель с чесночным соусом, салат. А я хочу рибай, но, чтобы он был хорошо прожарен. Без крови. — Официант записывает все в блокнот, а затем заказывает моя дорогая мамочка. — Спасибо.

Сильвия улыбается мне и смотрит на Джеймса, который выглядит ошеломленным.

— Закрой рот мальчика. А то поймаешь муху.

— Да, — вздыхаю я, уже зная следующую фразу своего мужа. — Я была очень внимательна все эти годы.

— Я ничего не знаю о тебе, — ворчит он и трет лицо руками. — Абсолютно ничего.

— Итак, Сильвия, — говорю я, эффективно прерывая самобичевание Джеймса. — Когда следующий обед?

Она моргает, собираясь со своими мыслями.

— В понедельник. Ты придешь или болезнь снова ворвется в твои планы?

— Уверена, что к понедельнику я не подхватю птичий грипп, — шучу я. Она закатывает глаза. — Я приду. Пришли мне детали. Я обещаю присоединиться. Я ничего не люблю больше, чем слушать Шарлин, которая без умолку болтает о том, как ее дочь вышла за темнокожего парня.

Сильвия смеется, по-настоящему смеется, и я понимаю, что это первый раз, когда я слышу ее смех.

— Они — стервятники, большинство из них. Но это хороший способ заполучить новые контакты в нашем мире.

— Я рад, что вы вдвоем сможете пообедать, — Джеймс благодарно улыбается и

смотрит на меня. — Приятно видеть, что вы двое нашли общий язык.

— Да, а когда же мне ждать внуков? — Сильвия взволнованно улыбается и потирает руки. Пришел мой черед подавиться напитком. — Я не становлюсь моложе.

— Майя согласилась на то, что мы начнем пытаться лет через пять, — торжественно заявляет Джеймс, и я задаюсь вопросом, какого черта дела моей матки обсуждаются за обеденным столом.

Подождите минуту, он только что...

Сильвия хмурится, а я быстренько щебечу:

— Десять лет, мы договорились через десять.

— Ты хочешь через десять, а я хочу прямо сейчас. Пять лет — хороший компромисс, — говорит Джеймс и целует мою руку.

Я поднимаю брови:

— Эмм... нет. Я едва могу заботиться о себе. Я безрассудная, бессердечная, холодная и безразличная. Я мелочная и отчасти сука. Дети — это не мое. Детям нужна любящая мама, которая подарит им весь свой мир. Я знаю, что я не тот человек.

— Ерунда, — говорит Сильвия с сочувственным блеском в серых глазах. — Ты будешь замечательной матерью. Ты просто сильно недооцениваешь себя.

Я сижу в полном шоке от ее комплимента.

— Это неправда. Вы прекрасно знаете, какая я безответственная. И это просто чудо, что ваш сын до сих пор не подал на развод.

— Ты действительно так думаешь? — Джеймс с грустью смотрит на меня, и наши взгляды встречаются.

Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Да. Потому что это правда. Я и дети — это не очень хорошая идея. Особенно на данный момент. Я эгоистичная, скорблю и вообще просто ненормальная. Через десять лет минимум. Может быть, когда мне будет тридцать, я буду лучше справляться с жизнью.

— Я никогда не думала, что ты такая неуверенная в себе. Мне всегда казалось как раз наоборот, — говорит Сильвия и гладит мою руку. — И что еще хуже, я думаю, ты действительно так плохо думаешь о себе.

Что, черт возьми, происходит? И я еще неуверенная в себе. Просто я реально смотрю на вещи.

— Детка, ты замечательный человек. Не думай, что я не замечаю, что ты плачешь, когда говорят об умирающих детях.

Я отмахиваюсь от них, внезапно чувствуя себя неловко и немного некомфортно.

— Я остаюсь при своем мнении. Я сказала, что постараюсь стать лучше, и я стараюсь. Я обещаю. Но не пытайтесь забить мою голову всякой ерундой. Я неудачница как человек. И мы все знаем, что это правда. Сколько человек поздравило тебя с нашей помолвкой?

Джеймс морщит губы.

— Они не знают тебя.

— Моя дорогая, — Сильвия ухмыляется. — Ты уникальна. Ты ничего не приукрашиваешь, ты всегда достаточно честна. Конечно, порой ты можешь быть весьма неуважительной, но ты говоришь то, что думаешь. Таких как ты — либо любят, либо ненавидят. И люди, которые по-настоящему знают тебя, — любят тебя до безумия. Это ведь о чем-то говорит.

— Хорошо, я верю на слово, но по-прежнему никаких детишек, — говорю я с легкой

улыбкой. — Еще не время. Мне двадцать три. И да, может быть, я замужем, но пока я не возьмусь за ум, в глазах общественности я стану еще одной молодой мамашкой.

Они оба кивают и ничего не говорят. Вскоре приносят еду, и беседа протекает более спокойно и легче. Я решаю не застопориваться на нашем разговоре о младенцах и моей личности. Это официально заперто в моем мозгу и не выберется оттуда до моей завтрашней пробежки.

— Пожалуйста, не забудь про понедельник. Я буду очень рада, если ты присоединишься к нам. Я знаю, что там будет много акул, но будет просто замечательно, если со мной будет тот, кто хоть иногда согласен с моим мнением, — говорит Сильвия, а я шокирована тем, что вижу ее настоящую. Как я и сказала, я — эгоистка. Все, что меня заботит, — это то, хочу ли я прийти, а не то, что моя свекровь на самом деле хочет, чтобы я появилась там.

Эй, сохраняй все для пробежки.

Правильно подмечено. Забыла.

Теперь запри все на замок.

Но есть столько всего, что я...

Запри их!

Я тихонечко вздыхаю на смехотворные аргументы своего мозга и обнимаю седовласую женщину, обещая, что приду в понедельник, и я сделаю это. Это еще одно дело, которое я добавлю в список «Наладь отношения с родственниками своего супруга».

— Ты, кажется, застряла в своих мыслях, детка, — тихо говорит Джеймс, пока мы едем в лимузине.

Я не знаю почему, но еще с детства, когда я садилась в лимузин, я представляла себе, что это вовсе не машина, а космический корабль. Я не помню, но мне кажется это как-то связано с папой. Он всегда подделывал разные звуки для меня. От этой мысли мои губы дрожат. Мой отец был офигенным, он всегда заставлял меня чувствовать себя особенной. Он всегда принимал любое мое решение. Никогда не осуждал. Никогда не кричал, просто выражал свое разочарование, когда я делала что-то возмутительное, а иногда и запирали меня дома.

Когда я была ребенком, как только он заканчивал свою работу, он играл со мной. Несмотря даже на то, что я была с няней, он всегда находил время для меня. Всегда.

— Эй, — говорит Джеймс и прикасается к моему бедру. Его зеленые глаза смотрят на меня с беспокойством. — Ты в порядке?

Я киваю и понимаю, что снова ушла в себя. Поэтому я говорю:

— Я скучаю по папе. Видя, как ты и твоя мама непринужденно общаетесь... я просто вспомнила кое-что.

— Так вот почему ты снова издала этот звук? — он ухмыляется и тянет меня к своей теплой груди.

Стыд-то какой.

— Почему я, всегда не осознавая, произношу вслух какое-нибудь дерьмо? Может, я

больна?

— Это называется «сумасшествие», — смеется он и целует меня в лоб. — Итак, расскажи мне, о чем ты думаешь.

Я съеживаюсь.

— Да ладно, Джеймс. Ты знаешь, я не люблю говорить о своих чувствах.

— Просто попробуй.

— Я даже не знаю, с чего начать. Я скучаю по нему, я скучаю по нему чертовски сильно, — говорю я почти шепотом, но Джеймс слышит меня. Он ничего не говорит, он просто обнимает меня. — Я думаю, все, что происходит... обрати внимание, как все, что я говорю, начинается с «Я то, я се». Наша женитьба открыла мне глаза на то, что я эгоистичная, эгоцентричная, жалкая сука, — я выпускаю смешок и фыркаю. — Ничего не совершила, не добилась, потому что я такая сука. Никто даже не обращает на меня внимания. Даже ты со своей мамой думал, что это мой отец создал весь этот бизнес, а это я. И, очевидно, он — тот, кто рискнул и сделал ставку, но это была я. Мой отец верил в меня. Он единственный человек, который когда-либо верил в меня.

— Я верю в тебя.

— Ты не должен. Я ужасный человек.

— Прекрати так говорить.

— Почему? Это правда. Посмотри на всю фигню, которую я сделала. Единственная причина, по которой папарацци преследуют меня — это потому, что я чертовски ненормальная и глупая.

— Это неправда. Господи, Майя, почему ты думаешь, я по уши влюблен в тебя? Ты светишься изнутри. Ты сияешь. Когда ты заходишь в комнату, то каждый замечает силу и изысканность, исходящие от тебя, — это адски страшно и в тоже время соблазнительно. Как будто у тебя есть собственная сила притяжения. Заносчивые придурки держатся от тебя подальше, потому что ты запугиваешь, и они не знают, как обращаться с тобой. Ты хорошая, смешная, честная, заботливая. У тебя золотое сердце, спрятанное за железным забором.

— Ты думаешь, что Пол согласился бы со всем этим? — бормочу я и чувствую, как он напрягается.

Это первый раз, когда мы фактически обсуждаем ситуацию с Полом.

Джеймс вздыхает и немного расслабляется.

— Ты любишь его?

Я смотрю на него сквозь свои ресницы, сажусь к нему на колени и беру его лицо в свои ладони.

— Я могу тебе честно сказать, что не люблю Пола. Да, из прошлого навсегда останется связь. Глубокая связь. Он лишил меня девственности, в конце концов.

— Если бы ты узнала раньше о его чувствах, ты бы все равно вышла за меня?

— Почему ты задаешь такие нелепые вопросы? Я не знаю, Джеймс. Теперь это в прошлом, я не могу вернуться и узнать. Я могу сказать тебе «да», чтобы не ранить твои чувства. Или «нет», чтобы не ранить Пола. Это реальность, теперь мы женаты. Я сделала больно своему хорошему другу. Я отстой. Конец истории, — говорю я и мягко целую его в губы. — Но если это принесет хоть какое-то утешение, знай, я правда рада, что вышла за тебя, поскольку я думаю, что люблю тебя.

— Ты думаешь? — усмехается он, ерзая на месте. — Это большая разница от «по-настоящему люблю тебя».

Я вздрагиваю и обдуманно говорю слова:

— Иногда я хочу свернуть тебе шею и надрать задницу. Иногда я смотрю на тебя и не могу поверить, как мне повезло, что такой человек как ты мирится со мной. Потом я думаю, что скорее убью себя, чем проведу еще одно мгновение с тобой. Затем я смотрю на тебя и начинаю смеяться над тем, что ты сделал, и все плохое, кажется, уходит. Когда я думаю, что ты мог бы оставить меня из-за какого-нибудь глупого дерьма, то мои легкие сужаются, а живот скручивает. Я даже не могу себе представить все это. А потом все, о чем я могу думать, что пора подать бумаги на развод, — я хихикаю и снова целую его губы. — В одном я уверена на все сто. Раньше я фантазировала о разных мужчинах. У меня было три мальчика сразу. Пол, Фрэнки и Каден. Теперь я не могу представить себя с кем-то. От этой мысли меня просто начинает тошнить. Так что если это любовь, то да, я люблю тебя.

— Вот это речь, — он смеется, а я медленно выдыхаю. — И да, это любовь. В какой-то степени.

Я хлопаю его по руке и слезаю с его коленей, поскольку машина подъезжает к нашему зданию.

— Так, когда у тебя будет свободное время, мы с тобой начнем подыскивать новый дом.

— Дом?

— Квартиру, — быстро поправляю я себя. — Не дом, а квартиру. Я имела в виду квартиру, — я беру его за руку, чтобы выбраться из автомобиля. — Черт, а ты здорово выглядишь. Я не могу дождаться, когда смогу трахнуть тебя в нашей квартире, а затем начать искать новую квартиру. Обратите внимание на дополнительный акцент на слово «квартира».

— Ты сказала «дом», и я уверен в этом, — он игриво подмигивает. — Безусловно, ты сказала «дом».

— Ты — засранец. Любящий детей, желающий купить дом и получить стабильность, превратившийся из мужика в бабу, засранец.

— Я понятия не имею, что ты только что сказала.

Закатываю глаза.

— Ты задница. Вот и все.

— Хорошо, что тебе нравится моя задница.

Вздыхаю.

Он щипает меня за задницу, а я визжу и хихикаю перед тем, как зайти в лифт.

— Эй, детка, что ты здесь делаешь? — улыбается Джеймс.

Я захожу в его кабинет, неся свой ноутбук и другие необходимые мне предметы. Я кладу их на его рабочий стол и плюхаюсь рядом с ним. Один из строителей заносит вслед за мной мое крутящееся кресло. Не могу сидеть за своим ноутбуком без этого кресла.

— Ммм, — я включаю ноутбук и поворачиваюсь к мужу, который пребывает в недоумении. — Слишком шумно наверху. Я посижу с тобой в кабинете. Карлос сказал, что у тебя нет встреч в течение дня, а мне нужна тишина. Клиенты не могут слышать мои слова из-за шума.

— Ну и хорошо, — Джеймс усмехается и целует меня в щеку. Мы работаем бок о бок, пока не наступает время идти домой.

Мой желудок болит, я надеюсь, что я не отравилась. Наверное, все из-за пыли наверху.

— Эй, — говорит Джеймс, когда мы заходим в нашу квартиру. — Ты в порядке?

Я киваю, неуверенная, что если открою рот, оттуда не выльется рвота.

— Ты уверена?

— Тошнит, — говорю я и сворачиваюсь калачиком на диване, сжимая живот. Чертовски больно. — Я голодна и меня тошнит.

— Детка, — негромко говорит он и целует меня в лоб. — У тебя температура.

— Перестань. Со мной все нормально. Я думаю, это просто боли перед менструацией. Этот глупый имплант, у меня не было месячных уже год и, вероятно, когда они появятся, будет чертовски больно, — отмахиваюсь я от него и выдавливаю улыбку. — Вот, чертовски больно. Из-за месячных.

Он закатывает глаза и уходит. Он возвращается через несколько минут с куриным бульоном и стаканом воды. Я выпиваю воду, но после пары ложек супа мчусь в туалет. Я выbleвываю все содержимое желудка в унитаз.

— Детка, — тихо говорит Джеймс и держит мои волосы. — Может быть, ты съела что-то не то?

Я отрицательно качаю головой. Точно не пищевое отравление, у меня это было дважды — из-за моих давних соседей и их дерьмового приготовления пищи. То, что происходит со мной сейчас, совершенно не похоже на то, что было тогда. Низ живота болит, пульсирует, и тошнота, которую я чувствую, просто ужасна. Я знаю, что все будет хорошо утром, поэтому я прошу Джеймса просто отнести меня в постель и поставить рядом тазик.

Бедняжка всю ночь просидел около меня, периодически вынося тазик. Наверное, это и есть любовь.

Как и предполагалось, я чувствую себя намного лучше на следующий день. Мой желудок до сих пор болит, но уже почти не тошнит. Я даже смогла съесть два тоста перед тем, как отправилась на работу. Завтра мы поговорим с агентом по недвижимости, чтобы он нашел для нас новое жилье.

Джеймс ворчит все утро, потому что я не осталась лежать в постели и не позволила ему заботиться обо мне. Но я не могу этого сделать. Кабинет наполовину готов и мне нужно много чего проверить. Нельзя позволять строителям расслабиться.

Марджи приносит мне кофе, но от его запаха меня подташнивает. Даже она замечает, что я не здорова. Глупый имплантат. Это, должно быть, из-за него. Меня тошнило, когда после долгого перерыва у меня пошли месячные.

Моя кожа стала желтоватого оттенка. Есть такое слово «желтоватого»? Должно быть. Какое странное. Адское слово, и я по-прежнему не уверена, что оно существует. Нужно попозже проверить в словаре.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Идеально, — говорит Джеймс, когда мы входим в огромный пентхаус.

В нем четыре спальни, огромная кухня и столовая. В гостиной открывается вид на город и реку.

Пентхаус идеальный, на самом деле, идеальный. А еще это первое место, которое мы смотрим. Как же нам повезло, верно?

Оформлен в современном и, в то же время, классическом стиле. Все, что нужно, — это мебель. Еще одна работа для моего дизайнера.

— Я не могу позволить себе этот дом, — шипит Джеймс, когда я сообщаю, что мы его берем.

Закатываю глаза.

— Пожалуйста, малыш, я хочу именно этот. Я обещаю, что ты сможешь потратить все свои с трудом заработанные деньги на внутреннюю отделку и обстановку, если ты позволишь мне купить пентхаус.

— Это, похоже, блестящий компромисс, — милая женщина с планшетом в руках улыбается нам. Джеймс бросает на нее раздраженный взгляд, от которого она съеживается. — У пентхауса удачное расположение, вы первые смотрите его и если не купите сразу, то его купят следующие клиенты.

Я жалобно смотрю на него и надуваю губки.

— Все мое — твое, малыш. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Твоей маме он точно понравится!

Он вздыхает и кивает.

— Хорошо. Мы берем.

Я взвизгиваю и обнимаю его за шею, игнорируя боль в животе, когда я тянусь к нему.

— Спасибо!

— Что ж, давайте подпишем эти документы, — широко улыбаясь, говорит женщина, и дальше мы обсуждаем все детали.

— Голодна? — спрашивает Джеймс, когда мы идем вниз по улице. Мне нужно есть. Черт, дико болит живот. Я качаю головой и слеую за ним в «Старбакс». — С тобой все в порядке? Я действительно думаю, что мы должны сходить к врачу.

Я снова качаю головой, борясь с позывами рвоты.

— Я в порядке.

— Хорошо. Давай я возьму кофе и пойдем. Ты что-нибудь хочешь?

Я отрицательно качаю головой. Поторопись. Меня сейчас вырвет.

— Не забывай, завтра у тебя обед с моей мамой.

Я киваю в ответ, а он заказывает свой напиток.

— А позже приедут Мари и Саммер.

Киваю, киваю, киваю.

— Ты действительно выглядишь ужасно, — выдыхает он и берет кофе.

Мне даже не хватает сил, чтобы как-нибудь обозвать его. Мои колени подкашиваются, и я сгибаюсь пополам, хватаясь за желудок.

— Черт, детка. Я думаю, мне все же стоит отвезти тебя к доктору.

— Нет, я в порядке, — говорю я и направляюсь в уборную.

Он вздыхает и ждет за дверью, которую попросил на всякий случай не запирать. Я иду в туалет и вздыхаю с облегчением. У меня просто начались месячные.

— Как я и говорила, — ворчу я, когда выхожу.

Он удивленно качает головой и следует за мной к машине.

По возвращению домой я принимаю пару таблеток обезболивающего, и постепенно боль начинает утихать, пока я отмокаю в ванне. Джеймс сидит рядом со мной. Он очень беспокоится. Приятно, что он переживает, но это начинает немного раздражать. Он уходит, только когда приходят Саммер и Мари, которые, как обычно, очень громко болтают.

— Привет, Саммер, может, будешь кричать погромче! Думаю, в Китае тебя еще не слышно, — кричу я и слышу их хихиканье. — Джеймс, — кричу я, и он буквально врывается в ванную. — Помоги мне выбраться.

— Если тебе не станет лучше утром, то я вызову врача, и меня не волнует, что ты против.

— Не волнуйся, — говорю я, когда он помогает мне выбраться и заворачивает в пушистое полотенце. — Если я буду утром чувствовать себя так же, то сама с радостью пойду к врачу.

Он довольно кивает и помогает мне одеться. Не потому, что мне это нужно, просто потому, что он хочет.

— Дамы, — я улыбаюсь двум девушкам, которые сидят на диване, когда захожу к ним в одном халатике. — Так, расскажите мне последние сплетни.

— Боже, ты никогда не поверишь, кого трахнула Мари прошлой ночью, — хихикает Саммер и делает глоток вина.

Затем она машет пустым стаканом в воздухе. Мари, которая пялится в свой телефон, наполняет стакан, даже не поднимая взгляд. Джеймс стоит, мягко говоря, в шоке. Он с открытым ртом наблюдает за тем, как моя подруга делает сразу несколько дел. Я вытягиваю руку и, не глядя на него, закрываю ему рот. Знаете, мои навыки тоже могут потрясти.

— Стэна Джекобсона, — выпаливает Мари и кладет телефон рядом с собой. — Черт подери, он просто ужасен в постели.

Я взвизгиваю:

— Офигеть! Но он очень горяч, — я игнорирую рык, который издает мой муж.

Стэнли Джекобсон — солист любимой группы Мари. Она пыталась трахнуть его в течение нескольких месяцев. Это, безусловно, огромное достижение, при всем притом, что у этого чувака есть жена. Я хмурюсь от этой мысли. Поскольку теперь я замужняя женщина, то сочувствую другим замужним женщинам и мне немного стыдно за свою подругу.

— Хотя, он же женат, — говорю я тихо. — Это...

— Нет, они развелись в прошлом месяце. Ты что, не смотришь телевизор? — она ухмыляется, ее телефон пикает, и она берет его. — Он был ужасен. Такой грубый и ленивый, с глупой усмешкой на лице. Он кончил через две секунды и потом вел себя так, будто у меня это был лучший секс за всю жизнь. Высокомерный ублюдок, и я могу с уверенностью сказать, что больше не люблю эту группу.

Мы с Саммер взрываемся громким хохотом.

— Очень сочувствую тебе, — я несколько раз поигрываю бровями и озорно улыбаюсь. — Перед тем, как выйти замуж, даже не представляешь, как я боялась, что он будет кошмарен в постели.

— Эй, — возмущается Джеймс и поднимает голову от своего ноутбука.

Я подмигиваю ему.

— Не беспокойся, милый. Ты полностью разрушил меня для остальных мужчин. — Он широко улыбается, а его щеки слегка краснеют, и я поворачиваюсь обратно к Мари. — Так, как тебе это удалось?

— Я застала его одного и набросилась на него. С тех пор он позвонил мне уже двенадцать раз. Фу! — она съеживается и делает глоток вина. — Даже прислал мне цветы в обед.

Саммер фыркает и достает свой телефон.

— Мой Крис был таким. Помните?

— Да, — одновременно отвечаем мы и молимся, чтобы она в миллионный раз не вдавалась в подробности о том, как они встретились.

— Крис, мы помним. Мы все видели сами, — добавляет Мари и наливает себе еще вина. — Вам, девчонки, пора снова стать одинокими. Я скучаю по нашей охоте на мужчин.

— Эй, я как бы сижу здесь, — хихикает мой муж.

Мы все поворачиваемся к нему.

— Уходи, — говорим мы одновременно и громко хихикаем.

Джеймс закатывает глаза, забирает свой ноутбук и целует меня в лоб.

— Я иду спать. Постройтесь свести ваш гогот к минимуму.

— Подкаблучник, — заявляет Мари и показывает на Джеймса. — Настоящий подкаблучник. Молодец, Майя, по крайней мере, ты поставила своего мужа на место.

— Я не подкаблучник.

— Дорогой, можешь принести мне стакан воды, — шепчу я и потираю свой живот. Он кивает и уходит. Девчонки кудахчут, прямо по-настоящему кудахчут, когда он возвращается со стаканом в руке. — Спасибо, красавчик.

Он закатывает глаза, целует меня и уходит в спальню, чтобы закончить свою работу в тишине.

— Мы только что купили пентхаус в здании Престон, — с улыбкой заявляю я, а девчонки ахают.

Конечно же, Мари кричит:

— Новоселье!

Я приподнимаю бровь и смотрю на нее.

— После нашего последнего хочешь еще одно? Ты в своем уме? Квартира обошлась мне в два миллиона!

— Что б я сделала, если б у меня был такой банковский счет, как у тебя, — вздыхает она, мечтательно закатывая глаза.

Саммер кивает и бормочет:

— Так. Значит небольшое новоселье?

— Нет! — слышу я, как кричит Джеймс из спальни, и мы вновь взрываемся приступом смеха.

Я пожимаю плечами.

— Джеймс хочет ребенка.

Мари давится вином, я киваю, помрачнев.

— Вот такая реакция была и у меня.

— Я хочу ребенка, — мечтательно произносит Саммер и прижимает руки к своему животу. — Но Крис хочет подождать несколько лет.

— Эй, Джеймс! — кричу я. Он фыркает в ответ. — Как ты смотришь на то, чтобы обменяться женами? — он не отвечает. Мари откидывает голову назад и смеется. Саммер игриво хмурится и макает сельдерей в хумус. — Я хочу, чтобы мы подождали десять лет.

Мари кивает и задумчиво произносит:

— Если забеременеешь, то можешь попрощаться со своей свободой.

— Почему бы вам просто не нанять няню?

Я пожимаю плечами.

— Если я собираюсь завести малыша, я не хочу, чтобы с ним постоянно была няня. Мой ребенок заслуживает того, чтобы родители отдавали ему все свое время.

— Хммм... — с улыбкой произносит Саммер. — Я все поняла. Ты хочешь остаться свободной. Я, честно говоря, уже устала от всех этих вечеринок. Я просто хочу, чтобы Крис надел мне обручальное кольцо. Его мать действительно оказывает на него серьезное давление.

— Правильно, пора, — говорю я, и они вдвоем смотрят на меня с нескрываемым шоком. — Что? — смеюсь я. — Я знаю, что год назад думала, как Мари, но все меняется. Я думала, что этот брак был мне смертным приговором, но сейчас я нахожу его очень даже привлекательным. Черт, и я ежедневно ощущаю это.

— Не слушай ее, — игриво говорит Мари и закрывает мне рот рукой. — Она не знает, о чем говорит. Джеймс и его мать промыли ей мозги.

Я закатываю глаза и убираю руку прочь.

— Заткнись, — хихикаю я и выпиваю свою воду. А через несколько секунд чувствую, как тошнота возвращается. — Давайте закажем еду. Я голодна.

Мы заказываем китайскую еду. Мы едим, общаемся, смеемся и пьем ночь напролет. Они обе отправляются домой примерно в два часа ночи. А я заползаю на кровать к своему спящему мужу. Он выглядит таким умиротворенным, как ангелок. Я целую его веки, а потом наблюдаю за ним в течение нескольких минут, пока сама не засыпаю.

Я выбираю костюм для обеда, после того как убеждаю Джеймса, что я чувствую себя намного лучше. Что, на самом деле, не совсем правда. Живот болит, но тошнота ушла — и моя энергия вернулась. Мой наряд состоит из голубой юбки-карандаш, белой рубашки, воротник которой завязан бантом, и синего приталенного пиджака. Я обуваю черные туфли и беру черную сумку.

Мои волосы спадают роскошными волнами вниз к талии, и я надеваю красивые солнцезащитные очки. Глаза Джеймса темнеют, когда я выхожу из комнаты. Это мой самый обычный наряд. Но я действительно хочу произвести впечатление на женский клуб. Мужчинам туда вход воспрещен.

— Вау, — он улыбается и целует меня в нос. — Ты выглядишь очень... сексуально, но в то же время изысканно.

Я облегченно выдыхаю.

— Спасибо, дорогой, мне надо идти. Не хочу опоздать к чаепитию и пышкам с лигой уникальных снобов.

Он смеется и ведет меня к лифту. Я подмигиваю ему, заходя в лифт.

Когда я захожу в ресторан отеля, то немного содрогаюсь при виде группы женщин слева

от меня. Сильвия машет мне, и я направляюсь к ним. Все смотрят на меня, и над столом нависает тишина. Они как стая стервятников. С этими их глазками-бусинками и идеальной выправкой, будто готовые выстоять перед львом.

Rrrrrr!

Да, либидо. Спасибо за напоминание.

— Сильвия, — с улыбкой говорю я и, не дотрагиваясь, делаю вид, что целую ее щеки. Мужчина подходит и выдвигает мой стул. Я сажусь рядом с ней, и она начинает представлять меня. Я едва слушаю ее. По сути, я должна сидеть в конце стола, поскольку я самая богатая из всех, но я не спорю по поводу этого. Я просто стараюсь избегать двадцати пар глаз. — Как ты?

— Просто волшебно, моя дорогая! А ты как? Джеймс говорил, что ты до сих пор чувствуешь себя плохо.

Она поднимает бровь, думая, что я разыгрываю ее. Ведь я уже очень много раз отклоняла приглашения из-за своих болезней.

Я смущенно улыбаюсь.

— В этот раз это правда. Но я уже в порядке.

— Ты выглядишь немного изможденной, дорогая. Ты же не сидишь на одной из этих модных диет? Моя внучка гнет свою линию и сидит на диете. Это ведь смешно.

Я качаю головой и улыбаюсь кареглазой женщине, которая сидит напротив меня.

— Нет, я не сижу на диетах. Я питаюсь здоровой пищей, но люблю шоколад и выпечку слишком сильно, чтобы сидеть на диете.

— Джеймс говорил мне, что ты бегаешь каждое утро, — говорит Сильвия с гордой улыбкой. — Приятно видеть молодых людей, которые заботятся о своем здоровье.

— Да, я люблю бегать. Я пробегаю около одиннадцати миль ежедневно. Это замечательный способ убежать от реальной жизни. Разве вы с этим не согласны?

Хотя я уверена, что ни одна из них не может больше бегать. Все же они уже старые и все дела.

Со мной, конечно же, соглашаются. И вручают чашечку чая с лепешкой. Я никогда не любила такие лепешки, поэтому игнорирую ее и делаю глоток чая, желая, чтобы это был кофе. На столе стоит разная и дорогая еда: икра и крошечные сэндвичи, и многое другое. Я решаю ничего не есть, потому что боюсь, что меня стошнит. Это было бы ужасно. К сожалению, боль в желудке вернулась с удвоенной силой.

— Я угрожала прикрыть его счет, — я вся во внимании, когда слышу голос старой ведьмы Шарлин Петэл, которая сидит в конце стола. Ее черные волосы собраны в пучок так туго, что кожа ее лица натянулась, показывая все морщины. Ее розовый костюм похож на мой собственный. — Это же смешно. Дочь, которая вышла замуж за мужчину не из нашего круга, да еще теперь у нее внук, который думает, что он — гей.

Я закатываю глаза. Затем она обращается к Сильвии:

— Конечно, Сильвия понимает мои чувства. Ее племянник — гей, так ведь?

Сильвия кивает.

— Да, он и его спутник жизни недавно усыновили великолепного мальчика из Эфиопии. Они назвали его Клейтон. Потрясающий мальчик.

Я фыркаю, а Сильвия подмигивает мне.

— Джеймс показал мне фотографии, пытаюсь убедить меня забеременеть, — говорю я тихо.

Сильвия смеется и похлопывает меня по руке.

— Я уверена, когда придет время, ты будешь готова.

— Вы планируете ребенка? — спрашивает меня Шарлин, и я вижу блеск в ее почти черных глазах.

Я качаю головой и потягиваю свой чай.

— Пока нет. Еще не скоро. Я слишком занята своим бизнесом.

— И вечеринками в Лас-Вегасе, — тихо бормочет женщина справа от Шарлин, но весь стол слышит ее.

Я ухмыляюсь.

— Да, это было веселое путешествие. Вегас — удивительный город.

— Это был ваш медовый месяц? — спрашивает Шарлин, пытаюсь казаться вежливой, но она не такая. Она — курица.

Я спешу сменить тему.

— Ой, я совсем забыла. Мы с Джеймсом купили пентхаус в здании Престон, и он божественен.

Сильвия широко улыбается и обхватывает мое лицо руками.

— Это звучит потрясающе. Шарлин, вы ведь тоже поглядывали на квартиру в этом доме? Такое красивое здание. Не похоже на остальные уродливые высотки в городе.

Шарлин хмурится и кивает.

— Да. Мы присматриваем квартиру на седьмом этаже. Решили не распалять средства.

— Да, не так легко ездить на лифте и подниматься по лестницам в вашем-то возрасте, Шарлин. Не знаю, как вы справляетесь с этим, — я улыбаюсь, а несколько человек вздыхают и давятся смехом.

Шарлин опять хмурится и выдает что-то наподобие «хम्म», прежде чем поворачивается к подруге, чтобы поболтать о ее внучке-гее.

— Это возмутительно! Он — гей, — шепчу я с фальшивыми нотками гнева в своем голосе. И закатываю глаза.

— Это мерзко и гадко, — громко говорит Шарлин, заставляя всех посмотреть на нее. Большинство присутствующих закатывают глаза, а остальные согласно кивают. — Такое нельзя позволять.

Как обычно, я высказываю свое мнение:

— Я думаю, что это замечательно. Вот честно, почему вы жалуетесь? На дворе двадцать первый век. Во многих странах им позволено жениться и существовать. Есть клубы специально для геев. Есть парады, показы мод, вечеринки, бизнес-ланчи и высокая мода. Почему вы не можете принять это? Что такого мерзкого, если двое мужчин или две женщины любят друг друга? — я откашливаюсь и продолжаю: — Знаете ли вы, что полторы тысячи видов животных отображают гомосексуальное поведение? Скажите честно, что более естественно? Полторы тысячи видов или несколько людей, которые не могут быть открытыми настолько, чтобы принять это. Теперь есть, о чем задуматься.

Я не осознаю, что весь стол замер и слушает меня, пока не заканчиваю речь. Шарлин смотрит на меня с открытым ртом.

— Хорошо сказала, — говорит женщина напротив меня, улыбаясь. — Я полностью

согласна. После того, как им разрешили браки и усыновление детей, у них может быть нормальная жизнь. Пришло время перемен.

— Согласна, — произносит молодая женщина на несколько лет старше меня и улыбается мне с другого конца стола. Я узнаю в ней дочь Шарлин. Ту самую, что вышла замуж за афроамериканца.

— Разве вы не мать? Равенство важно. А что насчет расизма, который стоит в первых строчках преступлений.

— Что насчет этого? — усмехаюсь я. — Знаете, я посетила одну школу несколько месяцев назад, была на одном из «посмотрите на свое будущее» мероприятий. Там стояли охранники в дверях, как в аэропорту. Мне пришлось пройти через металлический детектор, а мою сумку обыскали. Даже несмотря на то, что я была приглашенной гостьей. Это было ужасно.

— Это потому, что очень много детей образуют банды. В наши дни слишком много детей получают пулевые или ножевые ранения. Это кошмар, — говорит Сильвия, сидя рядом со мной. — Когда мы усыновили моего Джеймса... — вздрагивает она. — Дом, из которого он родом... Я даже не знала, что люди могут так жить.

— И я тоже, — говорит Шарлин, взмахнув рукой. — Это страшно. Дела идут очень плохо. Буквально в прошлом месяце на наших соседей напали на улице всего в двух кварталах от нашего дома. Это главная причина, по которой мы переезжаем. Эти банды ориентированы на богатые районы.

Разговор останавливается на теме преступления и личном опыте людей. Но никто из них, включая меня, на самом деле не испытал на себе настоящее преступление. Я рада этому. И все же, сколько людей боятся отправлять детей в школы, боятся, что на них нападут или ранят, или даже изнасилуют, потому что они решили перечить неправильному человеку. Лишь от одной мысли об этом становится грустно.

Боль в животе усиливается угрожающими темпами — и тошнота возвращается. У нас осталось еще сорок минут, но я не уверена, что могу высидеть.

— Сильвия, — шепчу я и хватаюсь за живот. Она смотрит на меня в середине разговора. — Я думаю, что мне нужно обратиться к врачу.

Я издаю стон. Тошнота уже почти подступает к горлу.

Она ахает и прижимает руку к моему лбу. Кто-то спрашивает в порядке ли я, но я едва слышу из-за того, что в ушах гудит.

— В больницу, — говорю я, сворачиваясь пополам и почти задыхаясь от боли. Так чертовски плохо. Становится хуже так резко. Я слышу какое-то движение. И сильные руки поднимают меня со стула.

— Ой, — начинаю хныкать я, так как мой желудок дико болит.

Моя кожа покрывается капельками пота, и я чувствую, что горю. Я смутно слышу, как Сильвия кричит что-то про Джеймса, когда меня кладут на что-то очень удобное. Все кажется нереальным, будто я смотрю на свою жизнь через объектив, а не через собственные глаза. Я чувствую себя далекой. Чувствую слабость. И эта боль. Невыносимая боль.

Меня не волнует, опозорюсь ли я, скручиваясь в положении эмбриона на мягком диване, когда толпа людей окружает меня, и кто-то прикладывает влажную ткань к моему лбу. В животе появляется какое-то странное, новое чувство. Я кричу, и перед глазами все темнеет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Что с ней?

Джеймс... мой Джеймс. Он здесь. Подождите, а где «здесь»? Как же больно.

— С ней все было хорошо, но потом ей стало плохо, — с грустью говорит Сильвия.

Почему она грустная. Где мой Джеймс?

— В хирургическое отделение, живо, — слышу я чей-то голос и чувствую, как мое тело вибрирует, когда меня везут. Я лежу на чем-то мягком и не могу открыть глаза. Я слабо хватаюсь за простыню и еле-еле приоткрываю веки. Джеймс бежит рядом со мной, и его рука сжимает мою. Он смотрит на меня, и я вижу, что его зеленые глаза блестят от слез.

— Все будет хорошо, — говорит он и сжимает мою руку. — Прости.

За что он просит прощения?

— Мистер Фриман, подождите здесь, — говорит мужской незнакомый голос. Должно быть, я снова потеряла сознание.

— Пожалуйста, не дайте ей умереть, — молит он сквозь слезы, пока меня увозят, и темнота вновь поглощает меня.

— Ее аппендикс лопнул. К счастью, мы успели вовремя, но яд распространился. Какое-то время она будет в критическом состоянии, — тихо говорит женщина. — Яд вызвал инфекцию, которая называется «перитонит». Мы сделали все возможное. И теперь все, что мы можем сделать — это ждать.

Я слышу голос Джеймса. Его рука сжимает мою.

— Малышка, пожалуйста, не оставляй меня. Пожалуйста.

— Она справится, — говорит Мари. Я слышу всхлип, который может принадлежать только Джессике. Я хочу их утешить, сказать, что я здесь, но я не могу двигаться. — Она справится.

В животе все будто горит, причиняя дикую боль. Все мое тело горит. Я чувствую, будто меня оторвали от тела. Как будто меня уже там нет, но все же я там.

— Малышка, — тихо говорит Джеймс, и я чувствую, как его лоб прижимается к моему. — Я люблю тебя. Мне очень жаль, что все так вышло. Прости меня.

— Она справится, — я слышу успокаивающий голос Сильвии. — Ты знаешь, что она справится.

Тьма поглощает меня.

— Медсестра! — слышу я суету в палате. Кто-то что-то вытаскивает из моего горла, я открываю рот и задыхаюсь. Я хочу открыть глаза. — Она в порядке?

— Да, она просыпается. И это нормально, — говорит женский голос. — С ней все будет

хорошо, мистер Фриман. Ее показатели в норме, температура спала, и она хорошо реагирует на лечение.

Я слышу облегченный вскрик, и Джеймс целует меня в лоб. Мне требуется несколько минут, что кажутся часами, но я все-таки открываю глаза. В комнате темно, только лампа над моей кроватью освещает комнату. Я медленно нахожу взглядом Джеймса.

— Ох, Майя, — вздыхает он, и слеза стекает вниз по его щеке. — Майя. Слава Богу, я...

— Эй, — говорю я тихо и касаюсь его руки. — Я опять хочу спать.

Он кивает и целует меня в нос.

— Я люблю тебя. Так сильно люблю.

— Я знаю, — я слабо улыбаюсь ему и проваливаюсь обратно в темноту.

Я чувствую легкий ветерок на своем лице и слышу звук вентилятора, который гудит где-то слева от меня. Я открываю глаза и улыбаюсь. Палата заставлена цветами, от которых стоит божественный запах, а еще открытками и подарками. Солнечный свет льется сквозь открытые жалюзи. Я в отдельной палате. Я знаю это, потому что в такой палате лежал мой отец.

— Эй, — мягкий голос Джеймса ласкает мои уши. Я слабо улыбаюсь и смотрю на него. Он растрепанный и все еще в своем костюме, в том самом, в котором был вчера с утра и до этого происшествия. Легкая щетина, которая появилась на его лице, очень ему идет. — Я скучал по тебе, малышка.

— Я тоже скучала по тебе, — говорю я и беру его за руку. Мой голос хрипит из-за того, что я долго не разговаривала. — Ты в порядке?

Он смеется и говорит мне с искренней улыбкой:

— Я в порядке? Ты с ума сошла?

Я слегка киваю.

— Я думаю, что мы уже установили данный факт.

— Как ты себя чувствуешь?

— Как будто я прошла через ад и вернулась обратно, — я стону и моргаю, прогоняя сон. — Как долго я была в «отключке»?

— Сегодня четверг, ты была в «отключке» три долгих, мучительных дня, — говорит он, и его глаза сверкают от слез. Я больше никогда не хочу видеть слезы на его лице. От этого мое сердце разрывается. — е. Мы почти потеряли тебя, малышка. — Его плечи дрожат, и он прижимает голову к моей руке. — Ты умерла на две долбанных минуты. Тебя отвезли в операционную, и тогда ты... твое сердце... у тебя начался сердечный приступ, и тогда ты просто...

Я провожу пальцами по его волосам, едва в состоянии держать свою руку.

— Я просто пыталась держать их в напряжении, ты же знаешь, какая я проказница, — говорю я, и он закатывает глаза. — Итак, когда нам можно заниматься сексом?

Он усмехается чертовски сексуальной улыбкой и целует меня. Я улыбаюсь и вижу, как Сильвия заходит в палату с двумя чашками кофе в руке. Она выпрямляется, кажется, от облегчения, ставит кофе на стол и идет прямо ко мне. Взгляд у нее уставший и грустный. Интересно, она была здесь все время?

— Майя, — говорит она и целует меня в лоб. — Это прям как в той поговорке, когда

мальчик кричал: «Волки! Волки!»

— Мама, — шипит Джеймс, но я смеюсь.

Мне больно смеяться, но, е, мне это нужно.

— Вы правы. Определенно карма. Каковы шансы? Я обманываю, чтобы не идти на ланч, говоря, что больна, и, когда я, наконец, выбираюсь на ланч, закачивается все тем, что я больна аж до остановки сердца, — я поворачиваюсь к Джеймсу. — Интересно, а смогу ли я видеть мертвых!

— Видишь, я говорила тебе, — смеется Сильвия. — Ничего не удержит нашу девочку.

Нашу девочку... Мне это нравится.

Джеймс фыркает и пьет кофе большими глотками. Я нюхаю воздух и морщу нос.

— Дорогой, ты воняешь. Иди домой.

Он хмурится.

— Я не уйду.

— Иди, я останусь с ней, — Сильвия улыбается и похлопывает меня по руке. — Иди, она все равно скоро уснет.

— Я чувствую себя уставшей. Немного не в себе, — я смотрю на две капельницы. — В одной из них морфий?

— Да, — Джеймс улыбается и поглаживает пальцами мою щеку. — Ты чувствуешь боль?

Я тянусь к кнопке с морфием, у моего отца стояла похожая, поэтому я знаю, как это работает.

— Не-а, — с озорной улыбкой говорю я и нажимаю на кнопку. — Теперь я отправлюсь в паб, — я нажимаю кнопку еще раз и чувствую, как прохладная жидкость течет по венам и, практически мгновенно, вырывает меня из реальности. — А ты иди, прими душ, выпипись и принеси мне зубную щетку с пастой. Ох. Не возвращайся, пока снова не будешь выглядеть как человек. Но не смей сбривать бороду, она адски сексуальна.

— Да, госпожа, — он смеется и смотрит на свою маму. — Я буду через пару часов.

— Я не хочу видеть тебя до вечера. Ты нужен мне хорошо отдохнувшим, чистым и счастливым.

Он стонет и берет мое лицо в ладони.

— Я вернусь через пару часов.

Я целую его на прощание, смотрю, как он выходит из палаты, и поворачиваюсь к Сильвии.

— Итак, что случилось?

— Самый страшный день моей жизни — вот, что случилось, — вздыхает она и держит мою руку. — Ты чувствовала себя хорошо, затем мгновенно побледнела. Настолько побледнела, что, казалось, выглядела серой. Ты начала потеть, а твое тело стало извиваться от судорог. Официант подошел и положил тебя на диван в ресторане. Мы вызвали «скорую», но мой сын оказался на месте раньше, чем они, — она трет лицо руками. — Я никогда не видела его таким... напуганным. Никто не мог его утешить. Даже ты. Ты пыталась, но, — она смеется, — половина из того, что ты говорила, было бредом. Что-то про голубя, рис и как забавно это было. Потом ты говорила ему, если он перестанет плакать — ты позволишь ему снять плакат.

Я съеживаюсь, но хихикаю. Я не помню эту часть, но понимаю, о чем она говорит. Во что я не могу поверить, так это в то, что он рыдал. Джеймс не плакал, он рыдал.

— Твой аппендикс взорвался, мы все слышали хлопок. Это было ужасно. Ты потеряла сознание и очнулась лишь тогда, когда сиюминутно прибыл Джеймс, ты бормотала всякую всячину и потом вновь отключилась. Врачи сразу же начали тыкать тебя иголками, как только мы прибыли в больницу, все уже ждали нас. Они приняли и прооперировали тебя немедленно. Прошло три часа, прежде чем они вывезли тебя. Ты была без сознания час, потом проснулась, и у тебя начались конвульсии. И твое сердце остановилось, Майя, — она всхлипывает и вздыхает. — Джеймс... он... он рыдал и умолял. Я никогда не видела его таким. Таким злым, таким потерянным. Когда они снова увезли тебя в операционную, он просто рухнул и не вставал до тех пор, пока тебя не привезли обратно. Он рыдал снова, — она вновь смеется, вытирая глаза салфеткой. — Он по-разному обзывал тебя. Некоторые слова я даже не слышала в своей жизни, — мы обе смеемся над этим. — Ты показала ему средний палец. В коматозном состоянии ты показала ему средний палец. Твои друзья были в истерике, а Мари, так ее зовут? — я киваю. — Она была... в не очень хорошем состоянии. Она оставалась вчера до полуночи. Я не сомневаюсь, что она скоро вернется.

— Мари «с приветом», но у нее практически нет семьи, и мы с ней очень близки.

— Я должна признаться, что мне не понравилась эта девушка на свадьбе, но видя ее такой... как она заботится о тебе...

— Мои девочки особенные. Спасибо, Сильвия, за то, что помогли мне. К вашему сведению, я виню во всем ваше проклятое чаепитие, — шучу я, заставляя ее смеяться. — Вам стоит пойти и отдохнуть. Со мной все будет в порядке. С помощью морфия я скоро отключусь.

— Я была дома вчера. Вернулась час назад, — она улыбается и рукой обводит палату. — Большинство цветов и подарков от Джеймса, несколько — от леди с чаепития, как ты называешь его. Бутылка виски — от Мари.

Я смотрю на бутылку Джек Дэниэлса, которая стоит на подоконнике между двумя букетами полевых цветов, и смеюсь. Если бы смеяться не было так больно, я бы, наверное, гоготала на всю палату, как Джеймс называет это.

— Тебе нужно поспать. У тебя слипаются глаза.

Я, вероятно, отрубилась, как по ее команде, потому что не помню, как засыпала. Наконец подействовал морфий.

— Она в порядке, — слышу я голос Мари. — Я же вам говорила, что она справится.

Я приоткрываю глаза.

— О, е. Я в аду, верно? — шучу я слабым голосом и закрываю глаза после того, как вижу Саммер, Джессику и Мари.

Они хором взвизгивают и хватают мои ноги, которые скрыты под одеялом. Я тихо хихикаю и открываю глаза. Джеймс свирепо смотрит на девушек, и я смотрю, как они отступают, поднимая руки.

— Эй, — говорю я и облизываю губы. — Мне нужно выпить воды, а еще мне нужна зубная щетка и паста.

— Сначала доктор хочет осмотреть тебя. Доктор уже сердится, потому что мы не пришли за ней раньше. — Я смотрю на Сильвию, которая что-то смотрит в своем телефоне, сидя в углу палаты.

— Мари, не могла бы ты сходить за доктором?

Она кивает и выходит из палаты.

— Ох, работа в офисе почти закончена, — подмигнув, говорит Сильвия. — Марджи

сообщила мне, что кому-то надо посмотреть. Она сделает это и проинформирует меня. И еще она сказала, что кто-то из нас должен присматривать за тобой. И я уведомила всех важных партнеров в твоей части бизнеса, что ты находишься в больнице.

— Это замечательно, — говорю я и улыбаюсь Джеймсу. — А ты сказал, что твоя мама живет, чтобы делать тебя несчастным.

— Я такого не говорил, — смеется Джеймс и смотрит то на меня, то на свою мать, слегка паникуя. — Честно, мам...

— Я уверена, что ты сказал что-то про «нужно найти святую воду и священника», — обманываю я и взъерошиваю его волосы.

Он фыркает и целует мою руку.

— Безусловно, я вытянул короткую соломинку.

— Давайте не будем врать. Я была самой длинной соломинкой из всего пучка, — подмигиваю я и смотрю, как Сильвия смеется с нашего стеба.

Доктор приходит, рассказывает мне о том, что я уже знаю, и говорит, что мне надо остаться в больнице еще на пару дней. Она показывает мне разрез на животе, который находится достаточно низко. Бикини скроет его, но он около четырех дюймов в длину. Фу! А еще он желтый от йода и припухший. Двойное фу!

— Значит, я буду говорить людям, что меня разрезал самурай, — я улыбаюсь Мари, которая смотрит на меня грустным взглядом. — Иди сюда, девочка.

Доктор говорит Джеймсу, что мне можно попить, но только маленькими глотками, и почистить зубы, а потом уходит.

Мари подходит ко мне и очень осторожно обнимает за плечи.

— Ты испугала меня, тупая сучка.

— Эй, — я смеюсь и ударяю ее в плечо, очень слабо, но она притворяется, будто я ударила ее ногой. — Простите, девчонки. Я должна была пойти к врачам. Я просто думала, что это из-за моего имплантата.

— Я должен был заставить тебя. Я же видел, как тебе плохо, — Джеймс вздыхает.

Саммер шлепает его по затылку:

— Не говори так. В этом есть и наша вина. Мы видели, как ей было плохо. Никто не мог даже подумать, что все было так серьезно.

— Кто-нибудь, позовите Брюса Уиллиса, — заявляю я, и все смотрят на меня. — Скажите ему, чтобы он принес свой диктофон. Я умерла, верно? Я, возможно, смогу видеть мертвых людей, как ребенок из «Шестого чувства». Насколько странно это будет? Я буду лежать в постели, а папа придет, чтобы немного побеседовать или отчитать за азартные игры в Вегасе.

Все были в изумлении от того, как долго я болтала. Этот мой способ расслабиться — быть глупой, как защитный механизм. Ну, я думаю. Я просто не могла остановить себя.

— Она еще и головой ударилась? — хихикает Джессика и смотрит на мониторы. Джессика работает медсестрой, поэтому она знает, что означают эти цифры и загогулины.

— Как думаете, они разрешат мне выпить виски? — говорю я, поигрывая бровями. Джеймс не закатывает глаза, а просто улыбается и опирается лбом о мое плечо, будто он просто рад видеть меня живой и здоровой. — Нет? Никто не согласится... черт. Ну, хорошо, мне нужно почистить зубы. Я думаю, что мой язык превратился в гусеницу.

— Мило, — смеется Мари, и Джессика спешит принести мне два стакана: один с водой, а другой — пустой и мою зубную щетку, на которую уже выдавили мятную пасту.

— Спасибо, девочки, — улыбаюсь я и приподнимаюсь в сидячее положение. Я шиплю, когда напрягаю мышцы живота, и все тут же внимательно смотрят на меня. — Я в порядке, просто больно.

Они заметно выдыхают с облегчением.

Я чищу зубы, ни грамма при этом не стесняясь, а Джеймс помогает мне умыть лицо с помощью влажных салфеток. Это лучшее, что можно сделать, потому что мне нельзя вставать с постели. Мне чертовски сильно нужно в душ.

Девушки сидят со мной и смешат меня. Я даже не думаю о боли, когда смеюсь. Я просто рада, что они счастливы. Саммер и Джессика остаются на несколько часов, так как утром им на работу. Мари остается после их ухода и выглядит очень несчастной. Я знаю, это потому, что мы были как сестры уже много лет. Я буквально единственная семья, которая у нее есть, и если бы у меня не было Джеймса, то и она была бы моей единственной семьей.

Она сидит рядом со мной и смотрит «Властелин колец» на плоском телевизоре, который стоит напротив моей кровати.

Джеймс расчесывает мои волосы, а потом заплетает их, и в этот момент раздается стук в дверь. Сильвия встает и подходит к двери.

Я чувствую, как напрягается Джеймс, когда в мою палату заходит Джейкоб Стоун с огромным букетом сиреневых роз в хрустальной вазе и большой коробкой дорогих конфет. Ням.

— Привет, — негромко говорит он и кладет цветы и конфеты на подоконник. — Прости, что не приехал раньше, я только что узнал.

— Не говори глупостей, ты не должен был приходить. Но, спасибо, — я улыбаюсь и подзываю его. — Мы тут просто смотрим, как Гэндальф надирает задницу оркам.

Он ухмыляется и садится рядом с Мари.

— Итак. Какой диагноз? Слухи достаточно смешны. Одни говорят, что ты беременна, другие — что ты попала под автобус.

— Ни то, ни другое, — я хихикаю и ерзаю на кровати. — Мой аппендикс лопнул и отравил все мои внутренности. Эй, я даже умерла на пару минут.

— Она думает, что раз умерла, то сможет видеть мертвых, — фыркает Мари.

Джейкоб смотрит на Джеймса.

— Это страшная фигня. Уверен, ты чуть с ума не сошел от беспокойства.

Джеймс кивает и осторожно переплетает свои пальцы с моими, пытаюсь не задеть трубки, выходящие из моей руки.

— Я не думаю, что когда-либо еще чувствовал себя так потеряно. Это был самый страшный день моей жизни. Она не умерла во время операции. Ее только вывезли из операционной, ее тело начало биться в конвульсиях, а потом ее сердце остановилось.

— Я думаю, могу с уверенностью сказать, что это было драматично, и только я могла такое сделать, — шучу я. — Я экстремалка, что тут сказать. Я не просто заболела гриппом, я умерла на две минуты от ужасной инфекции после того, как что-то внутри меня взорвалось. Экстремал до самого конца, как видишь.

— К сожалению, она не оставила свое чувство юмора в загробной жизни, — игриво вздыхает Сильвия. Я делаю пару глотков воды и истекаю слюной, пялясь на конфеты. — Не-а, никакой твердой пищи.

— Кто-нибудь, позовите охранников, тут у нас шоколадный фашист, — ворчу я.

Джеймс смеется и встает, чтобы потянуться. А я разглядываю прекрасный пресс, когда

его рубашка задирается.

— Я собираюсь пойти перекусить. Мама, ты пойдешь со мной? — спрашивает он и целует меня в лоб. Сильвия соглашается. — Я ненадолго, принцесса.

— Я постараюсь не наделать глупостей, пока тебя не будет, — улыбаюсь я. — Обрати внимание на слово «постараюсь». Я ничего не обещаю.

Они вдвоем вздыхают и выходят из комнаты. Они не могут скрыть от меня своих улыбок. Я поворачиваюсь к Мари и Джейкобу.

— Извини, что никто не сказал тебе, Джейкоб. Я проснулась только после обеда. Если бы я смогла отправить тебе смс-ку, я бы так и сделала.

Он отмахивается от меня.

— Ничего страшного, не извиняйся. Я ведь не семья.

— Нет, но если бы такое случилось с тобой, и мне бы никто не позвонил, — я смотрю на Мари. — Я была бы чертовски взбешена.

— Я забыла, ведь была до смерти перепугана. Я позвонила ему, как только ты проснулась, — говорит Мари и делает тише телевизор. — Итак, Джейкоб. Когда ты возвращаешься в Голливуд?

— Не раньше следующей недели. Мы закончили проект, но я должен подождать, пока моя леди-босс посмотрит его и одобрит.

— Мари, — говорю я, и она кивает. Я поворачиваюсь к Джейкобу. — Мари посмотрит, она все равно лучше в этом понимает.

— Тогда... почему ты приехала на фотосессию? — нахмурившись, спрашивает он, а на его губах играет милая улыбочка.

Я широко улыбаюсь.

— Дурачок, чтобы поглазеть на тебя. Разве ты не понял это, когда мой муж внезапно показался и пометил свою территорию вокруг меня.

Он откидывает голову назад и смеется.

— Твой муж, должно быть, очень терпеливый человек.

Я киваю.

— Так и есть. Он знает, что я безобидна и никогда не изменю ему. Ничего страшного, если я просто поглазею.

— Она неисправима, — фыркает Мари.

— Кто бы говорил, — отвечаю я.

— Ага, — соглашается она.

Я закатываю глаза и хлопаю Джейкоба по руке.

— Итак, Лос-Анджелес, да?

— Да, ты должна как-нибудь приехать, мой дом — удивительный. У меня есть свой частный пляж.

— О, ты же не попадешь на мое новоселье. Мы недавно купили пентхаус в здании Престон. Чертовски красивая квартира, — я вздыхаю, думая о новом идеальном доме.

— Так ты все-таки собираешься устроить вечеринку? — взволнованно улыбается Мари.

Я киваю и отвечаю:

— Да, черт возьми. После того, как я пережила смерть, очень хочется потанцевать.

— Ты такая странная, — смеется Джейкоб. — Я очень постараюсь приехать.

Я касаюсь его руки.

— Не переживай, если не сможешь. Мы пришлем тебе фотки.

Он закатывает глаза. Почему все так делают, когда я что-то говорю? Я знаю, что я — нечто, но, правда, я удивлена, что все мои близкие не лишились глаз от постоянного закатывания.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Все хорошо? — спрашивает Джеймс, когда они с Сильвией заходят в палату. Они наблюдают, как мы заканчиваем смеяться над шутками. Мари все-таки рассмешила меня, это, конечно, на данный момент не очень приятно, но я лучше буду смеяться сквозь боль, чем плакать из-за боли. — Ты выглядишь счастливой.

— Да, Мари просто рассказывала нам о своей последней выходке, — говорю я и вытираю глаза. — Ты побрился.

— Я выглядел как дровосек.

— Ты выглядел очень сексуально.

Сильвия машет рукой.

— Мама в комнате. В самом-то деле.

— Итак, ты разузнал у врача, когда нам можно будет трахаться? — добавляю я для дополнительного эффекта грубости.

Сильвия кладет руки на свои уши и напевает:

— Ла-ла-ла-ла-ла-ла.

А Мари хохочет как ведьма.

— Только ты можешь сейчас думать о сексе, — фыркает он и толкает Джейкоба, который так сильно ржет, что не может вымолвить ни слова.

— Теперь я точно не разговариваю с тобой, — ворчит Джеймс и прячет свое лицо в мою шею. — Прости, мам.

— Она закончила? — спрашивает Сильвия и убирает руки от ушей.

— И затем он сказал: четыре пальца? Ты с ума сошла? К тридцати у тебя там будет огромная дыра, — говорю я с притворным ужасом, продолжая несуществующий разговор... — И тогда я сказала...

— Ла-ла-ла-ла-ла-ла, — Сильвия снова закрывает уши руками, а Мари и Джейкоб начинают так сильно смеяться, что Джейкоб даже падает со стула. Тело Джеймса сотрясается в беззвучном смехе, а его теплое дыхание щекочет мою шею.

— Огромная дыра... — поток воздуха. — К тридцати... — Джейкоб тяжело дышит, садясь обратно на стул. — Господи, Джеймс, как ты справляешься с ней?

Джеймс целует меня в щеку.

— Когда она рядом, мне никогда не бывает скучно.

Я пытаюсь тайно нажать на кнопку с морфием, но они все видят это.

— Извините, просто начинает болеть.

— Я пойду, чтобы ты могла отдохнуть. — Джейкоб улыбается и встает со стула. Он пожимает руку Джеймсу. — Кого-нибудь подвезти?

— Нет, я на машине. По пути подброшу Сильвию домой. — Мари улыбается ему и обнимает.

Он целует мою руку и подмигивает.

— Уверен, ты скоро поправишься.

Я киваю и сжимаю его теплые пальцы.

— Спасибо большое, что пришел, Джейкоб. Скоро увидимся.

Я прощаюсь с ними и поудобнее устраиваюсь на кровати. Джеймс остается, и я замечаю, что в углу стоит кровать, на которой он, вероятно, спал. У меня отлегло от сердца,

когда я узнала, что он не спит на том жутком кресле.

— Я отключусь через минуту, малыш, — тихо говорю я, поглаживая его по волосам. — Тебе тоже нужно отдохнуть.

Когда я просыпаюсь, Джеймса нигде нет. Зато есть женщина индийской внешности — мой новый врач, я так полагаю.

— Здравствуйте, миссис Фриман. Как вы себя чувствуете?

Я нажимаю кнопку, чтобы приподнять кровать и сесть.

— Со мной все в порядке. А еще мне нужно кое о чем вас попросить.

Она смотрит на меня поверх своей папки.

— О чем, дорогая?

Я указываю на левую руку и говорю:

— Мой имплантат. Он у меня уже почти три года. И его нужно убрать. Я собиралась на прием на следующей неделе.

Она улыбается и кивает.

— Я попрошу, чтобы врач зашел и вынул имплантат. Вы собираетесь завести ребенка?

Я качаю головой.

— О, нет, определенно, нет. Не в ближайшие десять лет. Я хочу заменить его на что-то другое: таблетки или инъекции. Хотя, если честно, я не уверена, что с моей памятью смогу помнить про таблетки.

— Ох, понятно, — улыбается она. — Приятно видеть, что у молодой девушки есть голова на плечах.

— Так я и говорю, но мой муж хочет ребенка. Такое ощущение, будто он — женщина в отношениях, — хихикаю я, а она смеется со мной. — Спасибо, доктор..? — я жду, когда она назовет свое имя.

— Я прошу прощения, — она шлепает себя по лбу. — Зовите меня Амелия. Если вам что-нибудь будет нужно, то просто нажмите эту кнопку. И я сразу появлюсь.

— Спасибо, — я улыбаюсь, и она машет перед уходом.

Я беру свой телефон, который заряжается на столе возле меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Майя: Где ты, сученок? Я голодна, хочу пить, а мой муж-раб куда-то провалился.

Джеймс: Я уже подхожу, принцесса. И кого ты называешь «сученок»? Сучка.

Майя: Прости, что ты там вякнул? Я была слишком занята, думая, какой же ты сученок, что не обратила внимания на остальное сообщение.

Джеймс: Не смешно...

Майя: Боль от смеха в правом боку не согласна.

Дверь открывается и Джеймс, чисто выбритый, одетый в светло-голубые джинсы и белую рубашку, заходит в палату. Его темные волосы зачесаны назад, и он пахнет божественно. Моим любимым лосьоном после бритья.

— О е, как ты можешь приходить в таком виде, когда я так ужасно больна.

Его глаза расширяются, и он осматривает себя.

— Что? Я выгляжу глупо?

Я щурюсь от его идиотизма.

— Дорогой, ты выглядишь чертовски привлекательно. Господи, я бы о ала тебя, даже если бы ты был наряжен в барахло. Ням. Когда нам можно заниматься сексом?

— Когда тебе станет лучше.

— Эй, я думаю, — говорю я, чтобы сменить тему. — Я хочу сделать татуировку на шраме, когда все заживет после операции. Что думаешь?

Он пожимает плечами и садится рядом со мной в кресло.

— Все, что захочешь, малышка.

Я улыбаюсь, когда в палату входит женщина в зеленом халате. В руках она держит поднос.

— Вы хотите удалить имплантат?

Брови Джеймса подлетают аж до линии роста волос. Я знаю, что он думает, поэтому быстро добавляю:

— И я хочу, чтобы сразу сделали инъекцию.

Женщина смеется и протягивает мне руку.

— Я — доктор Рот. К сожалению, мы не можем ввести вам инъекцию немедленно. Надо дать вашему телу время прийти в норму. Вы думали о таблетках? Их вы сможете начать пить сразу, как начнутся месячные.

Я пожимаю плечами.

— Таблетки, было бы прекрасно, — я поворачиваюсь к Джеймсу. — Следующие несколько недель тебе придется надевать чехол.

Он фыркает, но ничего не говорит. А доктор начинает делать свое дело. Я отвожу взгляд, пока она протирает мою руку, делает небольшой надрез и вытаскивает имплантат пинцетом. Она зашивает надрез и вновь вытирает, прежде чем накладывает повязку и, улыбаясь, уходит. Не забывая дать мне таблетки и рассказать, как их принимать.

— Мы не можем заниматься сексом в течение следующих нескольких недель. Или забыла?

Я подмигиваю своему мужу.

— Дорогой, поверь мне. Я найду способ, чтобы не было больно.

Игнорируя протесты мужа, я работаю из больницы при помощи его ноутбука. Я проверяю свою электронную почту и делаю все необходимые звонки. Мой дизайнер интерьера побывал в нашей новой квартире и назвал приблизительную стоимость. Когда я показываю Джеймсу, он кивает, но говорит, что хочет проследить за всем, чтобы было сделано со вкусом.

Сильвия, Мария, Саммер, Джессика, Тони, Крис и Джейкоб — все приходят ко мне. Они приходят во время приемных часов с шести. Я вижу, что моему мужу не очень нравится Джейкоб. Я не виню его. Я бы тоже не хотела тусоваться с кем-то, с кем бы он сказал, что не против переспать. Хоть я и не так давно знакома с Джейкобом, но уверена, что мы станем отличными друзьями.

Они уходят почти в десять, после просмотра фильма, а я чувствую себя перекаченной лекарствами, и ни на что особо не обращаю внимания. Я хихикаю практически над всем.

Джеймс сидит в углу комнаты за своим ноутбуком. Какое-то время я просто смотрю, как он работает, упиваясь тем, как он прикусывает язык между зубами и как хмурит брови,

когда сосредотачивается. Он поднимает взгляд и видит, что я наблюдаю за ним. Он кокетливо улыбается и возвращается к работе. Заканчивая примерно через час, он идет ко мне.

— Эй, малыш, — говорю я тихо и нажимаю на кнопку с чудесным лекарством. — Мне очень жаль, что испугала тебя.

Он смотрит на меня грустными глазами.

— С этого момента, даже если просто покалывание в пальце, обещай, что отнесешься к этому серьезно. Доктор вообще не понимает, как ты ходила. Она говорит, что у тебя должны были появиться жуткие боли. Большинство людей отключаются перед разрывом аппендикса.

— Я упрямая, как осел, — вздыхаю я, пытаюсь поднять настроение. — Мне, правда, было очень плохо. Но я действительно думала, что это все из-за месячных, потому что их долго не было. Когда месячные начались — это послужило подтверждением, почему у меня были боли, и я не хотела устраивать переполох из-за этого.

— Ты могла бы уже никогда не устроить переполох. Я почти потерял тебя, — произносит он шепотом, а его зеленые глаза заволакивает печаль. — Обещай мне. Ты скажешь мне в следующий раз, даже если тебе станет немного не по себе.

Я киваю и притягиваю его, чтобы поцеловать.

— Я люблю тебя.

— Скажи это еще раз.

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — шепчет он и выключает лампу. — Давай спи.

— Дорогой, иди домой. Поспи на удобной постели, возвращайся на работу. Со мной все будет хорошо, — говорю я сквозь тьму.

Он берет мое лицо в ладони и прикасается своими губами к моим так нежно, что на глаза наворачиваются слезы.

— Я не уйду. Ни сейчас, никогда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Прошло две недели, прежде чем меня отпустили домой. Две гребанных недели! Инфекция вызвала слабость и рвоту, да и когда твой живот перетрясли куча врачей — это чертовски больно. К счастью, антибиотики помогают, и я чувствую себя не совсем хорошо, но шрам заживает. Мне недавно сняли швы, и сам рубец оказался меньше, чем я думала, когда отек практически спал. Они сказали, если бы я пришла до того, как внутри меня все взорвалось, то они сделали бы шрам едва заметным. Минимально-инвазивная операция или типа того.

Сильвия не была впечатлена, когда я спросила у своего врача, могу ли забрать свой аппендикс домой в баночке. Доктор подумал, что я шучу. А Джеймс как обычно закатил глаза.

Я схожу с ума, постоянно лежа в постели. Джеймс не разрешает мне куда-то ходить, пока я не буду на сто процентов здорова. Мари подарила мне колокольчик и осталась с нами, чтобы помогать. Но на самом деле, я думаю, что она боится потерять меня и это ее способ справиться с проблемой. Я все время загружаю ее, посылая за покупками для меня, и она ходит в офис, чтобы проверить, как продвигается ремонт. Он, наконец, закончен, поэтому она помогает мне улизнуть, пока Джеймс на работе, чтобы удивить его.

Работа в нашей новой квартире началась, я уже все распланировала и не могу дождаться конечного результата.

— Ты готова? — спрашивает Мари, когда я вместе с ней ковыляю к машине. Я киваю, и она помогает мне сесть на пассажирское сиденье.

Я ужасно рада, что кажется, разойдутся швы. Я принарядилась, поскольку это первый раз с того случая, как я куда-то выхожу, и я хочу выглядеть великолепно для своего мужа. Мари болтает и болтает, и болтает всю дорогу до офиса. Порой она такая смешная.

Как только мы делаем шаг на тротуар, из здания выбегает охранник, чтобы поприветствовать меня, спросить в порядке ли я и поздравить с выздоровлением. Я отмахиваюсь от него, цепляюсь за Мари, и мы идем к лифту. Я уже утомилась.

— Смотри, — она хихикает и нажимает на кнопку закрытия дверей лифта и кнопку этажа, где расположен мой офис. — Двери никому не откроются.

Я смеюсь, и мы едем вверх без остановок. Когда я делаю шаг на свой этаж, то взвизгиваю при виде стола слева. Это рабочее место Карлоса. Я обхожу его и вижу небольшую приемную с кожаными диванчиками и несколькими растениями. Серые жалюзи открыты, и свет освещает это небольшое пространство.

Я касаюсь двери, ведущей в офис моего мужа. А на ней золотая табличка с надписью «Джеймс Э. Фриман».

— е мой, — визжу я и вытаскиваю свой телефон в тот самый момент, когда Мари прикрепляет красный бант выше таблички «Джеймс».

— Что случилось? — спрашивает он.

Он звучит немного запыхавшимся.

— Ничего, дорогой, ты можешь зайти ко мне в кабинет на минутку? Мне просто нужна твоя помощь кое в чем.

— Почему, черт возьми, ты не в постели?

— Я... ммм... просто иди сюда, — запинаясь я и вешаю трубку. Если бы мне не было

больно прыгать, то я бы запрыгала прямо на месте. Мои нервы управляют всеми эмоциями. — А что, если ему не понравится? Что, если он предпочтет свой кабинет?

Мари закатывает глаза и кладет руку мне на плечо.

— Ему понравится. Я это тебе гарантирую.

Через несколько минут двери лифта открываются, и я слышу, как мой муж зовет меня по имени. Мы делаем шаг вперед, чтобы появиться в поле его зрения перед столом Карлоса, и Джеймс приподнимает бровь.

— Что происходит?

Я протягиваю ему свою руку. Он делает шаг вперед и берет мою руку в свою большую ладонь и переплетает наши пальцы.

— Иди за мной, — улыбаюсь я и тяну его.

Он отпускает мою руку и ахает. Я смотрю, как он нервно делает шаги к двери своего кабинета и прикасается пальцами к золотой табличке.

— Майя, — выдыхает он и поворачивается, улыбаясь мне. — Что это?

Я протягиваю ему золотой ключик, который идет в комплекте с золотистым брелоком с фотографией нашей свадьбы. Я вздрагиваю, когда он щипает меня за попу. Он смеется, когда видит брелок, и вставляет ключ в замок. Дверь издает тихий щелчок, и он открывает ее.

— Черт, — бормочет он и заходит внутрь. Я еще не видела кабинет, и зависть напоминает о себе.

— Ох, черт, нет, — визжу я и пытаюсь выхватить ключ. — Мы меняемся.

Он смеется и ходит вокруг большого открытого пространства.

— Мой кабинет. Я не могу поверить, что ты сделала это.

Я ласково улыбаюсь и, нахмурившись, рассматриваю огромный кабинет с прекрасным столом в дальнем конце. Еще есть книжные шкафы, полки, шкафы под документы, сделанные из шикарного дерева, великолепные картины на стенах. Окна, как и у меня, но они кажутся лучше, потому что прямо сейчас меня сжирает зависть. Набор переключателей на его рабочем столе, как у меня, но лучше. Я подхожу и щелкаю переключателем, чтобы закрыть жалюзи. Щелкаю еще раз — и они открываются. Другой переключатель опускает большой экран с потолка. Есть еще один для кондиционера и встроенный интерком Карлоса. Даже его компьютер самой последней модели!

Я веду его к двери, которая находится позади его рабочего стола, и открываю вторым ключом, чтобы перед нами предстала великолепная кровать и небольшой шкаф. Он улыбается и следует за мной через последнюю дверь, которая ведет к душевой и туалету. В комнате уже стоит его любимый гель для душа и все остальное.

— Что скажешь, — улыбаюсь я и сажусь на диван возле окна. — Нравится?

— Малышка, — выдыхает он и садится в свое новое вращающееся кожаное кресло. Он дважды вращается в нем, а затем хлопает ладонями по новому столу. — Спасибо тебе. Это... чертовски превосходно.

Он бросается ко мне и нежно прижимает к себе.

— Я рада, что тебе нравится. Мы преобразуем твой старый кабинет в конференц-зал, который прежде был здесь.

— Но почему? — спрашивает он с любопытством и садится на диван. — Зачем ты это сделала?

Я пожимаю плечами.

— Ну, ты проводишь здесь очень много времени. И твой офис маленький и неудобный.

Мари заходит в кабинет, выругавшись:

— Бл*дь... это шикарно. Простите, но у вас уже был свой момент уединения, теперь пришел мой черед поглазеть.

Я хихикаю и поворачиваюсь к Джеймсу:

— Проверь свой верхний ящик.

Он улыбается, и это говорит лучше всяких слов, он спрашивает:

— Что ты придумала на этот раз?

Без разговоров. Я вижу волнение в его глазах, когда он пересекает комнату и тянет на себя ящик. Он ахает, смотря на кипу бумаг.

— Что это?

— Ну, ты управляешь долей моего отца, а это тридцать процентов компании. Если бы у моего отца не было тебя, то он бы получил эту сумму. Справедливо, что ты получишь ее, — я улыбаюсь и медленно подхожу к нему. — Тебе долго недоплачивали, и у тебя не было должных прав, поэтому тут твой новый контракт. Я доверяю тебе принимать серьезные решения по поводу компании. А еще это значит, что ты можешь нанять кого-то, чтобы быть посвободнее. Просто подумай об этом.

Он моргает и начинает тискать, душа поцелуями и крепко обнимая. Я смеюсь и отталкиваю его.

— Мне уже нужно ехать домой. Начинает болеть, — честно говорю я и потираю свой живот. — Поэтому сейчас я вынуждена оставить тебя одного, дорогой.

— Майя, — говорит он, пока я утаскиваю с собой Мари. Я останавливаюсь и смотрю на него. — Спасибо.

— Не сходи тут с ума, — я ухмыляюсь. Как только делаю шаг к двери, я щелкаю пальцами и поворачиваюсь к нему. — Под столом есть мини-холодильник.

Я смеюсь, когда он ныряет под стол и начинает рассматривать холодильник.

— Ты просто молодец, — Мари улыбается мне, и мы направляемся домой.

Во время обеда экран моего телефона начинает светиться от входящей смс.

Сильвия: Только что была в новом кабинете своего сына. Я подумала, что ты сделала это все до того, как заболела. Я действительно недоценила тебя. То, что ты сделала, и твое доверие, которое ты вложила в него. Это удивительно, Майя. Спасибо.

Майя: И я по-прежнему не хочу детей.

Сильвия: Вздох...

Я смеюсь и расслабляюсь в постели. Мы с Мари едим попкорн и смотрим «Дневники вампира». Я горжусь собой, что передала тридцать процентов Джеймсу. Мой папа хотел бы этого, он учил Джеймса управлять. Я все еще переживаю по поводу радикальных изменений, которые он может внести, но я верю, что он сначала посоветуется со мной.

Наши крики с Мари смехотворны, когда мы видим мою новую модель для рекламы по телевизору. Наш крем для чувствительной кожи для бритья и другие продукты для мужчин.

Мой телефон пиликает.

Джейкоб: Ну, ты видела меня? Видела?

Майя: Ага! Все замечательно! Благодарю вас, мистер Стоун!

Джейкоб: Ха, моя мама позвонила мне, когда увидела... крича. Я повесил трубку и написал тебе. Теперь она звонит вновь. Мои бедные уши.

Майя: Чувак, это еще мелочь. По сравнению со всем материалом, который ты

сделал. Я боюсь даже подумать о том, как она отреагирует, когда ты сыграешь в кино.

Джейкоб: Это будет не очень приятно... поверь мне. Так как ты себя чувствуешь?

Майя: гораздо лучше. По-прежнему больно ходить и быстро утомляюсь, но я в порядке.

Джейкоб: Это хорошо. Как только я вернусь в город, приду тебя проведать.

Майя: Я с нетерпением жду. XX

— Почему ты так нравишься ему? Ты замужем! — возмущается Мари, надувшись, как обиженный ребенок.

Я пожимаю плечами.

— Может, поэтому я — женщина, которая не хочет его использовать. Женщина, которой он может доверять.

— Я думаю, он хочет забраться тебе в трусики, — говорит она с решительным кивком.

Я хихикаю и толкаю ее.

— Не будь дурочкой. Хотя, он и правда любит играть с моими волосами. Я не думаю, что он осознает, что делает. Ты видели это в больнице, и когда мы пошли на ужин в первый раз?

Мари пожимает плечами.

— Я не обращала внимания. Мне кажется это странным.

Я фыркаю и киваю.

— Да, но это так хорошо расслабляет.

— Хотя он на самом деле милый. Я имею в виду, он едва с тобой знаком, но, тем не менее, пришел проведать тебя.

— Определенно милый парень.

— О чем вы тут болтаете?

Мы обе поднимаем взгляд. И видим Джеймса, который стоит в дверях и улыбается.

Я хмурюсь и стучу пальцем по своим часам, изображая гнев.

— Сколько сейчас, по-твоему, времени?

Его глаза расширяются.

— Я был...

— Не надо мне оправданий, ты опоздал! Ты трахаешь кого-то?

— Что?

— Не ври мне! Где, черт возьми, ты был?

Он делает шаг назад от моего гневного тона и взгляда, направленного на него.

— Я был...

— Позволь мне угадать, в офисе. Да, конечно, именно там ты и был, — говорю я, но пытаюсь сдержать серьезное выражение лица немного дольше. Но улыбка все же появляется на моем лице. — Привет, малыш, день на работе прошел хорошо?

Он моргает несколько раз.

— Ты... но ты? Не... Подожди, что?

— Он сходит с ума на старости лет, — бормочу я Мари, которая спрятала свое лицо в подушку. Ее тело бьется в конвульсиях от смеха. — Эй, дорогой, хочешь покушать попкорна и посмотреть, как Деймон съест парочку людей?

Он качает головой и целует меня в лоб.

— Нет, я собираюсь заказывать еду. Ты останешься на ужин, Мари?

— Неее, я лучше пойду. У меня намечено суперсвидание. Увидимся завтра, — она

улыбается и обнимает меня, прежде чем покидает комнату. Джеймс провожает ее, а я включаю сексуальный вампирский сериал.

Джеймс возвращается спустя несколько минут. Я наблюдаю за ним, пуская слюнки, когда он раздевается до боксеров и ныряет под одеяло ко мне.

— Можно с уверенностью сказать, что несмотря даже на все плохое, что случилось, я чертовски счастлив, — он улыбается и кладет руки мне на бедра. — Ты делаешь меня счастливым, Майя.

— Я рада, — говорю я так тихо, что он не слышит.

Я по-настоящему рада. Он заслуживает лучшую жену, чем я, и надеюсь, что даю ему хотя бы малую часть этого лучшего, если в этом есть какой-то смысл. Он очень много значит для меня, чертовски много, и печально осознавать, что есть кто-то лучше для него, чем я.

— Я подумал, — говорит он и кладет подбородок на свои скрещенные руки. — Я собираюсь сделать то, что сделала ты, — обучить пару человек. Затем я хочу, чтобы мы выделили месяц на отпуск. Наш запоздалый медовый месяц. Что думаешь?

— Хм, — говорю я задумчиво, а потом улыбаюсь. — Я думаю: солнце, море, твое загорелое тело между моих ног... Звучит удивительно.

Он наклоняется и нежно целует меня.

— Спасибо за то, что доверяешь мне. Я знаю, что тебе это дается нелегко. Но обещаю, что буду обсуждать с тобой серьезные дела до того, как принять решение.

— Я доверяю тебе, — говорю я тихо.

— Я очень благодарен за это.

— Не надо, тебе нечего доказывать. Я жалею лишь, что не приняла это решение раньше. Ты заслуживаешь гораздо большего.

— Это значит, я могу вернуть тебе деньги за квартиру?

— Перестать быть идиотом, все мое — твое, и так далее. Мы заплатили за это вместе.

— Если ты так хочешь, — он вздыхает и приподнимает немного спину, показывая, чтобы я продолжала поглаживать его. Я смеюсь, когда он мурлычет, как кот.

— Мы можем завести котенка, когда переедем в новый дом?

Он урчит. Я не думаю, что он слушает.

— Я могу высечь тебя ремнем?

— Хм...

— Могу ли я подпалить твои волосы?

— Хм...

— Это правда, что раньше ты облизывал всякую фигню ради удовольствия?

Он поднимает голову, на его лице сияет озорная улыбка.

— Кто тебе сказал?

Я откидываю голову назад. Смеюсь и хлопаю его по спине. Он ворчит и вновь утыкается головой в руки.

— Продолжай.

Я вздыхаю и слегка щекочу его гладкую спину своими ногтями.

Следующие две недели пролетели без происшествий. Мы с Сильвией начали понимать друг друга, и болтаем раз в несколько дней. У нас появились планы, мы хотим провести благотворительный бал, когда мне окончательно станет лучше.

Наш новый дом скоро должен быть полностью меблирован. И я чувствую себя намного

лучше. Мы с Мари стали даже ближе, чем раньше, в то время как с Джессикой мы отделились друг от друга. Я вижу ее гораздо реже. Каждую свободную минуту я провожу с мужем, Мари и Саммер. Можно сказать, что мы стали сильнее. Я имею в виду нас с Джеймсом. Когда я не свожу его с ума своими дурацкими шуточками.

Я сижу, ем фрукты и йогурт, а Джеймс бегает по дому.

— Где мои чертовы ключи?

— На комод в спальне, — говорю я с набитым ртом.

Он исчезает, и я слышу звон ключей.

— Спасибо, дорогая!

Он целует меня в лоб и выбегает за дверь так быстро, будто собаки из ада наступают ему на пятки. Я хихикаю и ставлю свою пустую тарелку в раковину.

У меня есть миссия, миссия с участием моего возможного деверя. Я ступаю босыми ногами. Направляюсь в свою пещеру, так же известную как мою спальню, где лежат все мои вещи. Я проверяю почту, которую послал Фелпс, и звоню Мари.

Она приезжает через полчаса, я рассказываю ситуацию.

— Так ты собираешься просто приехать к нему и потребовать, чтобы он сделал ДНК-тест? Не кажется ли тебе, что Джеймс должен быть там?

— Нет, я хочу сделать это до того, как Джеймс узнает, — говорю я с небольшой улыбкой. — Он говорил о нем только на прошлой неделе. Частный детектив, которого он нанял, — гребаный болван. Я нашла Лукаса всего за несколько дней с помощью сенатора и некоторых связей в кругах социальных услуг.

— Ладно, я поняла. Но будь осторожна. Ты же не хочешь взбудоражить что-нибудь, — говорит она с улыбкой, пока пробирается сквозь движение. Смотрясь в зеркало заднего вида, я поправляю волосы и наношу блеск для губ. Я надела черный деловой костюм с узкой юбкой. Так что я не буду выглядеть угрожающе, когда стану общаться с ним. Блин, что я собираюсь сказать? Отчасти я жалею, что не сказала Джеймсу, но в то же время чувствую, что делаю все правильно.

— Помни, что тебе необходимо заказать ДНК-тест. Я не могу сделать это сама, поскольку кто-нибудь знакомый может узнать и рассказать Джеймсу, — говорю я с небольшой улыбкой.

Мари зло усмехается.

— Я чувствую себя агентом ФБР. Это так здорово!

— Поверни здесь, — говорю я, когда мы выезжаем в район среднего класса. Дома двухэтажные и не очень симпатичные. Я вижу мальчика, который стоит с пятью подростками постарше, и все они в капюшонах и с банками пива в руках. Включая мальчишку. — Боже.

— Если он из твоей семьи, давай надеяться, что он не такой, как все вокруг. Я слышала об этом районе, что он правда не очень.

— А я не слышала, е. Заблокируй машину, — говорю я, когда моя шикарная машина едет вниз по улице. К белому, ладно, серому дому, который должен быть белым, окруженному низким забором. Мари заруливает на подъездную дорожку, и я замечаю плакат «С днем рождения» на окне и розовые шарики, привязанные к металлической калитке. Перед нами стоит грузовичок с небольшим баннером с изображением пони. Определенно, мы вовремя.

— Пойдем, — Мари улыбается.

Я отрицательно качаю головой.

— Я должна сделать это в одиночку.

— Скучно, — вздыхает она, и я замечаю, что занавески дергаются. Я вылезаю из машины и иду по гравию к входной двери.

Как только я поднимаю руку, чтобы постучать, она открывается. Передо мной стоит мужчина, он потрясающий! И он двойник моего Джеймса. Те же темные волосы, те же шокирующие зеленые глаза.

— Я могу вам помочь? — говорит он со знакомой ухмылкой на лице. И я понимаю, что стою, разинув рот.

— Вы — Лукас Грант? — спрашиваю я, а он кивает. — Я — Майя. Эмм... можно мне войти на минуту?

— У меня нет привычки приглашать незнакомых людей внутрь, — говорит он и выходит.

— Верно, — я внутренне съеживаюсь. Какая я идиотка. — Эммм...

Внезапно маленькая девочка с каштановыми волосами выбегает из дома. Она обнимает папу за ногу. Она точная его копия.

— Папочка, кто это? — говорит она самым сладким голосом, который я когда-либо слышала.

— Амелия, это Майя. Она незнакомка, вернись в дом.

Девочка подбегает ко мне:

— Сегодня мой день рождения. У тебя есть для меня подарок?

— Амелия, — отчитывает ее отец.

— Хм, — я задумываюсь и лезу в карман. Я вытаскиваю пятидесятидолларовую купюру и протягиваю ей. — Извини, этого немного, но это все, что у меня есть.

— Деньги! — она визжит, а ее папа смотрит на меня, как на сумасшедшую.

— Извини, если бы я знала, что у нее день рождения, я бы положила деньги в открытку, — бормочу я. Девочка благодарит меня и исчезает внутри. — В любом случае. Это будет звучать странно, но вы не знаете, есть ли у вас младший брат? По имени Джеймс?

— У меня нет семьи, я вырос в детском доме, — говорит он и закрывает дверь. — И была ли это настоящая пятидесятидолларовая купюра. Обычно, на день рождения дарят пять баксов или что-то такое.

— На свой последний день рождения я получила квартиру. Я не очень хороша во всем этом. Можно назвать меня избалованной сучкой, — хихикаю я, и его губы дергаются. — Значит, вы не помните. Есть ли у вас брат?

Он качает головой.

— Я многого не помню. У меня частичная потеря памяти, — он поворачивается и показывает мне шрам, скрытый под его густыми волосами на затылке. — В прошлом году я попал в аварию. Мои воспоминания до того момента немного нечеткие.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Мне так жаль это слышать. Но все же, это дает мне надежду. Джеймс — мой муж, — говорю я, и он открывает дверь вновь. Он показывает рукой, чтобы я зашла с ним внутрь. Я обхожу машину Барби и следую за ним в маленькую комнату с практически отсутствием мебели. Я сажусь на плетеный диван и улыбаюсь девочке, которая играет с игрушечной кухней. — Поэтому я здесь. Он годами ищет своего брата.

— Ну, мне особо нечего предложить... — он начинает говорить, но я поднимаю руку.

— Вообще-то, он не знает, что я здесь. Я провела самостоятельно расследование. Я хотела убедиться, что ты именно тот парень, прежде чем рассказать ему.

— Ты хочешь убедиться, чтобы у него не было ложной надежды. Я понял это, — кивая, говорит он. — Что тебе нужно?

— Я надеялась, что ты согласишься на ДНК-тест. Посмотрим, родственники ли вы.

— Что за родственник? — спрашивает маленькая девочка, встав рядом со мной.

— Родственники — это как ты и твой папочка. Люди в твоей семье с одинаковой кровью — родственники, — пытаюсь я объяснить. Она кивает и исчезает в своей кухоньке. Я смотрю на Лукаса. — Я возмещу все затраты. За доставленные неудобства. Все, что надо будет сделать — это сдать мазок с внутренней стороны щеки и подождать пару недель. Я заплачу за это, от тебя ничего не потребуется.

Он откидывается назад и тарабанит пальцами по своему подбородку.

— Мне не нужны твои деньги. Этот тест будет полезен и мне. Если окажется, что он мой брат...

Я широко улыбаюсь, неспособная скрыть свой восторг.

— Это будет просто фантастически. Умм... нам правда придется ждать результатов. Могу я позвонить тебе? Когда придут результаты.

— Конечно.

Я подаю ему свою визитку, он вытаскивает телефон и отправляет мне: Привет.

— У тебя есть его фотография?

Я вытаскиваю телефон и показываю ему фотографию с нашей свадьбы. Его брови ползут вверх.

— Вы очень похожи, — говорю я, и он смеется, согласно кивая. — Ну, спасибо за то, что уделили мне время. Теперь оставляю вас в покое.

— Мы готовим торт, — говорит Амелия и тянет меня за руку. — Оставайтесь на торт.

— Сегодня ее день рождения, тебе лучше послушаться ее, — он улыбается, и я пожимаю плечами. — Я не очень хорошо умею ладить с детьми. Я ммм... ну у нас никогда не было детей в семье. Были только я и мой папа, поэтому если я облажаюсь — извиняюсь.

— Не переживай, — говорит он и закрывает занавески. Я пишу сообщение Мари, что задержусь ненадолго и слышу, как моя машина заводится и отъезжает. — Видимо, твоя подруга уехала? Ты могла бы пригласить ее.

— Все нормально. Я и так уже вторглась в ваше пространство.

Он смеется, и звук кажется таким знакомым и приятным.

— Нет, что ты. Правда.

— Никто из ее друзей не пришел? — спрашиваю я, пока он зажигает четыре свечи на тортике с пони.

— Нет, — отвечает он кратко. — Я не могу позволить себе праздник, поэтому только я и она. У ее мамы не было семьи, и у нас не было друзей.

— Я знаю о твоей жене. Ужасно сожалею твоей потере. Я узнала из файла от детектива, — говорю я и прикасаюсь к его руке.

Он кивает и его грустные глаза начинают светиться, когда он заканчивает зажигать свечи.

— Ты готова, малышка?

— Да, — визжит Амелия. Я так расстроена, что он не может позволить себе устроить настоящий праздник. Это так печально. — Потолапись, папочка!

— Готовы? — спрашивает он. Я киваю, и пою вместе с ним песню «с днем рождения». Стоя в углу, я хлопаю в ладоши и смотрю, как зеленоглазый ангел задувает свечи.

Когда свечи задуты, он нарезает торт, и я должна взять кусочек, это не обсуждается.

— Спасибо за то, что подарила ей деньги, — говорит он после минуты молчания.

— Поверь мне, это пустяк. Ты уверен, что все нормально? А то какая-то незнакомка показала на твоём пороге и потребовала ДНК-тест. Почему ты так уверен, что я не клонирую тебя и не буду делать всякие пошлые штучки с твоим клоном?

Он откидывает голову назад и смеется.

— Я бы сказал, что это был бы очень счастливый клон.

— Папа, можно мы пойдем в парк. Ну, пожалуйста?

— Нет, — отвечает он и смотрит на меня. — Парк здесь — это даже не парк больше. Они поставили новые карусели, а на следующий день все они были испорчены и покрыты граффити.

— Вот, что я скажу, — говорю я и тыкаю малышку в живот. — Если ты будешь хорошей девочкой, то я вернусь, и если твой папа разрешит, мы ходим в центр развлечений и пообедаем потом.

— Честно?

— Да, но ты должна спросить у папы.

— Папа, можно?

— Думаю, да, — говорит он и дарит мне благодарную улыбку. — Но придется немного подождать, моя конфетка.

— Я угощаю, — добавляю я и достаю свой телефон. У меня два пропущенных звонка от Джеймса, я их игнорирую. — Так, чем ты зарабатываешь на жизнь? Ты работаешь в строительной компании?

Он качает головой:

— Нет, я потерял работу в прошлом месяце. Компания обанкротилась. Сейчас я работаю в «Уолмарте». Расставляю товар на полках, чудная работа. А что насчет тебя?

Господи, эта семья разбивает мое сердце.

— Я владею фармацевтической компанией «Джонсон». Мы делаем...

— Ничего себе, я знал, что где-то видел тебя, — он смеется и качает головой, прежде чем берет журнал со сплетнями с другого конца дивана. Он переворачивает страницы, смотрит на меня, затем опять на картинку. — Майя Джонсон на вечеринке в Вегасе с неизвестными мужчинами после того, как два месяца назад вышла замуж, и всего месяц, как похоронила отца.

— Мужчины были там, потому что я выиграла, — ворчу я, и мне становится стыдно за свои поступки. — И я была в Лас-Вегасе, чтобы очистить свою голову от некоторых вещей.

— Сочувствую твоей потере, — говорит он мягко. Я киваю и улыбаюсь. — Много выиграла?

— Что?

— Вегас, ты выиграла?

— Шесть миллионов... или семь, — говорю я рассеянно.

Он закашливается, а я смеюсь, когда Амелия подходит и стучит его по спине.

— Черт бы меня побрал, — говорит он, пытаюсь восстановить дыхание.

— Черт бы меня поблал, — повторяет Амелия, и я хрюкаю, смеясь, это совсем неприлично, но, думаю, именно так сделала бы свинья, когда услышала бы что-то забавное.

— Я дам тебе еще пятьдесят долларов, когда мы пойдем обедать, если ты больше никогда не повторишь эти слова, — говорю я с наигранной суровостью. — А теперь шлепни папу по руке. И скажи, чтобы он больше такого не говорил.

— Хорошо, — усмехается она и шлепает отца по руке. При этом ее лицо буквально искажается от гнева. — Никогда больше не говори такие слова, папа!

— Извини, малышка, — он фыркает и целует ее в румяную щечку. — Иди играть.

Я пишу Мари.

— Я должна идти, не буду больше отнимать время. Я работаю завтра. Мы переезжаем в нашу новую квартиру, но я буду свободна на следующий день. Позвоните мне.

Проходит пара минут — и Мари появляется, я поворачиваюсь к Лукасу и говорю:

— И если что-нибудь понадобится, пожалуйста, не стесняйся, звони, хорошо?

— Мы не принимаем милостыню, — ворчит он, выглядя гордым и раздраженным.

— Я не говорю об этом. Мы можем оказаться семьей, а если нет, то теперь я подруга Амелии. Я всегда присматриваю за друзьями и семьей, — я смотрю на него. — Все, что угодно. Просто позвони.

Он кивает, но ничего не говорит. А я ухожу.

Как только сажусь в машину, набираю Джеймса.

— Привет, дорогой.

— Что происходит? Где ты?

— Я с Мари. Сейчас приедем домой.

— Ты не подумала о том, что нужно было поставить меня в известность? Я ведь очень переживал. А если бы...

Я перебила его вздохом.

Мы спорили около десяти минут, он стонал, что переживал и все такое. В конце концов, он успокоился и позволил мне отключиться.

— Как все прошло? — спрашивает Мари, как только я вешаю трубку.

Я отрицательно качаю головой.

— Ужасно. Он был милый. Малышка просто чудесная. И они в очень дерьмовой ситуации. Он не возьмет деньги за то, что я так бесцеремонно ворвалась в его жизнь. Сказал, что если окажется, что у него есть брат, то я сделаю ему большое одолжение.

Я пересказываю ей весь наш разговор и про праздничный торт, и как, очевидно, пять долларов — достаточный подарок. Она реагирует прямо как я — ее выражение лица становится потрясенным. По пути мы заезжаем в «Макдональдс» и кушаем, прежде чем направляемся ко мне. Мари, как обычно, выбрасывает меня возле дома и забирает машину на оставшуюся часть дня.

Джеймс сидит на диване, пьет пиво и смотрит телевизор, когда я захожу. Он тянет меня

к себе на колени и обнимает.

— Где вы были?

— Просто решили сходить в «Старбакс» и «Макдональдс» и проверить починили ли ее машину, — обманываю я, надеясь, что он ничего не заподозрит.

Он кивает и кажется удовлетворенным. Но в его глазах я вижу искру недоверия.

— Починили?

Я качаю головой.

— Нет, поэтому она взяла мою.

— Понятно. Взволнованна завтрашним переездом?

Я улыбаюсь и целую его в губы.

— Очень взволнованна.

— Этот дом мы тоже оставим?

— Да, это будет дом для гостей. Я не хочу расставаться с этим местом.

— Да, и я, — улыбается он и обнимает меня.

Мы ложимся на диван и лежим, пока не вырубимся. Как обычно, он относит меня на кровать, укладывает и утыкается носом в мои волосы, крепко обнимая в своих руках.

— Я люблю тебя, — его последние слова перед сном.

Я сижу и смотрю, как перевозчики упаковывают мои вещи, а большинство наших вещей останется здесь. Мы оставляем кое-какую одежду, никогда не знаешь, вдруг понадобится комплект одежды, и весь декор тоже остается на местах.

Уборщица будет приходить раз в пару недель, чтобы вытереть пыль и прибраться. Теперь я просто дожидаясь, когда Джеймс закончит свою работу в офисе, и мы сможем поехать домой вместе. Я дрожу от волнения.

Я решаю все перепроверить, убедиться, что мы не забыли ничего важного. Фотоальбомы упакованы, кроме одного из наших многочисленных свадебных альбомов. Я оставлю его здесь, Господи, мужчина просто одержим нашей свадьбой.

Холодильник совершенно пуст. Электричество выключено из сети, чтобы мы не тратили его зря. Давай же, Джеймс! Мои коленки трясутся, пока я сижу на диване, и я игнорирую появившуюся из-за этого боль в животе.

Мари и Саммер написали мне смс и пожелали удачи с переездом. Я благодарю их обеих и начинаю ходить туда-сюда. Кажется, что часы тикают так медленно. К сожалению, ходьба напоминает мне о пробежках. Я так по ним скучаю.

— Дорогая, я дома, — кричит Джеймс. Я не даю ему времени, чтобы расположиться, мчусь к нему, хватаю за руку и вытаскиваю из квартиры. Он смеется, но следует за мной. — Не могу дождаться, когда смогу обновить каждую поверхность.

— Хм, — я улыбаюсь и целую его в шею. — И я тоже. А теперь шевели булками. Быстрее.

Поездка на машине в этот раз кажется необычайно долгой. Кажется, что проходят часы, когда на самом деле это минуты. Я раз десять давлу на сигнал Джеймса, прежде чем он шлепает меня по бедру.

Я растираю след от шлепка и показываю ему язык. Ну, давай же, поезжай быстрее, гребаный водитель.

— СВАЛИ С ДОРОГИ! — ору я, и Джеймс смеется. — Как можно доверять таким людям? Это же смешно.

— Я никогда не видел тебя такой взволнованной, — он фыркает, когда мы, наконец, подъезжаем к великолепному зданию Престон.

Швейцар приветствует нас и представляет сотрудников холла, но я только ворчу в ответ. Джеймс изо всех сил пытается не отставать. Было бы комично, если бы я не была так сосредоточена. Мы заходим в наш личный лифт, вставляем ключ-карту и ждем, когда нас поднимет наверх скоростной лифт.

— Я уже не могу дождаться, чтобы сотворить с тобой всякие развратные штуки здесь, — смеется он, прежде чем открываются двери. Я хватаю его за запястье и вытаскиваю за собой. Он вынимает ключ из кармана и вставляет в замок. Дверь щелкает и открывается.

— Сюрприз! — кричит хор голосов.

Я взвизгиваю и отступаю назад, на Джеймса, который смеется от моей реакции. Все здесь: Мари, Джессика, Крис, Тони, Сильвия, еще кое-какие друзья и даже Джейкоб.

Здесь так красиво. Большой диван в виде буквы U, оббитый серой тканью с крапинками черного и зеленого на подушках. Куча фотографий на стене. Огромный телевизор висит на стене напротив дивана. Слева — черные застекленные книжные шкафы и полки. Справа — коридор, ведущий в спальню и другие комнаты, такие как тренажерный зал, кабинет и т.д. Ванные соединены с комнатами. Столовая очень шикарная, выполнена в кремовых и золотистых тонах с огромным деревянным столом. Даже есть хрустальная люстра.

Все смотрят, как я рассматриваю обалденно красивую квартиру.

— Мне очень нравится. Я люблю вас, ребята. Большое спасибо, что пришли, — я улыбаюсь, и вечеринка начинается.

— Помнишь, как я хвастался своим домом? — говорит Джейкоб с застенчивой улыбкой. — Я беру свои слова обратно. Твой дом побил мой каждым гребаным параметром. Можно я перееду?

Я смеюсь и обнимаю его, перед тем как двигаюсь дальше. Сильвия подходит ко мне и целует в обе щеки.

— Следующая комната за вашей могла бы стать прекрасной детской.

— Да ладно, — вздыхаю я с притворным интересом. — Это отлично, потому что я как раз беременна.

Она открывает рот, а я хохочу. Я взвизгиваю, когда она шлепает меня по руке своим клатчем и уносится к компании, которая не так жестока. Джеймс болтает с Кайлом, Джереми и Джейкобом. Я смеюсь, когда Кайл берет автограф у Джейкоба и фоткается с ним. Джеймс подмигивает мне одновременно с Джейкобом, а я просто смеюсь и машу им рукой. Ни один из них не заметил действия другого.

Мари подходит ко мне. Она надела серебристое платье с открытой спиной. Выглядит офигенно, как всегда.

— Определенно, одобряю твою новую квартиру.

— Спасибо, детка, — я улыбаюсь и обнимаю ее. — Только представь ночевки с просмотром фильмов здесь. У меня есть собственный кинотеатр.

Я не пью алкоголь. Точнее, мне нельзя его пить из-за тех таблеток, которые я принимаю сейчас. А смотреть, как все вокруг напиваются... отстойно. Я хочу выпить. Вместо этого я надуваюсь, как вредный ребенок, и ем орешки. Софи благодарна, что я дала ей возможность улучшить свою репутацию. Потому что из-за работы, которую она сделала, — ее рабочий график забит на следующие полгода. Она смехотворна, это я благодарю ее за работу с нами. Она удивительная женщина.

Я очень часто проверяю свой телефон. Я беспокоюсь об Амелии и Лукасе. Я чувствую себя виноватой, сидя здесь с друзьями и выпивая вино за шестьсот долларов за бутылку, а он не может позволить себе купить еды из супермаркета и устроить дочке праздник.

— Эй, — говорит Джеймс, когда последние гости уходят. — Ты в порядке? Кажется, ты о чем-то задумалась.

Я сжимаю его руку, лежащую на моем плече, и дарю ему теплую улыбку.

— Все хорошо, дорогой. Я просто устала. А еще я скучаю по бегу.

— Врач сказал, что ты скоро сможешь бегать, — он усмехается и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку. — Пойдем в постель.

К счастью, до постели мы не добрались. Мы остались в коридоре, где занялись обалденным оральным сексом у стены. Затем вновь в гостиной, затем на кухне и, в конце концов, уснули в кровати, удовлетворенные и радостные. Говоря об оргазмах. Вау.

Сегодня я немного задерживаюсь на работе. Хочу закончить больше дел, чтобы взять парочку выходных. Работы больше, чем ожидалось и, к сожалению, в следующем месяце мне надо полететь во Францию.

У меня начались месячные, и теперь я пью таблетки. Надеюсь, скоро опять смогу заниматься сексом. Я вздыхаю с облегчением, когда получаю смс от своего возможного деверя. Он спрашивает, свободна ли я сегодня. И я сразу же отвечаю «да», и что заеду за ними в шесть часов.

Набираю сообщение Джеймсу.

Майя: Я собираюсь встретиться с Мари на пару часов. Увидимся, когда я вернусь домой. Хх

Джеймс: Хорошо, малышка. Хочешь, чтобы я пришел?

Вот дерьмо. Придется еще соврать. Ну, а что поделать?

Майя: Не сегодня, дорогой, у нас женский разговор.

Джеймс: Хорошо, красотка. Увидимся позже.

Я вздыхаю с облегчением и выхожу из своего кабинета, как только стрелки часов показывают пять тридцать. Движение на дорогах ужасное, но я приезжаю как раз вовремя.

— Привет, — Лукас улыбается, он нервничает. — Спасибо, что пришла.

— Не за что, — улыбаюсь я, пока он пристегивает Амелию ремнем безопасности на заднем сидении. Она болтает что-то про своих друзей из класса. Я не особо вслушиваюсь. — Так, как вы?

— Хорошо, — отвечает он. — А ты?

Я киваю.

— Хорошо. Новое жилье — просто замечательное. В столовой есть стеклянная стена с водой. Это так тихо и красиво. Вода стекает по стене и подсвечивается.

— Вау, — Амелия ахает. — Могу я увидеть стену с водой?

— Амелия, — строго говорит Лукас.

Я улыбаюсь ей в зеркало заднего вида.

— Я обещаю, что однажды, через несколько недель, я покажу тебе ее.

— А что, если тест ДНК окажется отрицательным?

Я пялюсь на Лукаса.

— Я не обману ее, не волнуйся.

Он с улыбкой смотрит на меня, будто я самая удивительная женщина в мире. Это трогательно. Я надеюсь, что он никогда не узнает, какая ненормальная я на самом деле.

Мы едем в «Плейхауз», в котором находится ресторан с огромной детской игровой площадкой. Я паркуюсь, и мы выходим из машины. Я не знаю, что делать, поэтому пихаю кипу купюр в руку Лукаса и, съезживаясь, обхожу кричащих детей, чтобы найти стол. Единственный свободный столик у окна, а я как раз таки и предпочитаю места возле окон, даже если они выходят на парковку.

— Ты дала мне триста долларов. Игра на той площадке стоит где-то пять долларов, и ужин долларов тридцать, — хмуро говорит он и держит деньги, садясь напротив.

Я беру меню и подмигиваю ему.

— Извини. Виновата. Оставь в качестве чаевых или положи себе в карман, ко мне они не вернутся.

— Мы не принимаем милостыню.

Я замечаю, что он сжал руку в кулак на столе.

Я зеваю и притворно потягиваюсь, будто не замечаю, что он сказал, и гениальная идея появляется в моей голове.

— Ну, хорошо, давай поборемся на руках, затем ты выиграешь, и получится, честно заработаешь.

Он закатывает глаза, прекрасно, еще один из клуба любителей закатывать глаза.

— Спасибо.

— За что? — спрашиваю я и открываю меню. — Хм, что порекомендуешь?

— Я просто хочу бургер. Амелия всегда ест рыбные палочки и чипсы, это ее любимое блюдо.

Подходит официант, и мы делаем заказ.

Амелия каждые три секунды кричит, чтобы папа посмотрел на нее, а я практически впадаю в истерику.

— Итак, расскажи мне о себе, Майя, — говорит он и делает глоток колы.

Я откашливаюсь:

— Ну, меня зовут Майя Джонсон. Теперь — Майя Фриман. Джеймса усыновили, когда ему было одиннадцать, думаю. Я узнала об этом пару месяцев назад, поэтому многого не знаю.

— Вау, найти меня было действительно очень сложно?

Я отрицательно качаю головой, и объясняю:

— Я нашла тебя больше месяца назад, но во время благотворительного обеда взорвался мой аппендикс.

— Ой, что случилось?

Я всегда прихожу в восторг при этом рассказе.

— Они отвезли меня прямо в хирургическое отделение. У меня лопнул аппендицит, и инфекция попала на все мои внутренние органы. Они думали, что все убрали, но оказалось — нет. Я проснулась на минуту, а потом умерла на целых две. Прямо на глазах Джеймса и

его мамы.

Он вздрагивает, и его зеленые глаза становятся грустными. Он вытягивает руку и сжимает мою.

— Мне так жаль, что это случилось с тобой. Надеюсь, сейчас ты в порядке?

Я сжимаю его руку и киваю.

— Честно говоря, я в полном порядке. Меня так просто не возьмешь. Иногда побаливает живот, я не могу бегать и нельзя какое-то время заниматься сексом, но я в порядке.

— Как ты можешь думать о сексе, когда ты в таком состоянии? — смеется он и в этот момент приносят нашу еду. Он зовет Амелию. Она приходит, садится и начинает, как безумная, поглощать еду.

— Это было, по-видимому, первым, о чем я спросила врача. Джеймс говорит, что я хуже, чем восемнадцатилетний парень, и что я лишу его достоинства, — хихикаю я, а он смеется еще сильнее. — Ты знаешь, он отличный парень. Слишком хорош для меня. Он хочет, чтобы мы уже сейчас завели ребенка.

— А ты не хочешь?

— Боже, нет, пока нет. Я едва могу следить за собой. Если бы у меня не было экономки, мой дом был бы кошмаром. Я слишком люблю свою свободу. Тем более, я даже на руках никогда ребенка не держала, и заводить своего собственного будет подобно прыжку в глубину, не умея плавать и для бедлама еще добавить пару голодных акул.

— Я был напуган, когда родилась моя старшая дочь. Просто в ужасе, на самом деле. Она была запланирована, но, когда остались считанные недели, я запаниковал. Паниковал по поводу каждой мелочи. Моя жена могла просто чихнуть, а я уже хватал сумки и был готов отвезти ее в роддом.

— А каким ты был, когда она родилась?

Он грустно улыбается мне.

— Это самая тяжелая и самая благодарная работа в мире. Мы были вместе, у нас был хороший дом, хорошие машины. Мы не были богаты, но редко беспокоились о счетах. У нас был приличный детский садик, и мы справлялись.

— Я сожалею о твоей потере.

— Спасибо. Было трудно. Но я должен был держать себя в руках ради Амелии. Она действительно ничего не понимает, ты знаешь?

Я киваю в ответ.

— Это просто случилось так быстро. По вине другого водителя.

Его лицо становится печальным, и я практически чувствую его боль.

— Мы ехали из продуктового магазина, когда машина выехала на красный свет. Группа подвыпивших подростков. Они врезались прямо с пассажирской стороны. Убив тем самым мою дочь; жена оказалась в больнице, но умерла до того, как я очнулся. С Амелией было все в порядке, она отделалась переломом ключицы. Я был в коме неделю, кроме травмы головы, я был в порядке. Подростки получили по году в колонии для несовершеннолетних и их лишили водительских прав. Я потерял свою дочь, свою жену, свою работу, дом и машину. Они получили двенадцать месяцев и лишение прав.

Я не осознаю, что плачу до тех пор, пока слезинка не скатывается по моей щеке. Я быстро вытираю ее. Амелия уже давно поела и ушла обратно на площадку, поэтому я не переживаю, что плачу. Я делаю это не очень часто. А если я плачу, то плачу по очень важным причинам.

Мне не стыдно за свои слезы сейчас. Потому, что я не слабая. Я чувствую себя сильнее, и на сердце становится теплее, зная, что я не совсем эгоистка.

— Все эти разговоры о смерти, — говорит он и откашливается. — Я сожалею, что полностью испортил наш вечер.

Я легонько смеюсь и отпускаю его руку, которую, оказывается, до сих пор сжимала.

— Нет. Это не так. Спасибо, что поделился этим со мной.

— Папа! — кричит Амелия, и наше внимание переходит на девочку, которая стоит на вершине башни.

Мы оба машем ей, и она скатывается вниз.

— Она великолепна. Она на самом деле очень нравится мне, а обычно дети не вызывают у меня такой реакции.

— Ты действительно говоришь то, что думаешь, — он смеется и бросает в меня скомканную салфетку.

Я в шоке от того, как легко и свободно мы общаемся. Как будто мы знаем друг друга много лет, а не пару дней. Я действительно люблю Амелию. По дороге домой она спросила меня, не хочу ли я остаться на ночевку. Сказала, что могу разделить место с ее папой. Спать «вальтом».

Лукасу это показалось очень смешным, но он объяснил ей, что мальчики и девочки не спят вместе, если не женаты. Что привело ее к мысли о том, что мы должны пожениться. Она так умна для четырехлетки, и я официально согласилась на статус «тети». Даже если он не брат Джеймса, я продолжу общаться с ними обоими.

Когда я приезжаю домой, то Джеймс смотрит на меня, говоря взглядом, что он в курсе, что я лгу. Я на самом деле чувствую себя дерьмово. Но не хочу разочаровать его. Я познакомлю их независимо от результатов теста, но хочу сделать все правильно. Я хочу представить его как брата.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мари: Сегодня утром пришел пакет! Принести?

Майя: Я на работе, сможешь занести сюда? Хх люблю.

Сейчас раннее утро, и я сижу в кабинете, просчитывая столько чисел, что клянусь, мой калькулятор скоро сдохнет. Это сводит с ума, я так чертовски занята и все не могу войти в свой ритм работы. Пометка для себя: не отвлекаться.

— Привет, — говорю я, когда Мари заходит и кладет пакет в мою сумку. — Как мы называем три отверстия в земле?

Она вздыхает и садится на диван.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты не взялась за свои дерьмовые шуточки...

— Ответь мне, сучка!

— Чудненько. Я не знаю. Как мы называем три холма на земле?

— Отверстия.

— Что? Я не понимаю.

— Ну, ты дуручка, что ли. Как мы называем три отверстия в земле?

Она фыркает:

— Ох, ну я не знаю. Скажи мне.

— Ну, ну, ну (прим. — в англ. языке Well, well, well обычно переводят «Ну, ну, ну»; обычно так говорят, когда видят что-то интересное и т.п. Но также слово well можно перевести как колодец, ямка и т.д.), — хрюкаю я, эта свинская фигня и правда становится моей проблемой. Мари просто моргает. — Нет? Не дошло? — я опять смеюсь. — Давай же. Так и не дошло? Хочу отправить этот прикол Джейкобу.

Майя: Как мы называем три отверстия в земле?

Джейкоб: Серьезно... Ты снова пытаешься пошутить

Майя: Почему вы с Мари всегда портите мои шутки?

Джейкоб: «Вздыхаю»... итак, как мы называем три отверстия в земле? Я просто должен знать.

Майя: Ну, ну, ну. Но скажи это сексуальным голосом и приподними бровь.

Джейкоб: Иногда я задаюсь вопросом...

Майя: Ты не должен, ты можешь пораниться.

Джейкоб: Ты мне сейчас очень не нравишься.

Майя: Вранье. Настоящее вранье.

Джейкоб: Ты живешь, чтобы усложнять мне жизнь?

Майя: Хе-хе, как-то Джеймс спросил меня то же самое. И нет — я живу, чтобы сделать ее интересной! ;)

Джейкоб: Я предпочел бы, чтобы мы говорили об обнаженке.

Майя: Я предпочла бы, чтобы ты не разговаривал вообще... Ох, надо идти, Мари вздыхает и топает ногой.

Джейкоб: Так же, как и я, принцесса. Как и я.

Я смеюсь и закрываю свою сумку.

— Так. Где мой кофе?

— Как ты смотришь на то, что мы сегодня вечером ходим на ужин? Моя мама пригласила нас, — говорит Джеймс, когда мы обедаем.

Я пожимаю плечами.

— Звучит неплохо. Мне нравится. В какое время?

— Восемь.

Он уходит, и я заканчиваю работу. Я иду на встречу с одним из моих парней, который создал органическую косметику для детей. Готовую для продажи. Если бы он презентовал мне ее неделю назад, я бы выпнула его из своего кабинета. Теперь я хочу целую сумку этой косметики для Амелии. Она сделана без химии и легко смывается. Я пробую ее и затем кладу обратно в симпатичные сумочки, в которых она идет. Стоит добавить, что Джеральд покинул мой офис пораженным и радостным. Если бы он показал мне этот проект месяца два назад, то я бы точно погнала его метлой из своего кабинета.

Я прячу косметику в своей сумке и когда возвращаюсь домой, запикиваю сумку в гардеробную, запрыгиваю в душ и переодеваюсь к ужину. Я выбираю великолепное черное платье от «Армани». Оно обтягивает бедра, длиной до колен и с разрезом до бедра.

В глазах Джеймса вспыхивает похоть, я уверена, что и в моих тоже, потому что он чертовски привлекателен. Его костюм — черный и идеально подходит ему, а его белая рубашка, будто из рекламы стирального порошка «Daz», еще на нем галстук-бабочка золотистого цвета. Он так подходит к его цвету глаз.

Мы смеемся и болтаем о том, как прошел рабочий день, пока я зализываю его волосы назад небольшим количеством воска. Он — настоящее мужское совершенство. Я наклоняюсь вперед и целую его в шею, он удовлетворенно вздыхает и затем спрашивает то, что будет преследовать меня весь вечер.

— Малышка, ты спишь с кем-то?

Мои брови ползут вверх, и я роняю расческу за пол.

— Нет. Конечно же, нет. Почему ты такое спрашиваешь?

— Ты ведешь себя странно. Виновато даже.

Я улыбаюсь и целую его в губы.

— Дорогой, у меня все болит, чтобы заниматься сексом, и если бы я решила вступить в связь, то сделала бы это с маленьким Джеймсом.

Он не выглядит убежденным. Я планирую хорошенько его убедить, когда мы вернемся домой. А сейчас я забираюсь к нему на колени, кладу его руки себе на попу и целую его со всей любовью.

— Я не хочу потерять тебя, — шепчет он.

Я не уверена, что должна была услышать это, поэтому молчу и вновь целую его, пока мы ждем машину.

— Я принесла вам кое-что, — улыбается Сильвия, когда Джеймс отодвигает мне стул, как истинный джентльмен. — Я уже заказала для вас обоих.

— Отдавай мой подарок, Сильвия! — шучу я и складываю руки перед собой.

— Можешь ты хоть к чему-нибудь относиться серьезно?

Я могу сказать, что она шутит. А поэтому, я просто игнорирую ее заявление и вытягиваю руки перед собой, как маленький ребенок. Она закатывает глаза и протягивает

мне бумажный пакет. Я открываю его и вытаскиваю... детские пинетки, белое детское одеяло, белую кофточку и белую шапочку.

— Мама, — шипит Джеймс, а я смотрю на крошечные вещи.

Я слышу нотки юмора в его голосе.

Сильвия сияет от гордости.

— Я не смогла удержаться.

Я запикиваю детские вещи обратно в пакет и вздыхаю.

— Хорошо. Давайте заключим с вами сделку. Если вы отстанете от меня со своими этими штуками о ребенке, то через шесть месяцев я прекращу принимать таблетки. Таким образом, у нас будет время на достойный медовый месяц, устроить все в офисе, чтобы было больше времени дома, и найдем того, кто заменит меня, чтобы я могла пойти в нормальный декрет.

Они оба смотрят на меня с широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами.

Широкая улыбка появляется на лице Джеймса.

— Ты имеешь в виду это? Шесть месяцев?

— Да.

— Как же я люблю тебя, — он смеется и прижимает свои губы к моим. — Ты как, мама?

Я смотрю на Сильвию и ахаю, когда вижу слезы в ее глазах. Она кивает, глядя прямо на свою тарелку.

— У меня никогда не было в семье новорожденного. Я не могла забеременеть и моя сестра тоже. А мой племянник гей и теперь живет в Англии, — она смотрит на меня. — Спасибо тебе, Майя. Я буду в состоянии наслаждаться внуками, не будучи слишком старой, чтобы передвигаться.

— Я не могу поверить, что через полтора года я могу стать отцом, — усмехается он и смотрит в потолок. — Мне определенно повезло.

— Так, давайте сменим тему, — смеюсь я и делаю глоток водки с клюквой. — Скажи-ка мне, когда мне придется идти на следующий ланч?

К счастью, другого ланча не будет в течение двух недель. Сильвия закатывает глаза, когда я победно вскидываю кулак, а Джеймс спрашивает, почему я ненавижу ланчи. Этот смехотворный вопрос заставляет меня и мою свекровь поднять брови. Мы объясняем ему, что это кучка самодовольных старушек, которые думают, что быть геем, негром или не иметь столько же денег — это очень отвратительно. Некоторые из них милые, но остальные — ханжи.

К концу вечера Сильвия смешит меня рассказами о детских выходках Джеймса. Я спрашиваю, почему она усыновила его — уже взрослого ребенка, а не какого-нибудь малыша. Я боялась, что обижу ее своим вопросом, но она лишь улыбнулась и ответила:

— Сначала я хотела малыша, а кто не хочет? Но я влюбилась в него с первого взгляда. Так же, как и его отец. Я помню, как он сидел в углу и дулся, потому что считал, что никто не захочет усыновить его. Это было просто душераздирающе. Лучшее решение в моей жизни.

Я сжимаю руку Джеймса, я рада быть частью такого прекрасного момента. Не думаю, что смогу забыть это. Такой милый момент между матерью и сыном.

Когда мы приезжаем домой, я ложусь в постель в розовой шелковой сорочке, наблюдая за тем, как мой великолепный муженек скачет по комнате, пытаюсь снять с себя обувь. Он красивый. Каждый дюйм его тела — мой, и я планирую изучить его, когда мне станет лучше.

— Мы правда попробуем зачать ребенка через шесть месяцев? — спрашивает Джеймс, когда я ложусь ему на грудь.

— Мы не будем пробовать, мы просто позволим природе сделать все по-своему. Я не собираюсь сходить с ума и начинать высчитывать дни овуляции. Мы просто перестанем предохраняться и посмотрим, что случится, — бормочу я сквозь сон. — А теперь спи.

Мой телефон звонит снова и снова. Я сажусь в постели в темноте и быстро поднимаю его. Ровно полночь. Черт побери, кто звонит в такое время?

— Алло? — шепчу я и проверяю, услышал ли Джеймс. К счастью, он все еще крепко спит.

— Майя, — Лукас с облегчением говорит в динамик.

— Привет, подожди секунду, — шепчу я и тихо выхожу из спальни. — Что случилось?

— Знаешь, ты сказала, я могу позвонить тебе, если в чем-то нужна будет твоя помощь, — его голос срывается, я слышу, как ветер разбивается о динамик телефона.

— Папочка, мне холодно, — хныкает Амелия на заднем фоне.

— Да, конечно, — говорю я, нервничая. — Что-то не так? Что случилось?

Я обуваю туфли и набрасываю пальто. Хватаю ключи от машины и выбегаю, не оглядываясь.

— Мы э-э. Нас выселили, и нам некуда было идти. Я думал, что найду что-нибудь до настоящего момента, но никто не помог нам и... — он немного всхлипывает и резко вдыхает.

— Я уже в пути, — говорю я и выскакиваю из лифта в холодную ночь. — Где вы?

— Мы возле «Уолмарт». Это рядом с моим домом.

Я кладу трубку и нарушаю все правила дорожного движения, когда проезжаю через город. Дороги относительно пусты, к счастью. Так что, я быстро добираюсь до «Уолмарт». Я вижу Амелию и Лукаса. Они стоят у двери. Два чемодана возле ног Лукаса.

— Эй, — говорю я, когда выбираюсь из машины. — Дай ее мне. И ставь чемоданы в багажник.

Он протягивает мне Амелию, которая дрожит и тихо плачет. Ее маленькие ноги оборачиваются вокруг моей талии, а руки обнимают мою шею. Я сажу ее на заднее сиденье и укрываю одеялом, прежде чем пристегиваю ремнем безопасности.

— Ребята, вы голодные? — спрашиваю я и включаю тепло, когда он забирается в машину.

— Нет, мы только что поели. Спасибо, Майя. — Он держит руки над обогревателем.

— Когда вас выселили? Уверена, они не могли выпнуть вас в такое время. — Если они сделали это, пусть молятся, что у них достойный юрист.

— Нет, они выселили нас еще утром, но...

Я поднимаю свою руку, чтобы остановить его. Я рассержена, взбешена, можно сказать. Я поворачиваюсь к нему, перед тем как включить зажигание.

— Но сейчас полночь.

— Я знаю, мы в отчаянии, — он совершенно не понимает, о чем я говорю.

— Нет, — говорю я и ударяю по рулю. — Я имею в виду, почему ты не позвонил мне раньше, черт возьми? Меня не волнует, что сейчас полночь, меня волнует, что твоя гордость не давала тебе позвонить единственному человеку, у которого ты знаешь достаточно денег, чтобы помочь. Я думала, что мы были друзьями?

— Я...

— Я ничего не хочу слушать в твоё оправдание, Лукас. Никогда, и я имею в виду никогда, не бойся просить у меня что-то. Я трачу шестьсот баксов на бутылку вина. Я плачу семь шпук за бутылку виски, чтобы просто прореветься. Я должна быть первой, кому ты позвонишь!

— Я едва знаю тебя! — кричит он мне в ответ, явно взволнованный. — Я не могу просто попросить...

— В отличие от людей, которых ты знаешь... огромная помощь от незнакомцев, ага? — успокаиваюсь, глубоко вдыхаю.

Как он мог быть так чертовски беспечен? Я хочу поцарапать его. Или вклеить тортом в лицо.

— Я знаю, я сожалею. Амелия, — он трет лицо руками и тихонько смеется, пока я выезжаю на дорогу, — она просила меня позвонить тебе. Когда они забрали нашу машину в качестве оплаты. — Он прикасается к моей руке на консоли и крепко ее сжимает. — Ты веришь в судьбу?

— Не-а.

Может быть.

— Я просто думаю, что это странно. На этой неделе я получил окончательное решение, и на этой же неделе ты стучишься в нашу дверь. Это не может быть простым совпадением.

— Что бы там ни было, я рада, что я здесь, Лукас. Даже если мы не семья. Я, может быть, не самая заботливая, но я щедрая. Если есть способ, и я могу помочь — то я помогу.

— Пожалуйста, посели нас в каком-нибудь мотеле на несколько дней. Этого хватит, чтобы я нашел нам место. — Он тихо добавляет: — Я обещаю, что верну тебе деньги.

В моей голове рождается идея, и я улыбаюсь ему.

— Что ты там говорил о судьбе?

— А что?

— У меня есть кое-что получше для вас. Намного лучше.

— Привет, Стефан, — говорю я охраннику в холле моего старого дома.

— Миссис Фриман, — он улыбается и нажимает кнопку лифта для меня.

Он смотрит с любопытством на Лукаса и Амелию, но ничего не говорит. Вот и хорошо.

— Куда мы идем? — спрашивает Амелия.

Я улыбаюсь и нажимаю на кнопку десятого этажа.

— Кажется, я поверила в судьбу, потому что у меня есть хорошая квартира, там никто не живет, и она меблированная.

— Ты уверена? — спрашивает Лукас, когда мы делаем шаг к двери, и я вытаскиваю ключ, чтобы вставить его в замок.

Я киваю и машу, чтобы они следовали за мной.

— Сейчас, я только все включу. Газ и электричество оплачены. К сожалению, здесь нет еды. Я арендую тебе машину завтра днем, — говорю я и иду дальше к шкафчику, чтобы щелкнуть выключатель. — Да будет свет, — я включаю свет. — Есть две спальни, две ваннанные комнаты, гостиная, столовая, кухня и так далее. Иди сюда, — я показываю ему, как работает освещение, жалюзи, отопление и тому подобное. — А теперь я должна идти. Если Джеймс проснется...

Прежде чем я заканчиваю свою речь, теплые руки оборачиваются вокруг меня, и я в ответ крепко его обнимаю.

— Спасибо тебе. Огромное, — шепчет он в мои волосы. — Ты уверена, что это нормально?

— Перестань спрашивать, — смеюсь я. — Только не отвечай на звонки. Ты можешь пользоваться телефоном, но не отвечай. Так, хорошо. Я вернусь завтра, — я шарю в сумке, достаю бумажник, вытаскиваю наличные и кладу на стол. — Автомобиль будет здесь в семь тридцать завтра утром. Своди малышку на завтрак, отвези в школу, купи еду и звони, если что-то понадобится.

Я не жду его ответа, поскольку сейчас середина ночи, а меня нет дома, и Джеймс, наверное, проснулся и распахнулся. Мой телефон практически разрядился, поэтому я быстро пишу смс-ку в компанию по аренде машин, которую мы обычно используем, и выключаю его. Нет пропущенных: ни звонков, ни сообщений. И я молюсь, чтобы он еще спал.

Я вхожу в квартиру и с облегчением вижу, что по-прежнему темно. Я вешаю свое пальто и иду в спальню как можно тише. Мое дыхание звучит как сирена, когда я вхожу и делаю шаг к кровати. Джеймс лежит на животе и издает легкий храп. Я улыбаюсь и залажу под одеяло рядом с ним.

Он переворачивается и крепко обнимает меня.

— Где ты была? — спрашивает он, и я мгновенно напрягаюсь.

— С Мари, ее автомобиль снова сломался, — обманываю я, но мой голос остается уверенным. — Она застряла. Я думала, что смогу съездить к ней туда и обратно, и ты даже не заметишь, прости.

— Так если я позвоню Мари и спрошу ее, то она подтвердит? — говорит он и кладет голову мне на грудь.

В его голосе явно чувствуется обвинение.

Я киваю.

— Да. Конечно.

Мари знает, что нужно делать в этой ситуации. Мы всегда все планировали заранее, на разные подобные случаи. Мне даже не нужно напоминать ей об этом.

— Тогда скажи мне, почему ты воняешь мужским лосьоном после бритья, — он рычит и отталкивается от меня. Одна его рука ложится на лицо, когда он переворачивается на спину. — И не смей отрицать это.

— Я не изменяю тебе! — практически кричу я, поворачиваясь к нему. — Я клянусь. Если ты не доверяешь мне, то ты глупец.

— Ты воняешь дешевым лосьоном после бритья, Майя, — выплевывает он. — Ты улизнула посреди этой гребаной ночи, выключила телефон и говоришь, что была с Мари.

— Я была с Мари, я не знаю, почему ты думаешь, что я воняю. Прости, конечно, но то, что я говорю, — правда. Просто поверь мне.

— Ты клянешься? Моей жизнью?

Я беру его лицо в свои ладони.

— Я клянусь, дорогой. Клянусь твоей жизнью, своей, жизнью Мари. Клянусь, что я не занималась сексом с другим.

Я понимаю, что мне, возможно, придется сказать ему правду в ближайшее время. Как только подобные сомнения оказываются в голове, они будут только расти. Если все станет хуже — я скажу ему, я лишь надеюсь, что он немного доверяет мне. Можете представить, как счастлив он будет, когда появятся результаты? е, я молюсь об этом. Я больше всего на

свете хочу, чтобы Джеймс воссоединился с давно потерянным братом. Пожалуйста, Господи, сделай мне одолжение.

— Я люблю тебя, я никогда не раню тебя так, — говорю я шепотом и показываю, как много он для меня значит.

— Я позвонил Мари. Я больше никогда не буду сомневаться в тебе, — говорит Джеймс и тянет меня в свои объятия. — Я так сожалею. Сможешь ли ты простить меня?

— Я сама виновата, дорогой. Я должна была сказать тебе. Обещаю, что не ускользну снова, не сказав тебе.

Он улыбается и целует меня.

— Как насчет того, чтобы провести весь день в постели? Что скажешь?

— Звучит здорово, дорогой. Но в ближайшее время мне придется уйти. Повезу Мари за новой машиной. А то она слишком привязана к своему куску хлама. Это последнее, что осталось от ее папы. Поэтому ей следует поставить его в гараж. Я беспокоюсь о ее безопасности. Ты не возражаешь, если я поеду с ней?

— Мы пойдем вместе, ты знаешь, я хорошо умею торговаться.

Я поворачиваюсь и подмигиваю. Черт, черт, черт.

— Зачем тебе это? Я вернусь буквально через час или два. Мы всегда вместе.

— Прекрасно, — говорит он, выглядя обиженным. — Я сожалею. Я не буду спрашивать снова.

Ты испортишь нам все, сучка...

Заткнись. Глупое Либидо.

Скучала по мне?

Игнорирую тебя.

— Не будь ребенком. Я буду с тобой весь день, за исключением этих двух часов. Помнишь, мы хотели сделать все потихоньку. Не задуши меня, — говорю я тихо и тянусь к нему, но он отталкивает. — Малыш, пожалуйста.

— Забудь, Майя, — он рычит и выходит из комнаты. — Я собираюсь на работу. Я не хочу задушить тебя.

— Черт возьми, Джеймс! — кричу я и бегу за ним. — Не надо так. Я никогда не жаловалась, когда ты уходил и делал то, что хотел. Что я сделала? Я обещаю, что не буду долго.

Он кивает, но уходит, ничего не говоря. Я бегу к гардеробу, хватаю свою сумку, в которой находится ДНК-тест и косметика. Затем иду к своей машине, даже не попрощавшись. Господи, почему мой мужчина такой сложный. Я не могу его винить. Нам необходимо поговорить о доверии.

Я выхожу из лифта и стучу в дверь своей квартиры. Это так странно стучать в дверь собственной квартиры.

— Привет, — Лукас тянет меня в квартиру с сияющей улыбкой. — Все хорошо?

Я киваю и сажусь на диване, который так мне знаком.

— Я пришла с подарком для маленькой принцессы. Моя компания только что выпустила новый продукт. Это детская косметика, полностью натуральная и стирается легко. Я принесла Амелии сумочку. Можешь сказать, что это от тебя, — я протягиваю ему розовую сумку с различными тенями для век, румянами и блесками для губ. — Все они растворимы в воде и абсолютно безопасны для кожи.

Он улыбается и садится рядом со мной.

— Спасибо. Я доверяю тебе в этом. Я погуглил тебя этим утром на удивительном компьютере, который увидел в кабинете. Теперь я знаю, что ты гений химии. Ты превратила миллион в миллиард за пару лет, сразу после университета. Ты говоришь на четырех языках, любишь вечеринки, ты трудолюбивая, вышла замуж четыре месяца назад. Сплетники говорят, что это был брак по договоренности...

Я кладу руку ему на рот и притворно хмурюсь.

— Ты мог просто спросить меня.

— Да, но, зато теперь я знаю, что у тебя есть своя страница в Википедии, — он смеется и поднимает газету. Я замечаю, как он отметил несколько объявлений красным кружком в разделе «Вакансии». — Не знаешь, где можно найти работу столяра?

Я пожимаю плечами.

— Я знаю многих людей. Ты хочешь работать по этой профессии?

— Я, честно говоря, не знаю. Мне просто нужна работа, чтобы платить по счетам.

— Хорошо, я спрашиваю, — я улыбаюсь. — Когда у меня получится, я открою тебе счет. Это точно не сегодня, пока Джеймс...

— Он узнал, что тебя не было прошлой ночью?

Мои плечи опускаются.

— Он не доверяет мне. Он любил меня задолго до нашей помолвки. А я плохо к нему относилась, поместила в его голову сомнения. Он знал, что я не любила его, и сейчас, когда полюбила, он не верит. Он думает, что я собираюсь изменить ему, и я только подкармливаю его паранойю.

— Почему бы нам просто не сказать ему? Это, наверное, лучше, чем паранойя.

Я киваю.

— Это я и сделаю, если он спросит меня снова. Я просто скажу ему. Я очень хочу удивить его. Это будет так здорово, он действительно скучает по тебе.

Я вытаскиваю ДНК-комплект и открываю первый прямоугольный конверт с палочками внутри. Я вытаскиваю их из пластикового корпуса и поворачиваюсь к нему.

— Открой рот, — я улыбаюсь. Я держу руку на его щеке, чтобы уравновесить себя, когда он откроет рот. Я провожу палочкой по щекам, деснам; его мятное дыхание обвеивает мое лицо. — Еще одна, — говорю я и провожу второй палочкой быстрее.

Я нацарапываю его имя, возраст и номер телефона на лицевой стороне конверта и кладу обратно в свою сумку.

— Я лучше пойду, — говорю я и хватаю свою сумку. — Помни, звони мне. — Я бросаю еще пачку денег на стол. — Это не милостыня! — кричу я в ответ на его протесты и закрываю за собой дверь.

— Джеймс! — кричу я, когда он бросает меня на стол.

Нет ничего нежного в нашем сексе. Каждую ночь, после того как он обвинил меня в измене, он вдалбливается в меня. Как будто наказывает меня, но потом ведет себя так, будто ничего не произошло.

— Я люблю тебя, — кричу я, когда он падает на меня сверху.

Вся эта ситуация беспокоит меня. Я не знаю, как справиться с этим, а Джессика не знает и половины происходящего, так что ее советы не помогают. Мари просто говорит мне подать на развод...

Я паникую немного. Я хочу сказать ему. Он говорит, что все хорошо, но секс говорит об обратном.

— Я тоже люблю тебя, малышка, — шепчет он мне на ухо. — Так сильно, что даже больно.

— Мы опаздываем на работу, — хихикаю я.

Мне удалось получить несколько палочек от Джеймса в тот же вечер, что и у Лукаса. Он спокойно спал, пока я все делала, и теперь я жду результатов. С того момента я стала видеть Лукаса и Амелию каждый день. И каждый день малышка была накрашена косметикой. Лукас был счастлив, потому что счастлива она.

Я снова взяла их на ужин в то место, но только в этот раз Амелия завела подругу в школе, которая тоже была там. Было здорово видеть, как она играет с другим ребенком. Я так гордилась ею, что на пару секунд подумала о своих собственных детках, но сразу вспомнила, что буду дерьмовой мамашей и что в принципе не люблю детей. Амелия была другой. Она не вредничает и не ноет, она забавная и играет в игры, которые мне нравятся.

Лукас — удивительный человек, он по-прежнему работает в «Уолмарт», но работа не постоянная, а зарплата просто до слез смешная. Поэтому я открыла ему счет в банке, связанный с моим собственным. Я сказала ему, что он может использовать столько, сколько ему нужно и когда ему нужно. Я не глупая, поэтому установила лимит десять тысяч долларов в неделю. Я бы никогда не доверила никому свой банковский счет.

Сегодня необычайно долгий день на работе. Новая детская косметика только попала на прилавки нескольких магазинов по всему городу. Если продажа пойдет хорошо, мы будем расширяться. Хотя косметика доступна на нашем интернет-сайте, и мы уже продали довольно много.

После работы я еду прямиком в свою квартиру. И я обнимаю четырехлетнюю малышку, которая открывает дверь. Ее папа, по-видимому, в душе. Я сижу и играю с ней в куклы, пока ее папа делает свои дела. Джессика — мое прикрытие на сегодняшний день. Она не знает, что происходит, но я знаю, что она прикроет меня. Это только потому, что Мари сегодня ходит по магазинам. И есть большая вероятность, что Джеймс увидит ее. Не могу рисковать, когда мы так близко к цели.

Приблизительно десять минут спустя выключается вода и влажный, загорелый мужчина выходит из ванной, и на нем нет ничего, кроме боксеров. Он проходит мимо меня, причем, не замечая меня на полу, и направляется на кухню. Я слышу, как холодильник открывается и закрывается.

— Закройте рот, — Амелия хихикает и закрывает мне рот своей маленькой рукой.

— Черт, твой папочка Г.О.Р.Я.Ч. Горяч, — шепчу я.

И он правда такой, он более накачан, чем Джеймс, но я все равно предпочитаю Джеймса. Господи, это нехорошо для моего либидо. Все, что ему нужно — это немного масла. Ням. О е, я больная! Я мечтаю о брате своего мужа.

Эй, мы всего лишь люди!

Так и есть, либидо. Так и есть.

Он выходит из кухни и внезапно останавливается, когда видит меня. Он ахает, я ахаю, он смотрит вниз на свой обнаженный торс, а потом на меня.

— Так вот почему ты еще не оделся, папочка? Майя думает, ты голячий, — невинно говорит Амелия.

Убейте меня, просто убейте.

— Я не горячий, со мной все в порядке.

О, да ты... такой чертовски горячий.

Лукас ухмыляется и подмигивает перед тем, как пойти обратно в спальню. Самодовольный засранец. Он возвращается мгновение спустя в рубашке, и все еще в своих обтягивающих серых боксерах. Надо поднять глаза.

— Извини, я бы надел джинсы, но домработница забрала их все в чистку. Она взяла карту, которую ты дала мне. И сказала, что моя одежда — это ужас и, вероятно, с блохами.

— Она сказала, что собирается купить мне новые платья, — Амелия улыбается.

Я смеюсь и киваю.

— Это в духе Хлои. Она очень придирчивая и не стесняется говорить то, что думает.

— Ты не против этого? Я пытался отговорить ее. Но она сказала, что раз ты дала мне денег, чтобы тратить, то я должен использовать их. Поэтому я сказал, «хорошо, я схожу попозже в «Уолмарт» за покупками», я думал, у нее случится сердечный приступ, — он смеется и плюхается на диван. — Ой, извини, тебе что-нибудь принести попить? Я все еще чувствую себя неловко, спрашивая, потому что это твоя квартира, но я вроде как на правах хозяина теперь. Поэтому. Пить хочешь?

— Н... нет, — говорю я и бросаю подушку в него. — Господи, прикройся, мое либидо вышло на поле боя. Так неправильно, чертовски неправильно во многих смыслах. — Последняя часть выходит невнятным бормотанием.

— Я заставляю тебя нервничать?

Мне нравится смотреть на озабоченность на его лице. Это очаровательно, так же, как и у Джеймса.

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, честно, нет. Правда. Я просто... я... Я думаю, что теперь я что-нибудь выпью.

— Воды? — он ухмыляется, явно находя все это забавным.

Я киваю в ответ, и мой взгляд опускается на его задницу. Конечно, я не собираюсь ничего делать, и я пытаюсь свести к минимуму мои рассматривания. Очевидно, что у Джеймса лучше, но не сильно отличается.

— Умри! — кричит Амелия и сбивает мою Барби своим игрушечным автомобилем. — Эй, тетя Майя, я убила тебя.

Спасибо, е, за это.

Она машет рукой перед моим лицом и возвращает меня к реальности.

— Извини, малыш. МММ... ААА, о ужас, ужас. Я умираю. — Барби бьется конвульсиях. — Скажи моему папе, что мне очень жаль, и, что я люблю его, — крихчу я и умираю вместе с куклой.

— Для той, кто говорил, что не очень хороша с детьми, ты прекрасно знаешь, как занять четырехлетку.

Я открываю глаза и вижу, что Лукас стоит надо мной. А Амелия возлагает цветочки на мое туловище.

— Мой психический возраст как раз на четыре года, как раз для таких игр. Смотри, сейчас мы хороним меня, — я подмигиваю и обращаюсь к Амелии. — Я думаю, что нам стоит сыграть в другую игру. Мою самую любимую.

— Какую?

Я встаю и с улыбкой говорю:

— В прятки. Папочка водит.

Я пихаю Лукаса за диван, он садится и закрывает глаза, прежде чем начинает считать.

— Быстрее, — шепчу я, хватаю Амелию за руку, и мы бежим в спальню. Мы направляемся в пустой гардероб. Я хватаю одеяло с верхней полки и двигаю ее в дальний угол. — Садись.

Она садится, хихикнув в руку. Я прижимаюсь к ней и накидываю одеяло на наши головы.

— Готовы или нет? Я уже иду! — кричит Лукас, и мы слышим шаги. Он идет по коридору. — Хм... где же, где они могут быть. Они могут быть под... ладно, тут нельзя спрятаться под кроватью. Странная кровать. Тааак... может быть, они в ВАННОЙ? — его шаги приближаются. — Может быть, они в гардеробной!

— Ш-ш-ш, — говорю я, когда Амелия начинает хихикать.

— А не Амелию ли я слышу? — говорит он вполголоса, а его шаги приближаются. — Хм, я вижу, что-то торчит под одеялом. — Он рычит, как зверь, и мы с Амелией падаем вниз под тяжестью веса. Нас хорошенько прижали к полу, и мы безудержно смеемся, когда с нас срывают одеяло. — Нашел, — он начинает кусать Амелию за шею, а она кричит и извивается под ним, перед тем как с визгом убежать.

Лукас с улыбкой смотрит на меня и поднимает на ноги.

— Моя очередь! — кричит Амелия и начинает отсчет. — Семь... Три... Четыре... Один... Десять!

— Черт возьми, — шиплю я и тяну его за кровать, мы ложимся возле кровати на мягком коврик. — Шшш, — ворчу я, пока он тихо хохочет.

Он так близко, я чувствую его дыхание на своей щеке и запах мяты от его зубной пасты.

— Где вы? — говорит Амелия и ищет в гардеробе, затем в ванной и выходит из комнаты.

— Я мастер в этой игре, — хихикаю я и поворачиваю свою голову к Лукасу. Он смотрит прямо на меня, его глаза горят зеленым, брови нахмурены. Я узнаю этот взгляд, Джеймс так смотрит прежде... О боже, нет! — Ты в порядке? — спрашиваю я шепотом.

Он сплывает, и я смотрю широко открытыми глазами, когда он придвигается, его взгляд мечется между моими глазами и губами. Затем мягкие губы касаются моих, а рука сжимает мои бедра, он перекатывает меня на спину, нависает надо мной, его щетина царапает мою щеку, а язык пытается приоткрыть мой «слишком шокированный, чтобы двигаться» рот.

— Черт возьми, Лукас! — возмущенно кричу я и сталкиваю его с себя, при этом, не отвечая на поцелуй, стоит добавить, что я горжусь собой.

Он со стуком скатывается с меня. Я быстро вскакиваю на ноги, тяжело дыша от шока

или гнева, не знаю. Не могу поверить в то, что произошло.

— Черт, Майя, прости меня, — говорит он и выглядит униженным.

Я отхожу от него прямо к Амелии, чтобы она нашла меня. На ее лице отпечатывается расстройство, когда я влетаю в комнату и хватаю сумку. Бедная малышка, мне надо успокоиться, пока я не расстроила ее.

— Майя, — говорит Лукас, спотыкаясь о табуретку для ног, пытаюсь догнать меня, и это было бы смешно, если бы я не была так взбешена. Он кладет руку на дверь прежде, чем я успеваю открыть ее. — Майя, прости.

— Зачем надо было все усложнять? — выплевываю я и вздрагиваю, когда слышу всхлипы Амелии.

Она никогда не видела меня злой, мне говорили, что я могу убить взглядом. Я присаживаюсь вниз и притягиваю ее в объятия.

— Эй, малышка, сделай мне одолжение и пойдди поиграй. Нам с твоим папочкой надо кое-что обсудить.

— Ты сердишься на меня?

Я улыбаюсь и отрицательно качаю головой:

— Нет, конечно, нет. Ты моя самая любимая девочка во всем мире. Но я зла на твоего папу. Так что иди поиграй, хорошо? И чтобы ни случилось — ни я, ни твой папа не злимся на тебя. Договорились?

— Да, — говорит она и показывает язык папе, прежде чем топает в комнату.

— Майя, я... — он тянется вперед, чтобы взять мою руку, но я убираю ее. — Мне так жаль. Я не знаю, что на меня нашло.

— Серьезно? — насмехаюсь я и указываю на выпирающую эрекцию в его боксерах.

Весьма впечатляющая эрекция.

Заткнись, либидо. И отвечаю на твой вопрос... нет, я не скучала по тебе.

— Черт, — он ворчит и косится через плечо, очевидно, беспокоится за Амелию. — Майя... ты ненавидишь меня?

— Немного, — ворчу я и тру глаза. — Разве я давала какой-то знак, говоря... Эй, я хочу изменить мужу с его возможным братом? Я знаю, что люблю флиртовать и говорю все, что приходит на ум; и да — у тебя невероятное тело, и я разглядывала тебя чуть ранее, но я всего лишь человек; и я отказала тебе не потому, что ты недостаточно хорош, а потому, что я замужем, и по каким-то гребаным причинам люблю своего мужа. И я никогда не раню его таким образом, — я снова смотрю на его боксеры. Затем поднимаю взгляд к его расширенным от ужаса глазам. — И е, это действительно отвлекает, мне лучше уйти.

Я пытаюсь нажать на дверную ручку и делаю глубокий вдох, когда Лукас не отпускает дверь. Я бьюсь головой о дверь пару раз, пока Лукас не хватает меня за плечи, чтобы остановить.

— Закончила?

Я киваю, игнорируя боль в голове.

— Угу.

— Майя, прекрати анализировать, что ты сделала неправильно, — он присаживается немного, чтобы взглянуть в мои глаза. Его глаза наполнены сожалением, и это немного меня

смягчает. — Ты не сделала ничего плохого. Это моя вина, я мужчина. Ты чертовски прекрасна, и ты удивительный человек. Я просто видел, как ты лежала там, я чувствовал твой запах, черт, твой прекрасный запах. И это опьянило меня. Твоя грудь двигалась с каждым вздохом, и я был заморожен, я забыл, кто ты, и где мы были, на мгновение. Прости.

Я успокаиваюсь.

— Хорошо. Только не делай так больше. Потому что я правда хочу, чтобы мы были друзьями и, надеюсь, семьей. И во время семейных сборищ будет немного неловко. Поэтому больше так не делай.

Он кивает, улыбается мне, притягивает к своей груди и целует меня в лоб.

— Мне очень жаль, — его штучка дергается возле моего бедра, и он напрягается. Я хихикаю, когда он краснеет и отпускает меня, чтобы прикрыться между ног. — Мне нужен холодный душ.

— Я должна идти, — говорю я, пытаюсь подавить хохот. — Я не хотела бы быть мужчиной.

Он делает шаг назад и прикусывает нижнюю губу.

— Ты вернешься?

— Конечно, только не сегодня, — говорю я и захожу обратно в комнату. — Эй, малышка, я ухожу.

— Не уходи, — всхлипывает Амелия и бросается в мои объятия. — Не уходи.

— Мне надо, принцесса, у меня много работы, которую нужно сделать.

— Ты вернешься?

Я киваю и целую ее в макушку.

— Завтра, хорошо?

Она кивает и идет проводить меня к двери. Я слышу, как включается душ. Я немного посмеиваюсь, выходя из здания и гадаю, что же произошло несколько минут назад.

— Ты в порядке? — спрашивает Джеймс, когда я бросаю свою сумку на стол. Моя голова болит и мне нужна горячая ванна, а еще книга. — Ты выглядишь утомленной.

Я киваю.

— Просто некоторые вопросы во Франции. Наверное, мне придется уехать через пару недель.

Это правда, которая только добавляет стресса. Так что технически я не вру.

— Почему бы и мне не поехать? — спрашивает он и сжимает мои бедра. — Звучит как отличное место, чтобы побыть вдвоем.

Я качаю головой.

— Я буду работать все время. Меня не будет максимум несколько дней.

— Хорошо, — говорит он, и я вижу, что он выдавливает из себя улыбку. — Ты уверена, что с тобой все хорошо?

— Я же уже сказала, что все нормально? — выплевываю я, и он отступает немного в шоке. — Прости. Я просто... не в настроении. Не принимай это близко к сердцу. Столько всего сейчас происходит.

— Поговори со мной об этом.

Твой возможный брат пытался трахнуть меня... давай-ка посмеемся над этим. Хуже

всего то, что я хотела этого. Я, вероятно, фантазировала об этом. Потому что он — запретный плод. И, черт, я обожаю делать то, что запрещено.

Я качаю головой и прохожу мимо него.

— Я не хочу говорить, я просто хочу принять горячую ванну и заснуть, читая хорошую книгу.

— Я могу придумать способ, как мы можем снять стресс вместе, — шепчет он мне на ухо и сжимает мои бедра.

Его брат только что касался твоих бедер. Ты действительно хочешь сделать это?
Пожалуйста, сделай это. Чувствуешь жжение между ног. Это я пою для тебя.

— Не сегодня, — говорю я, удивляя даже себя.

Он слегка посмеивается.

— И начинается... — бормочет он. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. — Что, черт возьми, это значит?

— Ничего. Очевидно, это должно что-то значить. Просто я не хочу заниматься сексом прямо сейчас. Что плохого в этом?

— Ты — Майя, и здесь все плохо. Ты никогда, никогда не отказывалась от секса, — смеется он невесело. — До этого ты тоже едва хотела. Я видел, что ты просто делала это, потому что должна. Или думала, что должна.

— Не будь смешным, я люблю заниматься сексом с тобой. Просто был тяжелый день в офисе, а затем я встретила Джессикой, потому что она думает, что я ею пренебрегаю, — говорю я и падаю лицом на кровать. — Не забывай, что у меня еще болит живот после операции.

Это тоже правда, но боли не сильные.

— Позволь мне сделать так, чтобы ты чувствовала себя лучше, — говорит он нежно и убирает мои волосы в сторону. Я чувствую его язык и губы на своей шее и автоматически сбрасываю его с себя. — Прекрасно. Да пофиг. Я ухожу.

— Отлично! — говорю я и бросаю свое пальто на пол. — Отличный муж: у меня стресс, и он заставляет меня чувствовать себя виноватой, потому что я измотана и не хочу заниматься сексом. Спасибо, Джеймс. Ты действительно знаешь, как позволить девушке чувствовать себя любимой.

Он открывает рот на мгновение и стреляет в меня гневным взглядом.

— В отличие от...

Я жду, чтобы он закончил, но он не делает этого. Он прикусывает губу и делает несколько глубоких вдохов.

— В отличие от чего, Джеймс? Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Нет, ты права. Я просто засранец, — его взгляд смягчается, и он подходит ко мне. — Прости меня.

Я киваю и обнимаю его за талию.

— Я люблю тебя.

— Да, — вздыхает он и целует мои волосы. — И я люблю тебя.

Я уверена, что он сказал это, но так тихо, что, возможно, я придумала это. Я не думаю об этом, а делаю так, как и хотела — нежусь в теплой ванне.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Я сижу с Мари в моем кабинете, рассказывая ей о Лукасе, Амелии и их ситуации. Мари кивает и вставляет фразы во всех нужных местах. Затем она выпаливает:

— Так что, Джеймс ничего не подозревает?

Я пожимаю плечами.

— Не думаю. Я сказала Лукасу, что если он обвинит меня в измене, то я все расскажу ему, потому что не хочу, чтобы мы расстались, но он больше не поднимал эту тему, кроме того раза. Скоро должны прийти результаты. Не могу дождаться!

— Да, я уверена, — Мари улыбается и набирает что-то на своем телефоне. — Ты говорила с Джейкобом?

Я киваю.

— Да, мы переписывались. Почему ты спрашиваешь?

Она пожимает плечами.

— Я не знаю... он пригласил меня приехать к нему в ЛА. Что думаешь?

Я широко улыбаюсь.

— Это здорово, езжай и развлекись.

— Я не хочу ехать, пока вся эта драма не успокоится. Не могу дождаться, чтобы увидеть, чем все закончится.

— Я рада, что моя жизнь может развлечь тебя.

Мой телефон пикает:

Джеймс: Мне надо съездить в Сиэтл, малышка. Там был пожар в одном из наших магазинов. Я вернусь сегодня вечером.

В этот момент приходит еще одно сообщение.

Лукас: Пришли результаты! Поторопись.

Отвечаю сначала Джеймсу.

Майя: Хорошо, дорогой. Когда ты вернешься, нам нужно поговорить. Это важно. Хорошо?

Джеймс: Стоит беспокоиться?

Майя: Я не знаю, но уверена, что нет. Увидимся вечером xx

Джеймс: Хорошо.

Затем Лукасу.

Майя: О, мой бог! Я буду как можно скорее!

Лукас: Поспеш!

— Я должна идти! — я с визгом хватаю свою сумку. — Результаты пришли.

— Удачи! — кричит она мне вслед.

Я спешу в свою квартиру и влетаю в лифт, используя трюк Мари с кнопкой закрытия дверей и номером этажа. Лукас ждет меня у двери. Я не могу дождаться, поэтому разрываю конверт прямо там.

— Шансы родства 99,9%! — кричу я и начинаю визжать. Лукас усмехается и ловит меня, когда я прыгаю на него, обхватываю ногами его бедра и целую в лицо снова и снова. — Это просто фантастически! О, мой бог! Джеймс... он будет в восторге! И Амелия!

— Прекрати дергаться, — смеется он и несет меня в квартиру. Я становлюсь на ноги и вручаю ему письмо. — Боже, я не могу поверить в это. Это все так...

— Да, я знаю. — Я смеюсь и обнимаю его снова. — Давай, отпразднуем. Черт возьми Амелия в школе. Эмм... давай просто успокоимся на мгновение.

— Это так здорово, у меня есть брат, — он смеется и садится рядом со мной. Его взгляд смягчается. — Я сказал тебе спасибо? Или еще нет? За все, что ты сделала.

Я смеюсь и прижимаюсь к его боку.

— Не надо меня благодарить. Я сделала то, что любой нормальный человек сделал бы.

— Нет, ты удивительная, Майя. Джеймсу очень повезло. — Он улыбается и целует меня в лоб. Не могу ничего сделать, но мне очень нравится, как он это делает. — Так, сейчас думаю, что это нормально, если ты расскажешь мне побольше о нем? — он не хотел знать раньше, потому что не хотел создавать образ в своей голове, который потом могли оторвать от него.

Мы сидим следующие несколько часов, болтая о Джеймсе. Я рассказываю ему все о нашем браке по договоренности и о том, как я знала, что нравилась Джеймсу уже много лет. Я говорю ему, какое я дерьмо, потому что спала с его другом и не рассказала ему. Теперь, когда он наша семья, я рассказываю ему, что могу расстроить его, потому что это я обычно и делаю. Что я просто жду, когда Джеймс поймет, что я недостаточно хороша для него. Разговор перетекает в то, что я выбалтываю все свои секреты, страхи и к тому времени, как заканчиваю, я задыхаюсь, мое лицо мокрое от слез, а Лукас обнимает меня.

— Вау, да ты еще больше заблуждаешься, чем я думал раньше, — фыркает Лукас, когда я заканчиваю. Я открываю рот, чтобы ответить, но он кладет свою руку на мой рот. — Все, что ты думаешь о себе — неправда. Ну, трахнула ты пару парней и не хотела успокоиться. Ты облажалась, ты просто человек. Но у тебя золотое сердце, Майя. Ты будешь отличной мамой, потому что ты прекрасный человек. Джеймсу повезло с тобой, он это знает, я это знаю, черт, весь мир это знает. Может быть, ты была немного эгоцентрична некоторое время, но я слышал, как ты говоришь о своих друзьях и как переживаешь за Джеймса. Просто потому, что ты не заметила, как парень втюрился в тебя, не значит, что ты ужасная, это лишь значит, что ты была немного рассеянной, ты была лишь ребенком. Не позволяй никому вынудить тебя чувствовать себя не в своей тарелке, понятно?

— Ты можешь убеждать себя в этом, но, когда я расстрою тебя, вспомни этот разговор, — я смеюсь и отлепляюсь от него. — Сходи заberi Амелию из школы. Ты запомнил, в какое время приходить, верно?

Он кивает с улыбкой.

— Да.

— Хорошо, я не могу дождаться, когда увижу его лицо, — я хихикаю и целую его в щеку. — И, пожалуйста, нанеси другой лосьон после бритья. Тот, что я принесла тебе. А то этот жутко воняет.

— Этот лосьон за шестьсот долларов, — он ахает и открывает дверь.

— Ты теперь часть нашей семьи. Мой брат ни за что не будет мазать себя средством от насекомых вместо лосьона.

— Он стоил мне двенадцать долларов в «Уолмарт».

— Я дам тебе двенадцать долларов, если ты никогда не нанесешь его снова, — я хихикаю и направляюсь в сторону лифта. — Увидимся, братишка!

Он улыбается и возвращается в квартиру. Я уже могу сказать: все будет здорово. Чертовски здорово.

В шесть часов приехали Амелия и Лукас. Я показываю им апартаменты, делаю небольшой ужин и усаживаю перед телевизором.

Джеймс: У меня есть для тебя сюрприз...

Майя: Ух! Я люблю сюрпризы! У меня для тебя тоже!

Джеймс: Я буду дома через две минуты.

Я отвожу Лукаса и Амелию в гостевую спальню, а сама с нетерпением жду у двери. Джеймс заходит внутрь с большим коричневым конвертом.

— Привет, малыш, — говорю я и целую его в щеку. — Теперь ты действительно должен сесть, чтобы я кое-что рассказала тебе.

Он смотрит на меня с любопытством и садится на диван.

— Там мой сюрприз? — говорю я, указывая на конверт.

Он кивает и протягивает его, но я отмахиваюсь от него.

— Нет, сначала я, — я хихикаю и становлюсь перед ним. — Слушай очень внимательно то, что я буду говорить, потому что это многое объяснит, — он кивает, и я ему рассказываю. Я рассказываю, как нашла Лукаса, но хотела удивить его. Рассказываю, как мы сделали ДНК-тест. Я показываю ему результаты и продолжаю рассказывать, что причина, по которой я уезжала — я устраивала Лукаса с Амелией в нашей бывшей квартире. С каждой новой деталью я замечаю, как его лицо сияет, а улыбка ширится. — Ты в порядке? — говорю я, когда его лицо вытягивается.

Я замечаю, что его руки начинают трястись.

— Да, — бормочет он, и я зову Лукаса и Амелию. Они выходят из комнаты, заметно нервничая. Джеймс и Лукас смотрят друг на друга какое-то мгновение, я вижу, как загораются их глаза, узнавая; два давно потерянных брата воссоединяются. — Черт подери, мы так похожи!

Я просто хочу плакать.

— Тетя Майя платит мне, чтобы я никогда не говорила такие слова, — говорит Амелия и хмурится на своего дядю. — Они плохие.

— Она удивительная, — говорит он, и они садятся. Я наблюдаю, как Джеймс радуется, когда она поет ему ее любимую песню и показывает танец.

Я вдруг вспоминаю про конверт и беру его, пока они болтают. Кажется, Джеймс забыл о нем. Джеймс смотрит на меня в панике и сжимает мое запястье, пытаюсь забрать конверт у меня.

— Не надо, малышка, это глупость, — говорит он, но я уворачиваюсь от него, смеясь. —

Пожалуйста, детка. Это действительно глупо... не надо. Пожалуйста.

Так, теперь я волнуюсь.

Я раскрываю конверт, улыбаясь и думая, что это билеты в оперу или что-то такое в огромном конверте, но то, что я нахожу в нем — заставляет мое сердце остановиться.

— Детка, нет, — говорит Джеймс, снова пытаюсь отнять содержимое, но я отхожу.

Там записка, фотографии меня и Лукаса. Я читаю записку: «Двое могут играть в эту игру. Ты действительно бессердечная лживая сука».

Я пролистываю фотографии. Он нанял частного детектива, чтобы следить за мной! Есть фотографии, когда я и Лукас вместе обедаем, затем, где я обнимаю руками и ногами Лукаса, когда мы получили результаты, пара фотографий, где я играю с Амелией. Еще есть фотографии, спрятанные в бумагах на развод. Я прикрываю рот рукой, а слезы заполняют глаза. Я роняю бумаги, и выпадают еще фотографии. Джеймс тянется за ними, но я быстрее.

На тех фотографиях — он и костлявая блондинка. Он трахает ее на новом столе. Она сидит верхом на нем на его новом кресле. И есть одна, на которой он смотрит в камеру с самодовольной ухмылкой на лице.

— Майя, — говорит Лукас, когда Джеймс забирает фотографии, которые я бросаю на пол. — С тобой все хорошо?

— Майя, — говорит Джеймс и тянется ко мне, а я отстраняюсь. — Пожалуйста, малышка, я неправильно все понял. Мне так чертовски жаль.

Я все еще ошеломлена, все болит, в груди жжет. Слезы текут ручьем. Джеймс снова тянется ко мне, но я делаю еще один шаг назад и качаю головой.

— Майя, не плачь.

Я дотягиваюсь до внутреннего кармана пиджака, а затем поднимаю документы о разводе.

— Майя, давай поговорим об этом, пожалуйста, — Джеймс паникует и пытается схватить документы, но я отодвигаю их, и они оказываются вне пределов досягаемости.

Я иду в спальню, хлопаю дверь и закрываюсь на замок. Бумаги хорошо подготовлены, у нас есть добрачное соглашение, поэтому мы сами можем решать, что оставить. Я смотрю на нашу кровать и вздрагиваю.

— Майя, пожалуйста, открой эту чертову дверь! — кричит Джеймс и стучит по ней кулаками. — Господи, Майя. Прости. Не оставляй меня, я облажался. Прости.

— Что случилось? — я слышу вопрос Амелии, прежде чем ее папа успокаивает ее. — А где Майя?

— Майя, пожалуйста, — всхлипывает Джеймс и стучит в дверь. Я не обращаю внимания. Я подписываю бумаги и вытаскиваю сумку. Я заполняю ее предметами первой необходимости и перебрасываю через плечо. Черт, мои глупые слезы. — Майя!

Я открываю дверь и прохожу мимо Джеймса. Он хватает меня за руку, останавливая мои движения.

— Убери от меня руки, Джеймс.

— Я облажался, Майя, я был уверен, что ты мне изменяешь. Я думал, я имею в виду... это был тот снимок, который я получил сегодня, и для меня все стало ясно. Я просто хотел, чтобы ты прочувствовала все на своей шкуре, — говорит он, и я замечаю, как по его щекам текут слезы. — Пожалуйста. Не делай этого.

Я выдергиваю свою руку из его захвата и хлопаю бумагами по его груди.

— Знаешь, все это время я беспокоилась о том, что могу разбить твое сердце. Я

волновалась из-за того, что недостаточно хороша для тебя. Я волновалась из-за того, что на самом деле я холодная бессердечная сука, — я всхлипываю и сердито вытираю свои слезы. — Но я никогда, никогда не могла бы сделать тебе больно таким образом и не бросила бы тебе доказательства в лицо. Я говорила тебе, что не изменяю.

— Я знаю, детка, я знаю, — говорит он и поворачивается к Лукасу. — Я сожалею, что мы встретились в такое дерьмовое время, — он поворачивается ко мне с надеждой в глазах. — Давай пойдем поужинаем? Вчетвером. Узнаем друг друга.

— Как ни странно, но я не голодна, — рычу я ему в лицо и иду к Амелии. Я вытираю слезы и целую ее в щеки. — Я приеду к тебе завтра, хорошо, принцесса?

— Почему ты такая грустная? Не грусти, — говорит она и обнимает меня за шею своими маленькими ручками.

— Не волнуйся, дорогая, я не буду грустить больше. Потому что у меня есть ты, и ты всегда подбодришь меня, верно?

Она улыбается и целует меня, а я поворачиваюсь к Лукасу:

— Скоро увидимся.

— Майя, — говорит он и подходит ко мне.

Я качаю головой.

— Нет. Мне просто нужно идти.

— Пожалуйста, малышка, не делай этого, — говорит Джеймс, когда я хватаю свою сумку и иду к двери. — Мы сможем пройти через это. Я обещаю.

— Я сказала тебе, когда мы только сошлись, что не хочу любить тебя. Я говорила, что любовь превращает людей в кашу, когда их сердца разбиваются. Господи, это физически больно! У тебя был секс с ней, Джеймс, ты трахнул ее, чтобы досадить мне. Даже не поговорив для начала со мной! Если бы я знала, как ты разрываешься, я бы рассказала о Лукасе! — кричу я, но мне плевать. — Я знаю, что не прощу тебя за это. Никогда.

— Ты говоришь так сейчас, но мы сможем, ты сможешь простить меня!

Я смотрю на его лицо, искажившееся от боли. Я почти останавливаюсь, чтобы утешить его.

— Пожалуйста, детка. Не уходи.

Я нажимаю на кнопку лифта и вытираю глаза еще раз. Он сжимает мои плечи своими крепкими руками.

— Убери руки, Джеймс. Бумаги подписаны. У меня есть копия. Можешь жить в этой квартире.

— Детка, не делай этого, — умоляет он и опускается на колени. — Я не хочу потерять тебя. Я не могу жить без тебя, Майя. Ты для меня — все. Я никогда не хотел развестись с тобой, просто хотел, чтобы ты страдала. Я был глуп! Прости. Пожалуйста. — Он оборачивает свои руки вокруг моей талии. — Пожалуйста, детка. Пожалуйста.

Я качаю головой и отхожу от него в ожидании лифта.

— Я больше не хочу тебя видеть.

Я оставляю его плакать, сломленным и ошеломленным, но не оглядываюсь.

Я не знаю, куда направляюсь. Я просто еду. Мой телефон звонит снова и снова. В конце концов, я останавливаюсь у «Теней», паба, в который мы ходили с Джейкобом и Мари.

Когда я вхожу, замечаю, что внутри почти пусто. Я сажусь за столик в углу, прячась от мира.

— Принеси бутылку, — говорю Харриет, одной из официанток.

Она кивает и делает так, как сказано. Приносит мне полную бутылку «Джек Дэниэлс» и стакан.

— Все хорошо? — спрашивает она, когда я наливаю полный стакан.

— Мужчины — свиньи, — говорю я и оставляю фразу висеть, к счастью, она понимает намек.

Я беру телефон, а там около пятидесяти пропущенных вызовов от Джеймса, несколько от Лукаса и около двенадцати от Мари.

Мои эмоции цепенеют с каждым осушенным стаканом, и я чувствую, будто плыву. Харриет подходит и протягивает руку.

— Да не собираюсь я садиться за руль, — бормочу я бессвязно. — Клянусь. Я не глупая.

— Надо кому-нибудь позвонить, чтобы забрали тебя? — говорит она, но я качаю головой. Нет, мне нужно полностью оцепенеть. Я наливаю еще один стакан, опустошая бутылку. — Может быть, тебе уже хватит.

— Я все еще могу чувствовать, — хихикаю я. — Никогда не достаточно, если ты все еще можешь чувствовать.

Она хмурится и садится рядом со мной.

— Ты хочешь поговорить об этом?

Я отрицательно качаю головой.

— Не обособо.

— Хорошо, тебе определенно достаточно. Я звоню Мари.

— Нет, — говорю я и качаю головой. — Я сама сейчас позвоню кому-нибудь.

Я вытаскиваю свой телефон и замечаю, что звонит Лукас.

Я отвечаю.

— Привет.

— Майя, ты в порядке? — говорит он тихо.

— Чертовски охрененно, — говорю я заплетающимся языком и делаю глоток виски.

— Ты пьяна.

— Что есть, то есть.

Я слышу, как Джеймс говорит на заднем фоне:

— Дай мне поговорить с ней.

— Нет, я просто повешу трубку, — говорю я. — Так, мне надо идти.

Потому что я должна где-нибудь переночевать.

— Я могу приехать за тобой?

— Нет, — говорю я решительно. — Я позвоню Мари. Я должна идти.

— Майя, — кричит Джеймс. — Прости меня!

— Хотю ленавидетьего. И я есе даже блзико не напиласьдобесчувствия.

— Не понял ни слова из этого, — смеется Лукас, этим почему-то вызывая у меня смех.

— Хорошо. Звони Мари. Напиши мне, когда ты будешь у нее.

Я кладу трубку и набираю сообщение Мари.

Майя: Забериб мя из «Теней». К черту, Джема. Он ублюдок. Ненавижучувака Так пьяна. Любжу тебя.

Мари: Что ты несешь?

Я рычу и отдаю свой телефон Харриет, она быстро печатает и отдает мне его обратно.

Пока я жду, обдумываю, как он может быть таким бессердечным? Как он мог ранить меня так сильно? Я ненавижу его! Я ненавижу его за то, что он заставил меня почувствовать все это! Я ненавижу его за то, что заставил полюбить его! Зачем он сделал это? Разве я не показывала ему, что люблю его?

Давай потрахаемся и почувствуем себя лучше.

Согласна, да будет так!

Мари приезжает через пятнадцать минут. Она смотрит на меня и обнимает.

— Вставай, поехали ко мне.

Спотыкаясь, я иду к ее машине. Я едва держусь на ногах. Мы уже на полпути к ее машине, когда Джеймс с заплаканными, красными глазами попадает в поле моего зрения.

— Пшел вон, — я думаю, что произношу это и машу рукой, но это движение вынуждает меня пошатнуться.

Мари зло смотрит на Джеймса и помогает мне встать прямее.

— Ты сделал это, — шипит она.

А Джеймс кивает.

— Я облажался. Позволь мне забрать ее домой.

— Домой. У меня нет дома, — ворчу я, а боль снова пронзает меня. — Был дом, но теперь разрушен. Я была уверена, что сама разрушу его, но не, ты сделал это. Теперь я ненавижу тебя. И никогда не хотю видеть тбя.

— Майя, детка, позволь мне помочь тебе.

— Я забираю ее домой к себе, — кричит Мари и тянет меня мимо него.

— Уйди с нашего пути, Джеймс.

— Она моя жена! — он шипит и вновь преграждает нам путь. — Пожалуйста, Мари...

— Ох, я твоя жена теперь. А была ли я твоей женой, когда ты трахал костлявую блонди на столе, за который заплатила я? В кабинете, который я сделала для тебя? Была я твоей женой, Джеймс? — визжу я и немного спотыкаюсь. В этот раз мой голос звучит хорошо. — Господи. Просто уходи.

— Ты гребаный мудака, — ахает Мари.

Я киваю с мрачной улыбкой.

— И он приложил фотографии к документам на развод. Вместо того чтобы для начала поговорить со мной обо всем этом, он выбрал сладкую месть.

— Я не могу понять, что ты бормочешь, милая, — говорит Мари и тащит меня к своей машине.

Мне это нравится. Она помогает мне сесть на пассажирское сиденье. Я прижимаюсь лбом к стеклу и наблюдаю за тем, как Мари и Джеймс ругаются, стоя возле машины. А потом все становится черным.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ой, ой, ой.

— Ты знаешь, что тебе нужно? — спрашивает Мари, когда я потягиваю свой кофе.

Я качаю головой.

— Тебе нужно выпить и потрахаться.

— Да, — соглашаюсь я. — Это всегда улучшает мое самочувствие. Сходим сегодня куда-нибудь?

— Конечно, я позвоню девочкам.

Я качаю больной головой.

— Нет. Они начнут осуждать. Ты же знаешь, какие они.

— Да, верно. Правда ли ужасно с моей стороны сказать, что сама ситуация отстойна, но среди туч проклевывается лучик надежды? Я вернула своего товарища по гулянкам.

Я съеживаюсь, когда ее голос становится громче и выше к концу предложения.

— Давай, напейся со своей кровавой Мэри.

— Я только закончу кое-какую работу, — говорю я, смотря в ноутбук. — Проверь мой телефон за меня.

Она берет мой телефон, а я пишу своим сотрудникам, что не появлюсь в офисе какое-то время.

— Сильвия звонит, — говорит Мари, а я зеваю. — Я поговорю с ней.

— Не говори ничего ей, — говорю я и закрываю ноутбук. — Я не смогу справиться и с ней прямо сейчас, — моя нижняя губа дрожит, когда я думаю о Джеймсе и той девке. — Хочу уволить ее.

— Привет, Сильвия... нет, да... ох, он вам сказал? Да она... — она смотрит на меня. — Она просто ужасно, Сильвия. Она притворялась, что все не так... да, конечно, я скажу ей... нет. Да, она сделала и это здорово, не так ли? Хорошо. Спасибо, что позвонили. Берегите себя.

Я смотрю на нее, пока она прокручивает сотни моих сообщений.

— Что она сказала?

— Она знает, и ей стыдно за действия Джеймса. По-видимому, он просил ее позвонить и убедить тебя, но она сказала ему, что это его проблема, и он заслуживает этого.

— Молодец, Сильвия, — фыркаю я и падаю на диван. Я вздрагиваю, когда слышу стук в дверь. — Скажи ему, чтобы убирался.

Мари вздыхает и идет к двери.

— Что?

— Мне нужно увидеть ее! — стонет Джеймс и отодвигает Мари. Я выпрямляюсь и остаюсь равнодушной. — Малышка, — воркует он и опускается на колени передо мной. Он кладет голову мне на колени и оборачивает руки вокруг меня. — Поехали домой. Пожалуйста.

— Мне и здесь хорошо, спасибо, — говорю я и убираю его руки. — Вы с Лукасом поладили?

— Он зол на меня за то, что я сделал, но мы собираемся узнать друг друга получше. Амелия действительно любит тебя. Она тоже зла на меня, — он смеется, но останавливается, когда замечает ничего не выражающий взгляд на моем лице. Оставайся

сильной, вот так, не сломайся. Тебе плевать, помнишь? Он ничего для тебя не значит. — Мне очень жаль. Прости меня. Скажи, что мне сделать, и я сделаю это. Я обещаю.

Я закатываю глаза.

— Господи, ты такой нытик. Ты ничего не можешь сделать. Спасибо, что дал мне повод снова быть одинокой.

— Не говори так, — выплевывает он и сжимает руки в кулаки. — Не делай то, о чем потом пожалеешь. Лишь потому, что сделал я.

Я фыркаю и встаю с дивана, потягиваясь, как кошка.

— Дорогой, я не собираюсь делать то, чего не хочу. Извини, но я никуда с тобой не поеду. Я уже сказала, что не хочу снова тебя видеть.

— Майя...

— Просто уходи. Ты позоришь себя. Я не хочу тебя. Уложи это в своей голове.

— Прекрати, хватит лгать. Черт возьми, Майя.

— Кто сказал, что я лгу? Ты меня знаешь — я не лгу, Джеймс. Я не хочу, чтобы ты был здесь. Я лишь зла, что ты изменил первый. Это унижительно.

— Майя, я знаю, что облажался. Очень сильно, но просто все так навалилось на меня. Я просто хотел, чтобы ты...

Я закатываю глаза и вздыхаю.

— Чтобы ты почувствовала, как я себя и бла-бла-бла. Скучно. Ты закончил?

— Ты слышал, что сказала женщина? — самодовольно говорит Мари и встает рядом со мной.

Джеймс смотрит на нее.

— Не лезь не в свое дело, Мари. Она моя чертова жена!

— Фактически нет. Подписанные бумаги отправились к ее адвокату примерно полчаса назад.

— Что? — кричит он и хватается меня за руку. — Не делай этого. Малышка, пожалуйста, не делай этого.

— Слишком поздно, — я пожимаю плечами. — Должна заметить, все это было забавно.

— Уходи, или мне придется тебя вытолкать, — Мари улыбается, и получается это у нее грозно и страшно.

— Майя, я люблю тебя, я не перестану бороться. Мы предназначены друг для друга! Пожалуйста. Не надейся на глупостей.

Я издаю смешок.

— Ты имеешь в виду, не трахай никого? Нет, это твоя работа, верно? Я буду делать все, что я, черт побери, захочу! А теперь уходи.

— Я вернусь позже, — говорит он и трет покрасневшие глаза. — Не делай этого. Для начала взвесь все, хорошо? А ты прекрати поощрять ее, Мари.

Мари показывает ему средний палец и захлопывает за ним дверь.

— Ну, это было забавно... хотя нет.

— Прости, — я всхлипываю и чувствую, что слезы текут по моим щекам, — Черт побери, когда я стала такой слабой?

— Эй, — вздыхает она и притягивает меня в свои объятия. — Почему бы тебе не пойти в душ, переодеться, и мы пойдем пообедать.

Я киваю и делаю, как мне сказали. И сразу чувствую себя лучше. Я не уверена, закончила ли реальность со своими сюрпризами, или мне просто уже на все плевать. Сейчас

первоначальный шок исчез, и я на самом деле не чувствую себя очень плохо. Да, когда я увидела Джеймса, я хотела броситься в его объятия и утешить его. Хрен знает почему. Он мудака.

Поэтому мы напяливаем лучшие шмотки и выбираемся в город. Мари радуется предстоящей ночи, а я просто хочу свернуться калачиком в постели и отоспаться после своего похмелья.

Мой телефон бикает, как только мы попадаем внутрь клуба. Клуб забит, но у нас есть своя ВИП-кабинка.

— Это Лукас, — говорю я и машу телефоном.

Лукас: Привет, мы скучали сегодня по тебе. Хх Как ты?

Майя: Извини, я совершенно забыла. Я все наверстаю. Я в порядке, пошли потанцевать с Мари.

Лукас: Не делай ничего того, о чем потом пожалеешь. Хх

Майя: Уже сделала — вышла замуж за мудака. Я заеду завтра, если что, хорошо? Вам что-нибудь нужно?

Лукас: У нас все в порядке, не беспокойся о нас. Почему бы тебе не пожить здесь? Мне так тяжело думать о том, как тебе больно. Мы можем посмотреть дерьмовые фильмы, и поесть шоколад, и поделаться все, что делают девчонки, чтобы склеить разбитое сердце.

Майя: Ха-ха, это звучит хорошо, но не волнуйся, нечего клеить. Увидимся завтра ХХ

Я закрываю телефон и заказываю шот. Все, что мне нужно — это больше алкоголя!

Спустя полчаса наша кабинка заполнена, люди все продолжают прибывать. Я сижу около симпатичного парня и его девушки, имена вспомнить не могу. Мне кажется, она участвовала в каком-то реалити-шоу. Она кажется достаточно милой.

— Хочешь потанцевать? — спрашивает Мари и показывает на двух горячих парней, облокотившихся на стол. Блондин справа мило мне улыбается. Я пожимаю плечами, выпиваю содержимое своего стакана и тащусь на танцпол.

Его руки ощущаются так неправильно, они находятся на мне, но это так неправильно, они не такие теплые, как у Джеймса, и трогают они меня не так. Не имеет значения, насколько хорошо танцует парень, это все просто неправильно. Мари где-то исчезла, думаю, она ушла вместе с парнем, с которым танцевала. Вероятно, трахает его у стены в уборной.

Черт, голова кружится.

Надо больше шотов.

Да, это то, что мне нужно.

Мари возвращается обратно на танцпол растрепанная и улыбается, как кошка, которая съела канарейку. Я закатываю глаза и хихикаю, наблюдая, как она танцует со своим новым любимым мужским объектом. Мне нужно уйти. Я не могу здесь оставаться. Парень, с которым я танцевала, только что поцеловал меня. И это было ужасно. Он на вкус как пиво и сигареты. Фу! Я разыскиваю Мари в толпе и говорю ей, что ухожу. Она обнимает меня и исчезает снова, все как обычно. Когда-то это было весело.

Спотыкаясь, я выхожу из клуба, ловлю такси и запрыгиваю в него. Сейчас только два часа ночи, он же не будет против? Сомневаюсь в этом.

Я хихикаю и захожу в лифт. Почему я здесь? Понятия не имею. Готовлюсь отпустить

прошлое? Я немного громко стучу в дверь, и Джеймс открывает мне. Он полностью одет в черный костюм с сексуальной щетиной на своем лице. Его волосы выглядят так, будто он постоянно взъерошивал их руками, а под глазами чернота от недостатка сна. Именно его глаза поражают меня — красные от истощения и недосыпа или слез. Кто знает?

— Привет, — говорю я и подхожу к нему.

— Майя, — выдыхает он и обнимает меня. — Что ты здесь делаешь?

Я пожимаю плечами и сбрасываю туфли. Я поворачиваюсь к нему и кладу руку на его крепкую грудь, чувствуя, как его мышцы напрягаются.

— Прикоснись ко мне, — говорю я и кладу его руки себе на бедра.

Тепло его ладоней просачивается сквозь мое платье и в мою кожу. Его пальцы впиваются в мою плоть, и это прекрасно. Я настороженно смотрю в его глаза, а затем прикасаюсь своими губами к его.

— Ты нужен мне, — бормочу я и снимаю его пиджак, затем расстегиваю рубашку. — Прямо сейчас.

Я снимаю с него штаны и обвиваю ноги вокруг его бедер. Он прижимает меня к стене и входит в меня так быстро, будто от этого зависит его жизнь.

— Мы должны поговорить, — стонет он, но я закрываю его рот своим. Я кричу, чтобы он входил жестче, быстрее, крепче держал меня, пока слезы не начинают литься из моих глаз. Не от удовольствия, которое я испытываю, а от боли из-за разбитого сердца. Боли оттого, что он не доверял мне и предал меня.

— Я ненавижу тебя, — стону я сквозь свой оргазм и подразумеваю то, что говорю. Моя любовь к нему сильнее, чем раньше, но так же, как и моя ненависть. Это разжигает во мне бесконечную страсть. Я хочу заставить его страдать, но в то же время я люблю его и забочусь о нем. — Я, черт возьми, ненавижу тебя.

— Не говори так, малышка, — говорит он и прячет лицо в мою шею. — Я сделаю все, что угодно.

Я опускаю ноги и бреду в ванную, чтобы привести себя в порядок.

— Пожалуйста, Майя. Пойдем в кровать.

— Все кончено, — мой голос дрожит, а слезы текут снова. Я ненавижу плакать, я чувствую себя так чертовски глупо. — Я ненавижу тебя.

Он протягивает ко мне руку, но я ударяю по ней.

— Я не могу вернуться к тебе, Джеймс. Не могу переломить эту боль.

Он сглатывает.

— Ты любишь меня. Я люблю тебя. Мы можем начать все сначала.

— Нет, не можем.

— Мы можем!

Я смотрю на него. Теперь мой гнев — моя самая сильная эмоция.

— Ты сломал меня, Джеймс! Я люблю тебя, черт возьми. Я, бл*дь, люблю тебя. Господи, я влюблена в тебя. Неважно, как сильно я стараюсь убедить себя, что я не... я люблю. Слишком сильно. Это больно, очень сильно. Я... я не знаю, как пережить все это, — я трясу головой. — Я не могу смотреть на тебя.

— Так почему ты трахалась со мной? Почему пришла сюда?

— Попроцаться.

Его лицо искажается от боли, и одинокая слеза стекает по щеке. Становится еще больнее, видеть, что он сломлен так же, как и я.

— Я люблю тебя. Возьми пару недель, но не разводишься со мной. Еще не время.

— Прощай, Джеймс, — говорю я и делаю шаг к двери. — Прощай.

— Нет, — паникует он и обнимает меня за талию. — Не уходи. Мы можем пройти через это. Мы сильная, отличная пара.

Я убираю его руки и тянусь к дверной ручке. И выругиваюсь, когда замок сопротивляется. Когда мне, наконец, удастся открыть дверь, я делаю шаг в холл и нажимаю кнопку вызова лифта. Он выходит за мной, но я не оборачиваюсь, игнорирую его просьбы, извинения, боясь, что останусь.

— Береги себя, — всхлипываю я.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Две недели назад я ушла от своего мужа. Две недели назад я оставила свое сердце позади. Две недели назад начали появляться цветы, открытки, звонки, сообщения, письма. Поэтому два дня назад я собрала вещи в своем кабинете и оставила его в надежных руках мужчины по имени Оливер. ЛА, а вот и я. Я решила ненадолго устроить свой офис здесь пока Джеймс не поймет, что мы больше не вместе.

Новость о нашем разводе появилась в журнале сплетен и в новостях два дня назад. Я потрясена тем фактом, что Джеймс сказал правду, сказал им, что он сделал, в то время как они уже готовы были рвать меня в клочья. Он попросил их напечатать, что ему очень жаль, и что он сильно скучает по мне. Мой отъезд будет шоком для него. Он еще не знает.

— Привет, — Джейкоб улыбается и заключает меня в свои крепкие объятия. — Как дела?

— Моя жизнь — отстой, — вздыхаю я и иду на кухню. Я приехала несколько часов назад. Поселилась у звезды, пока не найду себе достойное местечко возле пляжа. — Я должна ему позвонить. Может быть, лучше напишу ему сообщение.

— Да, я бы сказал, что ему написать, — он бросает свой пиджак на спинку стула и опирается локтями о столешницу. — Жаль, что я не смог быть здесь, когда ты приехала, — я отмахиваюсь от него и наливаю третью чашку кофе. — Нравится мой дом?

Я киваю и смотрю вокруг.

— Чудесный. Все очень по-домашнему. Я отчасти ожидала чего-нибудь холостяцкого, типа барной стойки и шеста в гостиной.

Он усмехается и приподнимает брови.

— Ты хочешь устроить танцы у шеста?

— Черт, возможно.

— Ты серьезно?

— Да, — я сохраняю серьезное выражение лица и пожимаю плечами. — Никто не умеет танцевать у шеста, как я.

— Я... я могу купить шест.

Я закатываю глаза и бросаю в него полотенце.

— Я здесь с разбитым сердцем. Сейчас ты равен просто другу. Давай напьемся и займемся диким животным сексом.

Он широко разевает рот, но потом хмурится, когда я хитро улыбаюсь, показывая, что дразню его. Он уходит, притворяясь, что поправляет стояк в штанах.

— Я оставлю тебя одну, чтобы ты написала или позвонила своему бывшему.

— Ага.

Черт побери, теперь я вспомнила, что должна ему позвонить.

Лишь один гудок, прежде чем он отвечает:

— Привет, — говорит Джеймс, а мой живот сжимается, — малышка.

— Да, — я вздыхаю, ненавижу эту дрожь в голосе. — Джеймс.

— Да? — говорит он обнадеживающе.

— Я уехала.

Он прочищает горло, и теперь его голос кажется напряженным.

— Из офиса?

— Нет, с континента.

— Когда ты собираешься вернуться? Ты взяла отпуск?

Я качаю головой, хотя он не может видеть. Подступает тошнота.

— Нет. Я перевелась в ЛА. Есть один парень по имени Оливер, теперь он работает в моем офисе. Он хороший, мы поменялись рабочими местами.

Все, что я получаю в ответ — это молчание и тяжелое дыхание. Минуту спустя возвращается Джейкоб и гладит меня по спине, замечая боль в моем взгляде.

— Ты здесь? — спрашиваю я.

— Когда ты вернешься?

— Я не вернусь.

Делаю глубокий вдох.

— Вот, — говорит Джейкоб и протягивает стакан с виски.

Я принимаю его с благодарностью и слышу, как что-то разбивается на том конце трубки у Джеймса.

— Кто, черт возьми, это был? — кричит он, когда я делаю глоток своего напитка. — Ты... встречаешься с кем-то? Прошло всего две недели, Майя!

— Это Джейкоб. Я остановилась у него до тех пор, пока не найду приличное жилье.

Не знаю, почему я паникую от мысли, что он подумает, будто я встречаюсь с кем-то. Может быть, я просто не хочу причинять ему еще больше боли.

Что-то еще разбивается, и я слышу, как он выругнулся, но слова приглушенные, видимо он прикрывает динамик.

— Я приеду за тобой, Майя. Не делай этого... не исчезай.

Я ненавижу эту мольбу в его голосе, каждый раз, когда я слышу это, то становлюсь немного ближе к тому, чтобы простить его. Но я не могу сделать этого. Я не могу быть той самой женщиной, у которой мужчина делает все, черт побери, что он хочет, и она позволяет это.

— Я должна идти.

— Зачем ты это делаешь? Если ты хочешь, чтобы я перестал прилипать к тебе, я перестану. Я обещаю. Все, что ты хочешь, детка, я сделаю это. Только не оставляй меня, когда я так нуждаюсь в тебе.

— Я должна идти.

— Майя... — предупреждает он, но я вешаю трубку.

Проходит лишь две секунды до того, как он звонит снова, а я игнорирую его. Он звонит снова и снова и отправляет смс, оставляя сообщения ближайšie полчаса, пока Джейкоб не хватает мой телефон и не выключает его.

— Хочешь пойти поужинать?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет. Я собираюсь хандрить в своей спальне.

— Сначала ужин, — он усмехается и хватает меня за локоть. — Хочешь, закажем?

— Я хочу хандрить.

— Китайское что-нибудь. Хочешь мороженое и шоколад? — он начинает что-то яростно набирать на своем телефоне.

— Я хочу есть мороженое и шоколад, пока буду хандрить.

Игнорируя меня еще раз, он толкает меня на диван и садится рядом со мной.

— Хочешь секса?

— Единственный раз в жизни — нет, — это чувство чуждо мне.

— Хорошо, сначала китайская кухня, затем мороженое, шоколад и потом секс, — он включает телевизор. — И пару фильмов ужасов.

— Могу я просто пойти и похандрить?

— Ооо, этот неплохой, — он ставит новый диск с фильмами ужасов.

Закатываю глаза.

— Ты — игнорирующий засранец.

— Заткнись и смотри фильм, — он смеется и притягивает меня к своему боку. —

Видишь, это не так трудно.

— Я передумала.

— Хочешь секса? — он озорно улыбается.

В ответ я шлепаю его, и он стонет.

— Нет. Я передумала по поводу списка трех самых раздражающих мужчин. Ты подвинул Лукаса на третье место и устроился на втором. И конкурируешь с Джеймсом за первое место.

— Займись со мной сексом, и я буду твоим «номером один» в этой области, — он подмигивает и заставляет меня смеяться вслух. Он шутит, я думаю, что мы способны лишь на платонические отношения, поскольку не уверена, привлекаем ли мы друг друга иначе. У нас отличная дружба, и мы довольно похожи. — Как Лукас и Амелия?

— Великолечно. Джеймс снял их с моего банковского счета и присоединил к своему, просто чтобы позлить меня. Лукас теперь работает с Джеймсом, а вот мать Джеймса еще не в курсе дел. Джеймс, вероятно, не уверен в ее реакции.

— Ты думаешь, что она будет счастлива?

— Да, так я и думаю. Она может быть стервой, но она любит своего мальчика. Знаешь, она будет рада, что у него появилась семья, которой не было. Не говоря уже о том, как сильно она будет баловать Амелию.

— Да, представляю.

— В любом случае, — я зеваю и потягиваюсь перед тем как уложить свои ноги под себя. — Давай посмотреть этот дерьмовый фильм. Когда привезут ужин?

— Думаю, через пару минут.

Его пальцы скользят вниз по ребрам, прежде чем залезают под пояс моих шорт. Я хлопаю его по руке, и мы оба смеемся, пока какому-то чуваку не отрывают голову на экране, и я хочу блевануть. Это хорошее отвлечение от болезненных мыслей.

Я не включаю свой телефон до следующего утра. А потом сразу же удаляю все сообщения, сами знаете от кого. Оливер много звонил и писал мне, по-прежнему привыкая ко всем нюансам. Он также сказал, что Джеймс попросил его передать мне, что он любит меня, скучает по мне, и что мы предназначены друг для друга... Я сказала ему передать Джеймсу, чтобы он перестал преследовать его на работе. Ответ Джеймса: бесконечные звонки. Я так взбешена и расстроена, что предупреждаю, что сменю номер.

— Лукас, — говорю я, отвечая на телефонный звонок. — Как дела?

— Отлично, спасибо, — Лукас вздыхает. — Джеймс — с ним все плохо. Он искренне думал, что ты вернешься к нему. Он вчера был жутко пьян. Поговори с ним.

— Я разговаривала с ним.

— И?

— И он ничего не понимает.

— А?

— Он должен двигаться дальше. В любом случае я не хочу больше говорить об этом.

— Ты говоришь с ней? — я слышу отчаянный голос Джеймса, затем злобный голос Лукаса. Затем какая-то потасовка, Лукас ругается и кричит:

— Прости.

— Малышка, это я, — говорит Джеймс и всхлипывает. — Мне правда нужно, чтобы ты приехала домой.

— Он опять пьян, — кричит Лукас. — И плачет, как ребенок.

— Почему ты пьешь? — тихо спрашиваю я.

— Ты ушла от меня к Джейкобу? Ты хочешь его? — его голос едва слышимое бормотание.

— Я не ищу отношений, Джеймс.

— Ты врешь. Ты говорила, что трахнула бы его. Я заслуживаю этого... если ты его трахнешь, я по-прежнему хочу тебя. Тебя и деток от тебя. Я хочу тебя. Очень сильно. Приезжай домой. Ко мне, и давай заведем детей и поженимся и всякое подобное дерьмо.

— Как романтично, — я слышу, как Лукас смеется и затем вновь какой-то шум.

— Нет! — кричит Джеймс, как ребенок. — Я говорю с ней. Я буду петь для нее. Ей нравится это...

Эммм... не уверена насчет последнего.

— Детка. Ты мне нужна здесь. Очень.

— Я вернусь через несколько недель. У меня есть дела, которые нужно сделать. Мы можем поговорить тогда. Разберемся с делами. И разводом.

— Я скучаю по твоей киске. Так чертовски сильно.

— Хорошо, давай прекратим разговор.

Слышится какой-то удар, ворчание, борьба и потом тяжелое дыхание.

— Это я, — Лукас вздыхает и прочищает горло. — Да, он просто вырубился.

— Мне очень жаль, Лукас. — Я опускаю лоб на столешницу.

— Я не знаю, что с ним делать, Майя. Он в ужасном состоянии.

— Все хорошо? — спрашивает Джейкоб, приоткрыв дверь и просунув голову в щелку.

— Кто это? — рычит Лукас, и я клянусь, что слышу, как трескается его телефон.

Я закатываю глаза и киваю Джейкобу в ответ:

— Я говорю по телефону с Лукасом. Лукас, это Джейкоб. Я живу у него, пока не смогу найти достойный дом. Это лучше, чем быть в одиночестве в отеле.

— Ты не можешь просто вернуться сюда? Амелия скучает по тебе.

— Я приеду за вами обоими, когда куплю дом. Он будет на пляже. Амелии понравится.

— Это не то же самое.

— Не превращайся в Джеймса, пожалуйста, Лукас. Мне это нужно.

— Да, я сожалею. Я просто чувствую, как ты отдаляешься.

Я хихикаю.

— Нет, не отдаляюсь. Просто спасаюсь. Давая нам всем время вдохнуть и двигаться дальше.

— Поспеши, — Джейкоб улыбается и держит в руках упаковку с кренделями. — Игра начинается.

— Твой парень зовет тебя.

— Очень по-взрослому, Лукас. Правда.

— Я поговорю с тобой завтра.

— Хорошо, — говорит он тихо, и я представляю, как он сжимает пальцами переносицу.

Прямо как Джеймс. — Береги себя.

— Хорошо, — я киваю, хотя он не может видеть меня.

— Давай, пора смотреть фильм, — Джейкоб улыбается и тащит меня в комнату. — Я работаю завтра, но буду свободен с семи часов. Чем хочешь заняться?

— Хандрить.

— Мы пойдем на ярмарку.

— И найдем палатку, в которой я смогу хандрить.

— И найдешь аттракцион, на котором ты будешь кричать, — он озорно усмехается, полностью игнорируя меня. Да пофиг. Он вздыхает, смотря на мое безэмоциональное выражение лица, и ставит фильм на паузу. Ох-ох. Мне не нравится этот его взгляд. — Поговори со мной. Расскажи мне, как ты себя чувствуешь.

Я хмурюсь и качаю головой.

— Я злая и униженная. Я не говорю о своих чувствах, но кратко опишу тебе. Мне больно. И это, черт подери, отстойно.

Я киваю и тянусь за пультом. Он убирает пульт от меня подальше и приподнимает бровь.

— Он заставил меня полюбить его. Со мной все было хорошо, но он продолжал давить и давить. Теперь я вот в таком состоянии, а он...

— Ты могла бы простить его. Он не сделал это для удовольствия. Он сделал это ради мести.

Я хочу ударить его, но не делаю этого.

— Он облажался. Он платит за это. Поговори с ним.

— На чьей ты стороне?

— На твоей. Полностью на твоей. Он поступил по-свински, но... — он трет лицо руками. — Я думаю, что ты пожалеешь об этом решении, если действительно хорошо об этом не подумаешь.

Я только это и делаю.

— И действительно поговори с ним об этом. Затем реши с разводом, пока не стало поздно.

Он приводит хорошие аргументы, но этого недостаточно для меня.

— Я поговорю с ним до слушания, когда вернусь.

Со слабой улыбкой он нажимает на «Воспроизвести» и ложится на противоположной стороне огромного дивана. Да начнется кино.

Любовные сцены. Фу.

Секс-сцены. Двойное фу.

Секс-сцены в поезде. Выглядит интересно. Чага-чага-чух-чух.

— Может, перестанешь издавать эти звуки, будто ты в поезде? — я моргаю, наблюдая как Джейкоб хихикает. Его тело трясется от смеха. — Черт, я рад, что встретил тебя.

— Цыц. Я делаю вид, что я — поезд.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— Любимое животное?

Хм...

— Свинья... нет, кошка... нет, тигр... нет, шимпанзе... нет, жираф. Черт, — я почесываю нос, раздумывая. — Волк. Безусловно, волк.

— Хорошо. Любимый цвет.

— Фиолетовый... нет зеленый. Хм... а, может, серебристый?

Я пожимаю плечами и смотрю в большое окно.

— Любимое имя.

Понятия не имею.

— Любимое ТВ-шоу.

— Дневники вампира.

— Фильм.

— Это сложно, — я тру свое лицо и смотрю на женщину через ее очки-половинки. — Какой смысл в этом?

Она смотрит на меня с равнодушным выражением лица и пожимает плечами.

— Поможет мне познакомиться с вами.

— И... — сажусь я прямее и опираюсь на локти.

— Мне кажется, что вы умная женщина, но вы не знаете, чего хотите, или кто вы есть на самом деле.

Ну, док, я могла бы сама это сказать и не тратила бы шестьсот баксов на бесполезный прием.

— Вы скучаете по нему.

— Конечно, скучаю, — и это первый раз, когда я говорю это вслух. — Я скучаю по нему больше, чем скучала бы по дыханию.

— Вы пробовали общаться с ним после развода? — спрашивает она, уже зная ответ. Я отрицательно качаю головой, в любом случае. — Он по-прежнему пишет вам? Или пытается наладить контакт?

Я киваю.

— Постоянно.

— И вы не отвечаете? — конечно, нет, это было бы плохо. Потому что я простила бы его. — Может быть, вы должны. Вам нужно поговорить с ним, рано или поздно.

Прошло уже три месяца с момента развода. Три месяца, как я виделась с Джеймсом и разорвала все отношения.

Я помню, как вошла в его кабинет за три часа до начала слушания. Просто взгляд на рабочий стол и стул, весь кабинет, который я сделала для него, вызвал тошноту. Он подскочил и сразу же заключил меня в свои объятия. Я прижалась к нему, вдыхая его запах, вбирая его силу, все, чем он был для меня.

— Малышка, — прошептал он мне на ухо и поцеловал меня в щеку. — Я скучал по тебе. Поехали домой.

— Мы здесь, чтобы окончательно оформить развод. — Начала я, как абсолютно деловая женщина, какой могу быть, выключив мысли. — Ты хотел поговорить, так говори.

Он посмотрел на меня грустным взглядом и повел меня к дивану возле окна с видом на

город. Мы сели и уставились друг на друга.

— Я сожалею.

— Это ты уже говорил.

Мы говорили, и так ничего и не решили. Я не могла забыть, простить, и я не могла вернуться к нему. Черт, я все еще не могу. Я даже хожу к гребаному мозгоправу. Он умолял меня вернуться — я отказалась. Я не буду вдаваться в подробности, там было море слез с моей стороны и много с его. Потом пришла его мама...

— Итак, вот к чему все свелось, — сказала она с суровым взглядом и повернулась ко мне. — Ты должна действительно подумать, подумать об этом, — она повернулась к сыну. — И ты... — чертов идиот.

Мы оба кивнули, чувствуя себя непослушными детьми. Я встала и отправилась на слушание.

— Он остается на своей должности, он может забрать квартиру.

Это было ужасно. Джеймс не подписал, а я подписала за три секунды. Как сорвала лейкопластырь. Быстро, легко и болезненно.

Его мама пошла за нами и настояла на том, чтобы он следовал голосу разума, затем она повернулась ко мне и выплюнула:

— Он правда раскаялся, ты, бессердечная сука. Но, очевидно, тебе плевать на него.

Ой.

Я просто пожала плечами и сказала:

— Вы правы. Мне плевать.

А потом встала и ушла без оглядки, оставив его расстроенным.

Я до сих пор живу с Джейкобом, главным образом потому, что он любит проводить со мной время, и мне приятно тут находиться. Мари приезжала на прошлой неделе. Было весело. Она привезла мою машину. Я вернула ей ее, поскольку уже купила себе новую.

Большинство людей на моей стороне, большинство. Джессика больше не разговаривает со мной, потому что я идиотка, и, по-видимому, должна простить его. Со мной были согласны только Мари и Джейкоб. Сначала Джейкоб не был, но потом его папа изменил его маме, и он сразу посмотрел на эту ситуацию иначе.

Тут редко идут дожди, но, когда идут, то льет как из ведра. Вот это сейчас и происходит снаружи, в то время как я сижу и смотрю на эти синие линии-ручейки, подтверждая то, что доктор сказал мне. Я не имею в виду моего психолога. Я имею в виду моего врача, обычного доктора. Дождь — точное описание, как я чувствую себя внутри: беспокойно, угрюмо, раздраженно и угнетенно. По-настоящему дерьмово.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Либи́до (лат. *libido* — похоть, желание, страсть, стремление) — одно из основных понятий психоанализа, разработанных Фрейдом. Оно обозначает сексуальное желание или половой инстинкт. Этот термин необходим для описания разнообразных проявлений сексуальности.

Kindle (произносится "киндл") — серия устройств для чтения электронных книг, выпускаемая компанией Amazon.com.

Время Чико - это точка, в которой ситуация становится настолько серьезной, что ее можно спасти с помощью участника «Икс-фактора» Чико.

Рибай – говядина рибай, мясо, которое извлекается из реберной части (с 6 по 12 ребро) животного.

«Шоу Джерри Спрингера» («The Jerry Springer Show») – скандальное американское ток-шоу, выходящее в эфир на телеканале NBC с 1991 года, ставшее знаменитым благодаря обсуждениям таких провокационных тем как супружеская измена, гомосексуализм, расизм, проституция и т.д., обилию насилия и чрезмерному использованию участниками ненормативной лексики.